

В. П. Грицкевич

**От Нёмана
к берегам
Тихого
океана**

Мінск
Польімя
1986

ВБК 63.2 Г 78

Рекомендована Бюро Комиссии истории. Географических знаний Географического общества СССР

Рецензенты: В. И. Мелешко, д-р. ист. наук; М. О. Бич, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та ист. АН БССР; А. И. Мальдис, канд. филол. наук, зав. сектором Ин-та лит. АН БССР; Д. Я. Резун, канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та ист. Сибирского Отделения АН СССР

Художник А. Ф. Корчагин

Грицкевич В. П.

От Немана к берегам Тихого океана.— Мн.: Польша, 1986.— 303 е.: ил.

Автор, кандидат медицинских наук, действительный член Географического общества СССР, рассказывает о выходах с территории Белоруссии, прокладывавших новые маршруты в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII—XIX веках.

Рассчитана на краеведов, туристов, массового читателя.

ОБ АВТОРЕ И КНИГЕ

Валентин Петрович Грицкевич знаком читателям как автор ряда книг и статей, в которых он изложил малоизвестные факты из жизни выходцев с территории нынешней Белоруссии, прославивших себя крупными работами в области естествознания, этнографии, медицины и т. д., раскрыл сущность их исследований. Знание ряда иностранных языков и многолетние изыскания в архивах позволили В. П. Грицкевичу сделать в этой области целый ряд открытий.

В книге «От Немана к берегам Тихого океана» автор рассказывает о тех наших земляках, которые принимали участие в освоении Урала и Сибири, начиная с похода Ермака и до начала XX ст. Они попадали на Урал и в Сибирь по разным причинам и в разное время. В середине XVII столетия во время русско-польской войны 1654-1667 гг., когда временно была занята почти вся территория Белоруссии, русское правительство переселило в Россию массу крестьян, мещан и шляхты, часть которых и направилась на Урал, в Сибирь. Многие белорусские шляхтичи и мещане были людьми образованными, хорошо владели оружием, поэтому в местах новых поселений они занимали видные должности.

Но больше всего они сделали как исследователи природы и населения Восточной Сибири. Так, И. П. Козыревский описал Курильские острова, Ю. Копоть — природу Камчатки, А. Каменский и Л. Сеницкий изучили быт якутов и эвенков. Наиболее выдающимися деятелями стали И. Д. Черский (в честь которого назван горный хребет), Б. И. Дыбовский, А. А. Бялыницкий-Бируля. О. М. Ковалевский стал ректором Казанского университета, И. А. Гошкевич составил первый русско-японский словарь. Интересны биографии и многих других выходцев из Белоруссии.

Этих талантливых людей не сломали удары судьбы, они прошли через труднейшие испытания. Проследившая их жизненный путь, В. П. Грицкевич написал увлекательную книгу, которую с интересом прочитают краеведы, научные работники и студенты, все те, кто изучают историю родного края.

*Доктор исторических наук, старший научный сотрудник
Института истории СССР АН СССР Н. Н. Улащик*

ЗНАТЬ ПРОШЛОЕ – ПРЕДВИДЕТЬ БУДУЩЕЕ

Движение общества поступательно. Но прошлое связано с будущим. Объединены они настоящим. Понять современность без знания прошлого невозможно. Основательное знакомство с прошлым помогает лучше постигать современность и предвидеть будущее. Писатель Чингиз Айтматов справедливо заметил: «Человек без памяти прошлого, поставленный перед необходимостью заново определить свое место в мире, человек, лишенный исторического опыта своего народа и других народов, оказывается вне исторической перспективы и способен жить только сегодняшним днем».

Для современного человека, человека с историческим самосознанием и мышлением, как раз характерно уважение к прошлому и следование добрым его традициям.

С ростом уровня просвещения и культуры в нашей стране постоянно увеличивается интерес к историческим событиям, биографиям значительных личностей. Читателям недостаточно тех сведений, которые вошли в учебники. Им хочется знать все больше и больше о тех проблемах истории, которые по различным причинам редко попадали в поле зрения исследователей.

Замысел этой книги связан именно с последним обстоятельством. Со школьной скамьи меня интересовало прошлое родного края, еще в студенческие годы я занялся изучением медицинского прошлого Белоруссии, старался прочесть как можно больше и опубликованных, и архивных источников, чтобы почерпнуть в них сведения о медицине. Попутно обнаруживалось много интересного о том, как наши предки жили в давние времена, как менялся облик Белоруссии, самосознание ее народа. И уже тогда захотелось понять, как те, кто жили задолго до нас, осваивали и познавали свою землю, окружающий мир, чужие страны, быт и языки населявших их народов.

Начались поиски сведений о земляках, исследователях Белоруссии и дальних стран. Как описывали Белоруссию наблюдательные иноземные путешественники, рассказывали мы в соавторстве с историком литературы Адамом Иосифовичем Мальдисом в книге «Шляхі вялі праз Беларусь», которая вышла в Минске в 1980 году. Часть биографий путешественников родом из Белоруссии вошла в наши книги «Путешествия наших земляков» (Минск, 1968), «Десять путей из Вильнюса» (эта книга издана на литовском языке в Вильнюсе в 1972 году) и «Нашы славуцья землякі» (Минск, 1984).

Затем пришло решение разделить рассказы о наших земляках, посещавших дальние страны, по региональному принципу: показать,

какой вклад они внесли в изучение той или иной зоны, скажем, Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока, Казахстана и Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Данная книга задумана как повествование об уроженцах Белоруссии, исследователях той части Азии, которая простирается между Уралом и Тихим океаном. Думается, это весьма кстати. В 1981 году исполнилось четыреста лет с начала массового освоения русскими Зауралья и Сибири (в 1581 году Ермак возглавил первый поход в Западную Сибирь).

Вместе с представителями русского народа шли сибирскими путями, плыли могучими реками, строили поселки и города украинцы, белорусы, поляки.

Очень важно было выделить среди большого количества исторических документов сведения о первопроходцах Сибири — выходцах из Белоруссии. Разобраться же при чтении источника, кто из путешественников откуда родом, очень не просто. А разобраться было надо. Ведь именно изучение корней культурных связей между двумя родственными народами — русским и белорусским позволяет еще раз убедиться в прочности, устойчивости, традиционности этих связей. Такое изучение свидетельствует о том, что эти народы извечно стремились к сближению друг с другом. Не враждовали, а наоборот, дружили, совместно трудились, осваивая неизмеримые просторы Азии.

И еще. Некоторые буржуазные историки отрицали (а порой и сейчас это делают), что белорусский народ способен создавать культурные ценности и вносить вклад в мировую культуру и науку. Изучение культурного наследия народа, анализ архивных документов позволяют опровергнуть такие домыслы.

В чем же сложность анализа источников по истории заселения Сибири славянами? Во многих документах упоминаются «литовцы» и «поляки», а белорусов там нет. Почему?

Слово «белорус» как обозначение этнической (национальной) принадлежности в далекие времена почти не употреблялось. Следует подчеркнуть, что эти понятия были различны в разные времена и среди различных социальных слоев. Например, кто он — упоминаемый в старом русском источнике «немец» или «немчин»? Житель теперешней Германии? Оказывается, не всегда. Немцами называли на Руси и шведов, и датчан, и голландцев, и даже французов.

А «киргизы»? Думается, население нынешней Киргизской ССР? Оказывается, нет. Киргизами до начала XVIII в. называли жителей верховья Енисея. До середины 20-х годов нашего века киргизами называли казахов, а теперешних киргизов — «кара-киргизами».

Татарами считали самые различные племена и народности — и монгольские, и тюркские, и угрофинские. Вплоть до XIX века в Европе так называли самые различные восточные народы.

Когда знания об инородцах были недостаточны, обычно распространяли название одного народа на другой. Возьмем Сибирь. На Ямале и Таймыре раньше жили саамы, которых русские называли «самоядью». Когда позже здесь появились небольшие народности — ненцы, энцы, нганасаны — наши предки и их стали называть так же. Наименование остяков они закрепили не только за хантами Приобья, но и за их соседями — кетами и селькупам. А тунгусами привычно называли не только эвенков (это их старое имя), но и совершенно другие кочевые народы Сибири.

Сколько таких «сдвинутых» значений укоренилось в названиях народов и племен! Как пишет ведущий советский исследователь этого вопроса В. А. Никонов, такие значения вводят в заблуждение людей, не подозревающих о них.

С XIII в. белорусские земли входили в состав Великого княжества Литовского. Этническое литовское население составляло в этом государстве меньшинство и жило в отдалении от русских границ. Но правили страной князья литовского происхождения, поэтому и государство называли Литовским, несмотря на то, что государственным языком в княжестве на протяжении столетий был старобелорусский.

Вот почему русский писец XVII века, который не разбирался в этнонимике, именовал любого выходца из «Литовской Руси» (Белоруссии) «литовцем» — даже если тот говорил на близком и понятном ему белорусском языке. Этого же «литовца» в другом документе нередко называли «поляком». Такое определение характеризовало не этническую, а только государственную принадлежность белорусских жителей Понеманья, Поднепровья, Подвинья, Полесья.

В XVI в. Великое княжество Литовское составляло вместе с Польским королевством двуединое государство — «Речь Посполитую обеих наций» (слово «нация» тогда обозначало только государственную принадлежность). Польский язык постепенно вытеснил старобелорусский язык из обихода местной знати. На это языковое явление обратил внимание Ф. Энгельс: «В те времена, когда Великороссия попала под монгольское иго, Белоруссия и Малороссия наши себе защиту от азиатского нашествия, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству. Это княжество впоследствии добровольно объединилось с Польшей. С тех пор, вследствие более высокого уровня цивилизации Польши, дворянство Белоруссии и Малороссии сильно

ополячилося...»¹. Отсюда и появилось именование любого выходца из этого государства «поляком».

Не случайно герои пушкинского «Бориса Годунова» жителей Речи Посполитой называют то «литвой», то «поляками», хотя среди тех было много и белорусов, и украинцев.

В то же время по традиции, которая шла еще со времен общего древнерусского государства (в его составе предки русских, украинцев и белорусов составляли одну древнерусскую народность), белорусские (как и украинские) земли назывались также Русью, а белорусы — русинами, белорусский язык — русинским, греко-православная вера — русской верой.

Даже хорошо знавшие языки писатели-историки, начиная с уроженца Словении З. Герберштейна (XVI в.) и хорватов М. Орбини и Ю. Крижанича (XVI-XVII вв.), называли белорусов «литовцами» и постоянно подчеркивали, что язык этих «литовцев» ближе всего к «московскому», т. е. великорусскому, что «литовцы» — родичи русских, поляков, сербов, чехов, хорватов, словенцев, словаков, болгар. Ясно, что в данном случае речь шла о белорусах. Ведь этнические литовцы говорят, как известно, не на славянском языке, а на языке так называемой летто-литовской группы (как и их северные соседи — латыши).

Литовский писатель XVI в., скрывавшийся под псевдонимом Михалон Литвин, подчеркивал: «Мы изучаем русские письменные памятники, русскую речь, чужую нам (литовцам)». Конечно, Михалон имел здесь в виду старобелорусские письменные памятники и старобелорусский язык.

Иногда территориальные названия долгое время заменяли этнические. Так белорусов называли полешуками, полянами, леснянами и т. д.

Что касается самого термина «Белая Русь», то в XV-XVI вв. точного значения он не имел. Разные авторы относили его к самым различным восточнославянским землям — и к Владимиро-Суздальской Руси, и к Великому княжеству Московскому. Но постепенно Белую Русь стали «помещать» в Белорусское Подвинье и Поднепровье (к востоку от Березины). И только в XVIII веке название Белоруссия закрепилось за всей нынешней территорией расселения белорусского народа.

¹ Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 18-19.

Если не учитывать изменений и уточнений этнических и географических названий, можно легко допустить ошибку, использовать язык источников, не осмысливая его значения.

К сожалению, с этим иногда сталкиваешься, когда читаешь отечественные и польские исследования по истории освоения Сибири. Их авторы сплошь и рядом причисляли упоминаемых в старых русских источниках «литовцев» и «поляков» к этническим литовцам и полякам.

Отчего это происходило? Источники по истории Сибири и Дальнего Востока обычно изучали те исследователи, которые никогда не занимались историей Белоруссии и Литвы. Для них термины источников XVII века «поляк», «литовец», «польский» звучали по-современному. Таким образом, допускалась логическая ошибка: слова, звучавшие в разные века одиakoво, но имевшие различный смысл, принимались за термины, установленные раз и навсегда. Указания на государственную принадлежность, приведенные в старинных источниках, подменялись современными этническими понятиями.

Одним из первых на многозначность прежних названий «литовцы», «поляки», «белорусы» обратил внимание историк К. В. Харлампович. Это подчеркивали и другие исследователи. Член-корреспондент Академии наук СССР С. К. Богоявленский изучал жизнь различных московских слобод в XVII веке по их переписным книгам с точки зрения историка Москвы. Он, как бы мимоходом, подчеркивал, что одну из московских слобод, носившую название Мещанской, заселяли выходцы из Белоруссии, а не «поляки» или «литовцы», как называли этих людей старые источники. Работу об этой слободе ученый опубликовать не успел. Она вышла в свет в посмертном сборнике трудов С. К. Богоявленского только в 1980 г.

К тем же переписным книгам слободы, изданным почти столетие назад, обратился член-корреспондент Академии педагогических наук СССР Л. С. Абецдарский с целью проследить судьбы переселенцев из Белоруссии в Москве. Изучение материалов Мещанской слободы и других источников позволило ему убедительно доказать неправоту тех историков, которые рассматривали переселенцев из Белоруссии как «поляков» или «литовцев», не утруждая себя анализом того, из какой местности те происходили. Свои доказательства Л. С. Абецдарский изложил в работах, вышедших в 1957 году.

Как же правильно подойти к определениям «литовец» и «поляк» в старых источниках, которые составлялись людьми, не искушенными в вопросах этнонимии? Естественно лучше всего называть лиц, упоминавшихся в прошлом и происходивших с территории Белоруссии,

уроженцами, выходцами, из Белоруссии. И, соответственно, их потомство — потомками выходцев из Белоруссии.

Иногда в исторической литературе встречаются утверждения, что поскольку произведения выходцев из Белоруссии и Литвы написаны или изданы на польском языке, то относить их к науке и культуре Белоруссии и Литвы никак нельзя. Но так ли это? Вспомним, что польский язык постепенно вытеснял в этих краях старобелорусский язык из книжного обихода, однако авторы оставались патриотами своей родины. Если этот объективный процесс не учитывать, как же тогда быть с «Поэмой о зубре», которую создал пятьсот лет тому назад уроженец Белоруссии Николай Гуссовский? Относить ее к латинской культуре только потому, что поэма написана на языке древних римлян? А как быть с классиками азербайджанской литературы Низами и Хагани, создавшими свои произведения на персидском языке?

Исследователь истории общественной мысли Белоруссии С. А. Подокшин справедливо считает, что культура народов Белоруссии, Литвы и Украины в рассматриваемую эпоху развивалась не только на родном языке, но и на других языках. Теперь преодолена ошибочная точка зрения, в соответствии с которой из сферы белорусской, украинской, литовской культур исключалась латинская и польская письменность. Свидетельством этого может служить широко отмеченный юбилей выдающегося поэта эпохи Возрождения Н. Гуссовского, вошедший по решению ЮНЕСКО в международный календарь памятных дат 1980 г.

Ни освоение другого языка, ни переход части белорусов из православного вероисповедания в католицизм не вели обязательно к утрате ими национальной принадлежности. Зачинатели белорусской литературы В. Дунин-Марцинкевич и Ф. Богушевич, народный поэт Белоруссии Янка Купала были выходцами из белорусской католической шляхты — той самой шляхты, которая активно воспринимала польский язык, но, как свидетельствует сам факт появления этих поэтов, далеко не вся отказалась от белорусского происхождения, связи с белорусским крестьянством. Не случайно советский этнограф В. И. Козлов подчеркивает, что в подобных случаях роль религиозного фактора преувеличивать нельзя.

Представляется возможным распространить на взаимоотношения белорусского, литовского, польского и других народов Речи Посполитой следующее положение советского историка, академика В. Г. Гафурова, высказанное относительно народов Средней Азии: «Эти народы бок о бок жили в одних и тех же государственных

образованиях, в одних и тех же городах и поселениях. Они вместе боролись и против иноземных захватчиков, совместно участвовали в классовой борьбе против «собственных» эксплуататоров. Разумеется, были случаи и столкновений и недоброжелательства, однако генеральная линия дружбы, совместной жизни и труда абсолютно бесспорна».

По мнению академиков А. П. Окладникова и Б. Б. Пиотровского, «справедливость этого тезиса (Б. Г. Гафурова) применительно к истории народов Закавказья, Сибири и многим другим не вызывает сомнений, а его последовательное введение в практику исторических исследований в приложении к прошлому других народов нашей многонациональной Родины позволило бы избежать узконациональной трактовки их исторических судеб, способствовало бы еще более широкому упрочению ленинского духа интернационализма».

Мне остается только присоединиться к мнению видных специалистов, изучавших как раз тот самый вопрос, к которому был краеугольным и при написании этой книги.

В процессе работы использовались данные не только собственно истории, но и источниковедения, ономастики (раздела языкознания, изучающего собственные имена), этнографии, исторической географии, генеалогии. У каждой из этих наук, естественно, свои собственные методы исследования, отличающиеся друг от друга. Эта книга позволила синтезировать там, где это необходимо, материалы различных отраслей науки.

Часто ли мы задумываемся над тем, как работают историки, как они изучают давние события? Каким образом исследователи получают сведения, по которым воссоздают достоверную картину прошлого?

При изучении истории какого-либо вопроса нельзя ограничиваться знакомством с исследованиями, написанными по данному вопросу. Чтобы проникнуть в суть явления, понять обстановку, в которой они совершались, нужно изучать сами источники.

К источникам относят все то, что непосредственно отображает процесс развития человеческого общества и дает возможность его изучать. Условно различают следующие основные типы источников: письменные, вещественные, этнографические, фольклорные, данные языка, кинофотодокументы, фонодокументы.

Над временем, когда еще не было письменности, только вещественные источники приподнимают завесу неизвестности. Однако археологи, изучающие такие источники, не могут сказать ничего определенного о языке народов, создавших эти предметы.

Для изучения более позднего периода истории самыми важными и распространенными не без основания считают письменные

источники: акты, грамоты, указы, письма, дневники, воспоминания, путевые записки, к ним примыкают магнитофонные записи (фоноисточники). Академик М. Н. Тихомиров справедливо замечает: «Там, где письменные источники отсутствуют, историк бродит в потемках». Только зафиксированное слово, будь то записи на глиняной плитке клинописью или на шелке тушью, надписи, выбитые на камне или выцарапанные на бересте, со всей полнотой рассказывает о жизни людей. Эту же мысль в поэтической форме подчеркивал И. А. Бунин:

Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь Слову жизнь дана.
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь письма.

Для того чтобы источники ожили, нужно уметь правильно их прочесть.

Существует мнение, будто бы в источниках имеется все, что нужно для совершенного знания предмета. Переведи и перескажи документ — и дело с концом! Нельзя слепо следовать за источником, не рассматривать его критически. Это не кувшин, а содержащаяся в нем историческая информация — не молоко, которое сохраняет калорийность и жирность для любого, кто его пьет.

Информация не существует в источнике в готовом виде, а вырастает из сведений о прошлом в процессе «потребления». Она не «течет» сама из «наклоненного» источника. Ее надо извлекать, то «выжимая», то «выворачивая» наизнанку, то «разрезая» и «рассматривая» ее отдельные части под увеличительным или уменьшительным стеклом.

Извлечь из источника полезные сведения удастся лишь тогда, когда первичные сведения осмыслены приемами так называемой исторической критики, при этом установлено, когда и кем был составлен источник, как полно он освещает события, сопоставлены одни источники с другими.

Нельзя сказать, чтобы путешественники из Белоруссии были обойдены вниманием отечественных историков и литераторов. Но повезло в этом отношении только отдельным нашим землякам, причем работы о них помещены в изданиях, предназначенных узкому кругу специалистов. К тому же документы о деятельности некоторых путешественников находятся в архивах, иные дневники на русском языке не публиковались. Все это затрудняет знакомство с биографиями многих исследователей Сибири.

Воспоминания людей, которые побывали в Сибири, остаются важными историческими источниками. В «поле зрения» мемуариста

входит все то, что прошло через его личный опыт, что было известно ему о своей эпохе, что им было пережито и передумано. Стоит сравнить исторический материал с современностью, чтобы еще раз наглядно убедиться, как далеко вперед продвинулось человечество в своем развитии, какие грандиозные перемены произошли в нашей стране за годы Советской власти.

Давние записи полезны для нас и тем, что они убедительно показывают роль русских и их собратьев — украинцев и белорусов в создании и развитии богатой культуры народов Сибири.

Не насильственно, не с огнем и мечом (как это делали современные им испанские и португальские конкистадоры в Америке и Индии) продвигались наши предки по Сибири к Тихому океану. Они освоили в XVII веке Сибирь, по словам А. И. Герцена, «почти бескровно». Великий русский писатель подчеркивал, что «горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки, в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана». Славяне в основном доброжелательно относились к меньшим народам, передавали коренным жителям навыки земледелия, устройства жилья и быта, духовную культуру.

Первые записки о Сибири принадлежат обычно людям военным, находившимся на царской службе. С конца XVIII века в эти края все больше высылались люди прогрессивно настроенные, их воспоминаниям присущ пафос свободолюбия, неприятия царской политики, дружелюбия к угнетенным народам.

Сведения, извлеченные мною из описаний путешествий, смогут быть полезными для всех тех, кто интересуется прошлым нашей страны: для краеведов, историков, этнографов.

В рассказе о путешественниках из Белоруссии я не ограничился перечислением всего того, что они видели. Не менее важным было показать и то, как они видели жизнь и природу дальних стран, почему описывали их благожелательно и дружелюбно.

Путевые дневники и мемуары наших земляков отобразили не только быт народов и природу дальних краев, здесь ощущается присутствие авторов, их взгляды на развитие не только Азии, но и родной Белоруссии. Через опыт жизни путешественники видели социальную жизнь, духовную культуру, хозяйство Сибири и Дальнего Востока. С жизнью Белоруссии они сравнивали и соотносили все, что видели.

В процессе подготовки книги встала проблема: как сделать рассказ одновременно и научным, и популярным?! Отягощать каждую страницу громоздкими ссылками, научным аппаратом? Видимо, этого делать не следует, поэтому в конце книги приведены сведения об использованных фондах архивов и самых основных источниках. Если кто-нибудь захочет получить более подробную информацию (опыт издания автором предыдущих книг о путешествиях подсказывает, что такие читатели всегда есть), он может потом взять ее, как говорится, из первых рук.

С другой стороны, как это показывает опыт издания предшествующих книг, решено отказаться от популяризаторского пересказа использованных источников. Ведь такой пересказ всегда в чем-то упрощает, обедняет оригинал, поэтому «злоупотребление» цитатами сознательно.

Еще несколько пояснений. Поскольку даты в описаниях приводились и в старом, и новом стилях, новый стиль указывается в скобках. При характеристике персонажей книги, исповедовавших католическую религию, отчество не приводится, так как оно обычно не употреблялось. Ввиду малой изученности некоторых путешествий пришлось совместить в книге изложение результатов известных исследователей со своим, иногда совершенно новым взглядом на некоторые вопросы.

Описания путешествий уроженцев Белоруссии — такая же неотъемлемая часть нашей национальной культуры, как храм святой Софии в Полоцке, первые издания Ф. Скорины, революционная и публицистическая деятельность К. Калиновского, поэтическое наследие М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа. Только знают об этих описаниях пока гораздо меньше, чем о других частях культурного наследия наших предков.

Лучшие из этих описаний, несомненно, заслуживают и, хочется надеяться, со временем дождутся переиздания в родных местах путешественников. Поскольку же пока таких переизданий нет, пусть эта книга, представленная на суд читателю, будет своеобразным памятником нашим предкам, их героическим свершениям.

ЧЕРЕЗ ВСЮ СИБИРЬ

Первопроходцы Сибири собирались в дальнюю дорогу, в неизведанные земли обстоятельно. Брали с собой запасы пороха, свинца, соли, сухарей. Прилаживали меховую одежду, обувь, ремни. Тщательно осматривали оружие, без него нельзя было выжить. Затем оставляли привычный домашний быт, закрома с зерном, кадки с солониной, теплые печи, шли к новым землям. Победоносный поход за Урал Ермака привел к концу XVII века к освоению почти всей Сибири. А она превосходила по размерам Московскую Русь в несколько раз. Всего за несколько десятилетий русские казаки, охотники, купцы преодолели широкие сибирские просторы и вышли к океану, связали его побережье со своей державой.

Землеоткрыватели и землеустроители Сибири и Дальнего Востока, претерпевая лишения, осваивали тайгу и тихоокеанские берега. Они преодолевали крутые горы, пробивались через глубокие снега, мерили землю саженью и шагами, ставили первые венцы срубов, засеивали первые нивы, изучали непознанную природу. Эти люди шли на подвиги и совершали их незаметно, даже не сознавая, что проявляют героизм. Их самоотверженный труд сделал малолюдные сибирские и дальневосточные земли неотъемлемой частью России.

Маршруты первопроходцев пролегли по всей Сибири и Дальнему Востоку. Казаки и охотники прокладывали дороги, узнавали, чем богаты новые края. Воеводы обязывали служилых людей искать те племена, которые не платили еще в государеву казну «ясака», т. е. дань.

Для чего это было нужно? Дело в том, что все чаще и чаще в Русское государство приезжали заморские купцы. Да и свои торговцы возили товары за рубеж. Меха служили на международном рынке своеобразной валютой. Ценная пушнина пользовалась там неограниченным спросом. А Сибирь была богата соболями, лисами, песцами. Вот почему служилым людям поручалось приводить тех, кто не платил ясака, «под царскую руку».

Первопроходцы испытывали голодные зимовки, кормились чем попало, годами не видели свежего хлеба, часто ели «всякую скверну» и сосновую кору. Но тем не менее они проложили дерзкие маршруты через крутые хребты и непроходимые болота. Как же они продвигались в незнакомых местах?

Лошадей, оленей, собак, теплую одежду первопроходцы брали у местных жителей. В безлюдных местах шли на лыжах, припасы тащили на нартах. Если встречали воду, плыли по ней на плотках и в

широких плоскодонных лодках под парусами из сыромятной кожи. Только с наступлением холодов останавливались они на отдых, строили «зимовья» — обычно рядом с местными поселениями, поблизости от леса и воды, да так, чтобы можно было защищаться. В зимовьях новоселы рубили избы с амбарами, которые потом обрастали постройками. Избы строили с «нагорожей», т. е. с надстройкой для защиты от нападения. Вокруг домов устраивали «острог» — частокол из заостренных сверху бревен. Над частоколом возвышалась «проезжая» башня.

Часть такого острога с башней можно увидеть в Москве, в музее-заповеднике «Коломенское». Это строение перевезли туда из Сибири накануне затопления старого Братска в связи со строительством Братской ГЭС. Входишь в острог, наклоняя голову, оглядываешься, видишь неошкуренные бревна, лестницу, ведущую в башню, лавки, стол, печ г. — и будто переносишься в давние времена.

Каждый новый острог со временем превращался и резиденцию местных властей или торговую факторию. Освоившись и обжившись в одной долине, казаки и мехопромышленники верхом преодолевали горные цепи и попадали в долину соседней реки. А там повторялось все сначала — ставился острог и собирался ясак.

По мере продвижения на восток за первооткрывателями пробирались крестьяне, бежавшие с родных мест и недовольные закрепощением, служилые люди, торговцы. Они заселяли Сибирь удивительно быстро. Основанные ими населенные пункты становились центрами местной хозяйственной и культурной жизни. Проложенные землепроходцами тракты связали дальние окраины страны с центром и друг с другом.

С кем же наши предки встречались в своем продвижении в глубь таинственной Азии? В XVI-XVII вв. эти земли заселяли преимущественно народы и племена, говорившие на языках урало-алтайской и палеоазиатской семей.

Народы урало-алтайской группы языков — самые большие по численности в Сибири и Центральной Азии (а теперь, после славян, вторые по численности в Советском Союзе). Эта группа делится на две подгруппы — финно-угорскую и алтайскую. Финно-угорские народы формировались на пространстве между Уралом и Балтикой. С представителями этой подгруппы — манси первопроходцы встречались по обе стороны Уральского хребта, с хантами и селькупам — по реке Оби, с ненцами, энцами и нганасанами — на побережье Ледовитого океана.

Алтайская языковая семья, в свою очередь, делится на три ветви — тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую. Говорящие на этих языках народы жили изначально в Алтайских горах и примыкающей к ним Минусинской котловине долины Енисея, в центрально-азиатских степях, вдоль Амура и в Приморье. При распадении так называемой алтайской общности в районе верхнего Енисея на Саянах и Алтае формировались тюркские народы. Первые славянские поселенцы встретились с предками таких тюркских народов, как алтайцы, хакасы, тувинцы, якуты, причем иногда далеко от тех мест, где живут эти народы теперь. Так первопроходцы застали предков киргизов в верховьях Енисея, к югу от тюркских народов вступили в контакт с представителями монгольской группы — ойратами, бурятами и собственно монголами, на востоке Сибири встретили народы тунгусо-маньчжурской группы урало-алтайцев — эвенков, в Приамурье — дауров, дючеров, нанайцев и др.

К отличной группе народов относились жители северо-востока — чукчи, коряки, ительмены, юкагиры, нивхи. Обычно их объединяют под названием палеоазиатов. У Берингова пролива жили эскимосы — представители особой группы народов.

Совершенно изолированными были жители бассейна Енисея — кеты и населявшие Курильские острова — айны. Происхождение и тех и других до сих пор не выяснено, а родственные им народы неизвестны.

Так народы Сибири и Центральной Азии делились по языковому признаку. По хозяйственнокультурным признакам они разделялись несколько иначе. За счет сбора дикорастущих растений и рыбной ловли жили ханты, нанайцы, нивхи, айны, ительмены. Манси, кеты, селькупы и часть юкагиров занимались преимущественно пешей охотой в тайге, а также рыбной ловлей. Нганасаны и другая часть юкагиров вели пешую охоту в тундре и лесотундре. Часть чукчей и ительменов, коряки, эскимосы охотились на морского зверя и разводили упряжных собак. Упряжным собаководством занимались и нивхи. Все эти народы находились тогда на самом раннем этапе развития производства. Поэтому продуктивность их работы была низкой, зависела от случайных факторов — от удачной охоты и рыбной ловли, сбора корней и ягод.

Более высокого уровня культуры и хозяйства достигли коневоды — турки и монголы, оленеводы — тунгусо-маньчжуры, ненцы и коряки, а также часть чукчей. Народы, разводившие скот, не зависели от природы в такой степени, как охотники, рыболовы и собиратели.

У племен и народов Монголии и Забайкалья сложился хозяйственно-бытовой уклад кочевников. Они создали за века особый материальный мир: жили в удобных юртах, развивали высокопродуктивное молочное животноводство, выделку шерсти для войлока и тканей. Жители обширных азиатских степей достигли высокого уровня развития ремесла.

Присоединение Сибири к России имело прогрессивное значение для местных жителей. Во многих случаях приход славян помогал местным племенам уберечься от завоевания, а нередко и от уничтожения более могучими соседями. От славян жители Азии перенимали новые отрасли хозяйства (и в первую очередь земледелие) и ремесла, новые элементы культуры. Славяне и коренное население совместно осваивали богатства края, перенимая друг у друга орудия труда, трудовые и бытовые навыки.

Одновременно с освоением новых земель первооткрыватели исследовали различные стороны жизни местного населения. Чтобы узнать, где найти корм для лошадей и оленей, где отыскать прочные прямые деревья для лодок и плотов, куда идти и с кем придется встретиться, землепроходцы расспрашивали местных жителей. Казаки и мехопромышленники брали с собой проводников. Когда тот или другой район осваивался, к русским отрядам первопроходцев присоединялись и местные жители.

Кстати, в архивах сохранились записки расспросов местных жителей. Первооткрывателей интересовало многое — и как зовут тех, кто жил в новых местах, и как называют их род и племя. Спрашивали у аборигенов, как далеко простираются их владения, кто у них главный, чем они занимаются, какой ведут образ жизни. Узнавали, с кем торгуют, как строят жилье, во что одеваются, какую веру исповедывают. Такие же подробные расспросы шли о соседях: узнавали, как к этим соседям можно проехать — за сколько дней, посуху или водой, летом или зимой и т. д.

Не меньше ценных сведений содержится и в отчетах первопроходцев о своих посольствах к правителям соседних с Русским государством земель.

Вместе с русскими Сибирь осваивали и представители других народов нашей многонациональной страны. Как упоминалось выше, среди них были также уроженцы Белоруссии. О том, как они туда попали в эти времена, пойдет речь в следующем разделе.

СИБИРСКИЕ ВОИНЫ ИЗ БЕЛОРУССИИ

В ходе своей борьбы за объединение восточнославянских земель правители Великого княжества Московского старались ослабить мощь своего политического противника — Великого княжества Литовского. Они приглашали к себе на службу близких по языку и единоверных князей и дворян. Из среды этих «выезжан» или их непосредственных потомков вышли такие деятели русской культуры, как Иван Пересветов, Вассиан Патрикеев Косой, Иосиф Волоцкий и др. Выходцы из Великого княжества Литовского — князья Патрикеевичи, Глинские, Бельские-Гедиминовичи, Мирославские занимали в разное время в Москве ключевые позиции, роднились с великокняжеским, а позже и с царскими родами.

Из числа белорусских воинов, присягнувших на верность великим князьям московским, а позже царям, в Русском государстве создавались особые полки «литовского строя». Немецкий путешественник З. Герберштейн свидетельствует, что Василий III «содержал из литовцев и всякого сброда людей почти тысячу пятьсот пехотинцев»; Казань при нем осаждали наемники «из немцев и литовцев».

Когда великий князь литовский Жигимонт I в 1509 г. просил Василия III «отпустить князя Богдана Глинского, да князя Андрея Кромского, да Сеньку Жеребятича, да Якуба Ивашенцова», московский государь отвечал: «А которые били челом нам служити, и нам тех всех к брату и свату своему не отпустить».

Приблизительно в то же время из Московского государства бежал на родину гетман Великого княжества Литовского Константин Иванович Острожский. Шесть лет он сидел в плену, отказываясь поступить на военную службу к Василию III. Но в конце концов дал «заручную запись» на верность великому князю, как боярин воевал против татар, но при первом удобном случае уехал в Великое княжество Литовское.

Те пленники, что оставались в Московском государстве, становились служилыми людьми, пользовались теми же привилегиями, что и русские. Напомним, что служилыми людьми тогда называли лично свободных людей, обязанных нести военную службу в пользу государства. Они подразделялись на служилых людей «по отечеству» и «по прибору». Первые из них — бояре, дворяне и дети боярские — получали земли, занимали руководящие должности в войсках и управлении, служилые люди «по прибору» — стрельцы, городовые казаки, пушкарки — получали жалованье и освобождались от налогов и повинностей.

Воины из Белоруссии участвовали в русских походах не только на чужие, но и на свои родные земли. В «Разрядной книге Полоцкого похода» Ивана IV от 1563 г. отмечено, что в составе Большого полка князя Владимира Андреевича Старицкого должна была следовать «Литва Медынская», т. е. выходцы из Великого княжества Литовского, получившие от русских государей земли около Медыни (ныне в Калужской области). Этот факт характерен для эпохи феодализма. Пленные воины тогда присягали на верность новому государю и защищали его интересы. Патриотизм для «переездчиков» был таким же чуждым чувством, как и для кондотьеров или ландскнехтов. Но все же московские князья считали, что военнопленных и мирных жителей захваченных земель надежнее будет переселять подальше от границ их прежнего государства.

Не оставались в долгу и великие князья Литовские. Они, в свою очередь, переманивали русских к себе. Документы упоминают «отъезды к Литве» из Москвы князей Михаила Тверского и Ивана Рязанского, Василия Верейского, Юрия Пронского, Ивана Можайского и других. «От царского гнева» бежали туда не только Андрей Курбский, но и Михаил Вельяминов, Золотой Квашнин, Иван и Владимир Микулинич-Заболотские и другие.

При изучении источников удалось установить, что добровольные переезды не были основной формой взаимных переселений жителей двух славянских стран — Московской Руси и Литовской Руси (как тогда называли Белоруссию). Как утверждает и историк Е. И. Кольчева, практически преобладало переселение пленников¹ К военнопленным победители подходили по-разному. Пленных «простолюдиков» — крестьян, городскую бедноту чаще всего делали холопами или продавали на рынках, солдат, дворян и умелых ремесленников заставляли присягать на верность монарху государства-победителя.

Хорошо известна участь пленников после взятия Полоцка Иваном Грозным. Если «черных людей» царь «велел роздати по боярам и по дьякам и по всем приказным людям, и князям и детям боярским», то «литовских» (т. е. литовских и белорусских) солдат, шляхту, ремесленников заставили присягнуть на верность царю. Исключение сделали для польских союзников литовского войска — их отпустили на свободу. Напомним, что в Речи Посполитой существовали отдельные польские («коронные») и литовские войска.

Тех пленных, кто не согласился служить Ивану IV, поместили в тюрьму. Они могли рассчитывать на выкуп или обмен на пленных

¹ Кольчева Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV-XVI вв.) М., 1971, с. 35, 44.

воинов из войска царя. Присягнувшим царю ожидать этого не приходилось. По обычаю давних времен они не могли рассчитывать на возвращение.

Не отказывались от подобной практики и противники Ивана IV — короли Речи Посполитой. После взятия Полоцка Стефан Баторий устроил для сдавшихся в плен русских воинов два лагеря. В один из них помещали тех стрельцов, которые согласились «поступить под власть и покровительство короля». Таково свидетельство участника похода ополяченного немца Р. Гейденштейна. По данным, приведенным в старобелорусском документе, русских стрельцов, сдавшихся «на Полоцку и инших замках русских», наделили землями в Городенском старостве.

По свидетельству «Строганской летописи», в состав дружины Ермака, который своим походом за Урал и разгромом Сибирского ханства начал освоение Сибири, входили не только волжские казаки, но и воины некоронованных властителей Северного Приуралья купцов Строгановых — «ратные люди Литва, и Немцы, и Татары, и Русские люди буйственные и храбрые (и) предобрые»¹. Одним из помощников Ермака был Никита Пан, прозвище которого служит доказательством его происхождения из Речи Посполитой (не исключено, что с территории нынешней Белоруссии, где Ермак воевал накануне сибирского похода). Как эти люди попали на Урал? Оказывается, Строгановы приобретали «литовский полон» в Москве и Ярославле, где продавали «полонских людей... литвяков, ...иманых и купленных». Эти люди попали в плен во время Ливонской войны, когда белорусские земли к северу от Западной Двины на шестнадцать лет стали зависимы от Ивана Грозного.

Из числа «купленников» выделились, а затем заняли прочное место среди помощников Строгановых два человека с прозвищем «Литвин» — Василий и Яков. Они стали у своих хозяев дьяками (то есть приказчиками и письмоводителями). Воины «литва» ходили в составе строгановских отрядов не только на восток, но и на северо-восток от Урала — к низовьям Оби.

Белорусских воинов по традиции привлекало на службу царское правительство. В 1593 г. из поволжских городов Казани и Тетюшей была послана за Урал тысяча пленных из Великого княжества Литовского, поступивших на казачью службу. Направили их строить Тарский городок на Иртыше.

¹ Строгановская летопись по списку Спасского.— В кн.: Сибирские летописи. СПб., 1907, с. 10; Строгановская летопись по Есиповскому списку. Там же, с. 58—59.

Таким образом, с начала освоения Сибири в составе русских отрядов «литва» прокладывала новые пути.

Скупые строки недавно найденной на севере Пинежской летописи донесли до нас имена первопроходцев, переваливших с Печоры через «Камень» (Урал) к Обской губе: «Лета 7105 (1597 — В. Г.) году Юрье Долгушин, уетьцылемец, да пан литовский полоненик, да Смирной, пинежанин лавелец, первые Мунгазею проведали Надым реку, а на другой год Таз реку»¹.

Надым, Таз... Названия этих западносибирских рек часто встречаются сегодня на страницах газет. Именно в их бассейне, на севере нынешней

Тюменской области, открыты и разрабатываются несметные богатства нефти и газа.

Четыре столетия назад трое упомянутых в летописи смельчаков устремились в эти места. Зимовали они на Надыме, на следующий год добрались до Таза и до желанной «златокипящей» Мангазеи, важнейшего торгового пункта к востоку от Обской губы, который позже давал до ста тысяч вывозных соболей в год.

«Литва» хорошо проведала «Мангазейский морской ход» из Карского моря в Обскую губу — вокруг оконечности полуострова Ямал. Потом, в 1619 г. царь запретил этот путь, чтобы укрепить свою монополию на сибирскую пушнину и приостановить массовые побегι угнетенных крестьян из Архангелогородского Поморья за Урал. Служившие в Мангазее «лигва» и «черкасы» (украинские казаки) знали, как можно пробраться оттуда в Европу северным морским путем. Один из первопроходцев несколько позже, в 1632 г., сообщил местному воеводе, «что де Обским устьем пройти в Белое море, и Белым морем в Литву и в Немцы можно».

Почему власти посылали «литву» служить за Урал? Такое переселение позволяло делать этих людей своей верной опорой в Сибири. В самом деле, на кого, кроме как не на центральную власть, могли там надеяться переселенцы?

Историк С. В. Бахрушин так объяснял этот процесс: «На первых порах правительство царя Михаила Федоровича из естественного чувства самосохранения большую часть этих иноземцев, добровольно или недобровольно осевших в Москве, удалило постепенно в дальние сибирские города. (...) Иноземный элемент играет поэтому известную роль в жизни Сибири XVII в.; эти ссыльные литовские люди, черкасы

¹ Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в.— В кн.: Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972, с. 80.

и немцы нередко завоевывают себе почетное положение на дальней окраине государства и из их среды выходят выдающиеся администраторы и участники походов в неведомые «немирные земли».

«Повёрстанные в государеву службу» литовские люди составляли в Сибири особую группу — их называли «литовского» списку казаками. Сохранились «дозорные книги», «разборные списки» и «рописи» служилых людей сибирских городов за XVII век. Изучая эти документы, автор взялся за подсчеты. И хотя число «литвинов», направлявшихся в новые места за Урал, не всегда можно точно подсчитать, мы знаем, что в 1616-1617 гг. в Тобольск сослали 234 человека, в 1619 г. — 75, в 1633 — 156, в 1635 — 140 человек. Выходцы из Белоруссии прочно осели на Урале и за Уралом. В 1624 г. казаки «старой тобольской сотни» получили по «челобитью» (ходатайству) грамоту на устройство в Тобольске богадельни для отставных старых и «увечных» воинов, которые «служили (...) в Сибири лет по сорок и больше и с сибирского взятъя». Хотя литовские люди селились слободами, но жили там вперемежку с другими жителями, не выделялись особо. Когда в 1621 г. в зауральском городке Пельме произошел пожар, местный воевода докладывал в Тобольск: «А затрави лось в литовской слободе, у стрелецкой жены у Семейкиной ярославца, у Пелагейки во дворе». Значит, выходец из Ярославля Семейка (т. е. Семен) жил в этой слободе вместе с «литвинами».

Заселение «литвой» Сибири отразилось в названиях различных местностей этого огромного края. В Верхотурских дозорных книгах 1624 г. упоминается деревня над озером Литовским на реке Туре в Западной Сибири. Литовская деревня в Верхотурском уезде упомянута и в документе 1716 г. Селение Литвинцово вблизи Илимского острога в Восточной Сибири известно по документам 1680 г. и существовало еще в конце сороковых годов XX в.

Сохранились списки дворов и служилых людей в сибирских городах. При их рассмотрении удалось установить, что в 1624 г. в воеводском центре Сибири Тобольске из 245 дворов служилых людей 26 (свыше 10 процентов) принадлежали как раз «литвинам». Спустя девять лет из числа 892 «служилых» там же сто сорок человек (15,5 процента) были «иноземцы литва, и поляки, и черкасы, и немцы»¹. В 1672-1682 гг. в Томске из числа 79 «детей боярских» (так назывались мелкие феодалы) 52 человека числились выехавшими из Литвы или взятыми в плен². В 1684-1685 гг. среди 1990 служилых людей Тоболь-

¹ Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетия. М., 1885, с. 1-11, 27

² Томск в XVII в. Материалы для истории города. СПб., б. г., с. 35-45.

ска 415 человек были «литвой». В Тюмени на 903 служилых было «103 человека литвы», а в Таре из 730 — 300 были «литва», «черкасы», «немцы», «литовского списка и конные казаки»¹. Всего из более чем 3600 служилых людей этих городов около четверти — 800 человек (если отбросить «черкас» и «немцев») были в основном выходцы из территории Белоруссии.

В своей грамоте от 30 октября 1689 г. царское правительство признало, имея в виду упомянутую «литву»: «И такими многими ссыльными людьми сибирские города, и слободы, и деревни везде полнятся». Так вот, эти «ссыльные люди» внесли значительный вклад в освоение богатейшего края, раскинувшегося далеко за Урал. Своей образованностью, прогрессивной настроенностью, отсутствием национальных предрассудков они завоевали авторитет у местных жителей. В силу этого обстоятельства часто занимали высокие посты на военной и государственной службе.

Из документов известно, что среди литовских людей были и двое сыновей посланного в 1668 г. в Якутск Ивана Крыжановского, который был взят в плен «на бою в Борисове». Оба они занимали воеводские должности. Данила Аршинский, сын выходца из Великого княжества Литовского, был нерчинским, а позже тобольским воеводой. В 1680 г. Степан Литвинцов, судя по прозвищу — земляк Аршинского, владел «селением» в один двор близ Илимского острога. Сын Степана Литвинцова — Иван спустя полвека стал илимским воеводой. Документы XVII в. рассказывают о том, как вместе с русскими первопроходцами «литву» посылали для разведки, «на бои» за ясаком за «Ую-реку», в «Макуцкую волостку», в «Тунгусы», в «Тюлькину землю», на реку Кеть к «сымским и касовским осякам». Приходилось им принимать участие и в дипломатических делах. Об этом наш дальнейший рассказ.

¹ Дополнения к Актам историческим. СПб., 1875, г. 11, с. 57, 80, 130.

ПОСОЛЬСТВО К ОЙРАТАМ

В ходе освоения южной Сибири русские встретились с народами, говорившими на языках монгольской группы. К югу от Алтая кочевали западные монголы, известные под именем ойратов. За верховьями Енисея простиралась монгольская область Халха. Монгольские народы жили и к югу от Халхи, за пустыней Гоби, и к северу от нее, по притокам реки Селенги, впадающей в озеро Байкал. Эти народы были разъединены, ими управляли различные ханы, и жили они под постоянной угрозой быть покоренными восточными соседями — маньчжурами.

Самым крупным государством на севере Монголии, на границе с нынешней Тувой была держава «Золотых ханов» (Алтын-ханов). Создал ее Шолой Абаши хунтайджи. Как у китайцев, у монголов был обычай не называть при жизни знатных лиц по имени. Поэтому Шолоя и его наследников обычно титуловали Алтын-ханами. Ойраты боялись силы Шолоя, и эта опасность заставила их объединиться. Во главе ойратских племен стали князья из рода Чорос. Их владения находились в долине реки Или на левом фланге монгольских кочевий (правыми, если ориентироваться по Полярной звезде, считались восточные кочевья). Отсюда появилось название объединенных ойратов «джунгары» (от монгольского «зуун гар» — левая сторона). Главой Чоросского княжества был тайша (князь) Хара-Хула. С ведома и согласия джунгарских князей двести тысяч ойратов перекочевали к Оби и Иртышу. Казахи и татары называли эти племена, обособившиеся от основного ядра народа, «калмак» — «отделившийся». Отсюда и произошло название этой ветви ойратов — «калмыки». Поначалу калмыцкие ханы стали нападать на русских жителей и нерусские народы Сибири, платившие царю ясак. Но стрелы и копья ойратов-калмыков не смогли противостоять русским пищалям и правители калмыков решили просить русского подданства. Постепенно калмыцкие кочевья продвигались к западу, а затем окончательно порвали связи с родными местами и поселились в низовьях Волги.

Монголы пасли скот, землю не обрабатывали, ремесло было развито слабо: правителям, боровшимся за власть, нужны были не ремесленники, а воины. Они охотно вступали в торговые отношения с русскими купцами, в обмен на скот и кожевенное сырье они получали необходимые товары. Скоро отношения русских с монголами стали добрососедскими. Русское правительство завязывало связи с ханами, не вмешиваясь во внутренние дела монголов, обменивалось посольствами с Хара-Хулой, с Алтын-ханами, с другими ханами

Хаалхи. Монгольские посольства ездили «к царской реке», а русские посольства неоднократно бывали в ханствах.

Обращаясь смолоду в многоязычной среде и нередко зная латинский и другие европейские языки, белорусские шляхтичи (дворяне) и «казаки» быстро осваивали языки местных азиатских племен и народов, из-за этого их назначали «толмачами» (переводчиками). В 1607 г. в русский острог Тару от имени тайшей (князей) Баатыря и других приезжал «колмацкий тайша Когонай Ту беев в посольстве». Переговоры тогда шли о присяге калмыков на подданство России. После переговоров тарский воевода Сила Гагарин сопроводить послов в родные кочевья поручил литвину Богдану Бойкачу, который должен был на месте, в кочевьях, обсудить условия присяги. В следующем году Б. Бойкач, выполнив поручение, вернулся назад. Было решено, что калмыки прикочуют к рекам Омь и Камышлов, чтобы принести присягу. Дальнейшая судьба Бойкача прослеживается лишь отрывочно.

В 1616 г. служилые люди литвин Томило Петров и Иван Куницын ездили из Тобольска в «Калмыцкую землю» и встречались там с «монгольскими и китайскими людьми».

Первые посольские связи с правителем Джунгарского государства Хара-Хулой тобольские воеводы завязали в 1619 г. и послан был к нему «литвин» Ян Куча¹. Он совершил рискованное путешествие в Центральную Азию. Уже в наше время опубликованы две грамоты 1620-1621 гг. о «поверстании» Яна Кучи «жалованьем», где рассказано о его службе в Сибири.

Из грамот известно, что до этого Ян Куча участвовал в походе литовского ротмистра Бартоша Станиславова в поисках соли. Отряд двигался вверх по Иртышу, обнаружил соленое Ямышевское озеро (озеро Маралды в районе нынешнего Павлодара) и доставил к тобольским причалам барки с солью, столь необходимой местным жителям.

Потом Ян Куча служил в Томске, в междуречье Иртыша и Тобола, участвовал в походе против сибирского царевича Ишима и калмыцких тайшей. У них был отбит караван верблюдов. И пока на эти живые трофеи, доставленные в Москву, дивились жители столицы, Яну Куче поступил новый приказ — убедить Хара-Хулу принять царское подданство.

Владения ойратского тайши находились далеко от Тобольска — на берегу реки Или. Путь туда был нелегким и опасным. Мы не знаем

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.-Л., 1941, т. 2, с. 92.

точно, где он пролегал. Писатель Сергей Марков считал, что Куча мог воспользоваться дорогой от Иртыша к Калбинскому хребту, озеру Зайсан и реке Боротале. Нам представляется возможным другой маршрут — примерно вдоль теперешней железной дороги от Семипалатинска через Актогай на станцию Дружба, мимо соленого озера Алаколь, через Джунгарские ворота, а затем, минуя другое соленое озеро Эбинур, к той же реке Боротале с выходом в долину Или.

Ян Куча выполнил поручение тобольского воеводы. Могущественный джунгарский правитель Хара-Хула направил к царю Михаилу Федоровичу посольство во главе с Айнучаком. Ян Куча сопровождал его до Тобольска, Айнучак отправился дальше в Москву, чтобы предстать «пред царевы очи».

После такого успешного выполнения миссии сибирский воевода Матвей Годунов повысил Кучу по службе. Ему дали пашню и сенокосы. Впоследствии преемник М. Годунова по неизвестным причинам отнял у Яна Кучи землю, а самого «литвина» избил до полусмерти. Что было дальше с Яном Кучей, пока неизвестно. Но и то, что дошло до нас, говорит о пытливости этого человека, который спустя всего сорок лет после перехода русских через Урал добрался до неизведанных пространств Центральной Азии.

Б. Бойкач, Т. Петров и Я. Куча были не единственными выходцами из Великого княжества Литовского, выполнявшими посольскую службу на южных окраинах Сибири.

В 1621 г. томский воевода И. Ф. Шаховской направлял посольство пана Мартына Боржевицкого к тайше Мангиту. В 1625 г. сын боярский Остафий Михалевский ездил из Тобольска навстречу калмыцким послам. Через четыре дня он вернулся «из опасных юрт (кочевий — В. Г.) с перевозу (...), да с ним калмыцкие послы». В том же году ездил «в Колмаки» к Талат-тайшину брату к Ирке-Илдентайше в посольстве и для проведыванья всяких вестей» «литовского списку казак Степанко Васильев Выходцов».

Упомянем еще о Богдане Аршинском, который в 1625 г. ездил в «Колмаки к Ишимовым детям царевича Сибирского», т. е. к потомкам Кучума, с посольским поручением. С ним были тобольские служилые люди «литва» Томилко Петров (тот самый, который уже ездил в 1616 г. в Калмыцкую землю), Дружинка Кулигин, Кирюшка Круп ленский, Гришка Урбанов, Матюшка Коломыльцов, Петрушка Матусов и другие. А встречал их в Тобольске после выполнения миссии сын боярский Ян Павлоцкий, их земляк.

К сыну Хара-Хулы Эрдени Батуру-хунтайджи, главе Джунгарского ханства в 1634-1654 гг. «отправился из Тары с посольством»

«литовского списка казак» Назар Григорьев. Ему поручалось «в посланниках о государевом деле говорить». В частности, Н. Григорьев должен был добиться возвращения пленных барабинских «ясачных» татар в русские пределы.

Еще один документ — грамота из Сибирского приказа тобольскому воеводе Г. С. Куракину, помеченная 11 ноября 1644 года. В ней говорится: «А ис Тобольска де послали вы к Контайше в посланниках тобольских литвина Станислава Буткеева»¹.

О Томилке (Томиле) Петрове подробнее речь пойдет еще и в следующем разделе, а с Яном Павлоцким мы встретимся в том месте, где будет рассказываться о его потомке — Дмитрие Павлуцком, исследовавшем спустя столетие Чукотку.

А Богдан Аршинский известен еще своей миссией 1646-1647 гг. в долину Или к Эрдени Батуру-хунтайджи. Джунгарский правитель в ответ на уговоры Аршинского согласился подвозить соль к русским судам на том самом озере Ямыш, к которому в 1619 г. ходил отряд Бартоша Станиславова.

Жаль, что не сохранились описания конкретных маршрутов этих служилых людей по теперешнему Восточному Казахстану и Джунгарии. Скудость рассказов об этих интересных путешествиях невосполнима. Но зато о поездках белорусских поселенцев к родичам ойратов — халха-монголам есть более подробные сведения.

¹ Здесь автор немного отвлекается, чтобы поделиться с читателем своим опытом изучения белорусских имен и фамилий в старорусских источниках и их переделке в новой среде. В списках посылаемых на Восток «литвинов» нередко можно найти обрусевшие формы таких белорусских фамилий, как Вуткевич и Станкевич. Под рукой сибирских писцов XVII века эти фамилии превращались иногда в более привычные для них фамилии Буткеев и Станкеев. Но нет правил без исключения. Составитель одной из самых ранних сибирских летописей так и остался Станкевичем.

В ДАЛЁКУЮ МОНГОЛИЮ

Основав острог на берегу сибирской реки Томи, русские служилые люди поднялись по ней вверх и перевалили через горный хребет (потом он получил название Кузнецкого Алатау). И тогда перед ними раскинулись просторы Минусинской котловины: между горами располагались обширные долины с плодородными землями и хорошими пастбищами. С востока котловину омывал могучий Енисей. На его берегах жили предки современных хакасов, говорившие на языке тюркской группы. Они подчинялись воинственному племени енисейских киргизов, по имени которых открытый край русские называли Киргизской землей.

Дальше на юг, за Саянским хребтом, лежала Тувинская котловина. Здесь находились кочевья предков нынешних тувинцев. Они платили «албан» (дань) монгольскому Алтын-хану — «золотому царю», как его называли русские. Об этом правителе уже упоминалось: как раз усиления его власти опасались ойраты (западные монголы).

Царским воеводам надо было определить границы с владениями хана и упорядочить сбор дани с земель вдоль Енисея, жители которых платили ее и киргизским ханам, и Алтын-хану. Необходимо было также проведать, можно ли через Сибирь посуху добраться до Китая, чтобы завязать с ним торговые связи. Европейцы торговали с этой богатой страной только по морю. А нельзя ли добраться до Китая напрямик? Такая перспектива была очень заманчива.

Вот почему в 1608 г. к Алтын-хану и далее — в Китай из Томска отправили русское посольство — «томских казаков конных Ивашку Белоголова, да Матюшу Кутьина, да Федьку Хотекина, да в толмачах Гришку Михайлова Литвина».

Однако киргизские князья, занятые как раз войной с джунгарами, отказались проводить послов, сославшись на опасности, которые тем грозили. И. Белоголов и его спутники вернулись, не выполнив поручения. Им удалось только узнать, что «у китайского государя город каменный, а дворы де в городе с русково обычья», что «бой де у него огняной», а «платье де оне носят все золотое, а привозят де к нему всякие узорчья (украшения, драгоценности — В. Г.) из многих земель».

Эти вести оживили интерес к поискам путей в Китай через Сибирь. В 1615 г. из Томска было снаряжено новое посольство тарского атамана Василия Тюменца и тюменского десятника «из литвинов» Ивана Петрова (то есть Петровича) Текутьева.

Историк немец Герард Фридрих Миллер, первым изучавший поход В. Тюменца и И. Текутьева, был не силен в русской системе наименований. Он назвал И. Текутьева «Иваном Петровым». С его легкой руки, все, кто позже писал об этом путешествии, так и именовали тюменского десятника. Это неточно. У десятника была фамилия «Текутьев». Он передал ее своим потомкам — сибирским дворянам, упоминаемым в документах в начале XVIII века.

О И. Текутьеве известно только, что он служил до этого «службы зимние и летние тритцать лет, и в посылки послан был во многие, и на многих боях ранен бывал, и языки имывал». В Сибири он отбывал эти «службы» или нет, пока остается неизвестным. Будем надеяться, что в дальнейшем обнаружатся документы, проливающие дополнительный свет на его биографию.

В состав миссии был включен также участник неудавшегося посольства И. Белоголова — земляк И. Текутьева. Григорий Михайлов Литвин.

10 мая 1616 г. вперед посольства был послан И. Текутьев со спутниками. Позже он отчитывался: «А шли до киргиз от Томского города три недели, а были им в дороге поля и горы каменные, а реки все были и до киргизской земли бродовые, с лошадей выюков не смыывали». Послы перевалили через хребет Кузнецкий Алатау и прибыли в ставку киргизских князей, в «каменный городок» на реке Белый Июс. Отсюда И. Текутьев послал к Алтын-хану князька, чтобы монгольский правитель выслал навстречу посольству своих людей. Надо было дожидаться Василия Тюменца, который получал в Москве наказ, как вести себя во время переговоров. Наконец, тот прибыл на Июс.

Нужно подчеркнуть, что составленные после возвращения в Россию со слов участников посольства отчеты («статейные списки») сегодня служат неоценимым источником по истории южной Сибири и северной Монголии. Это самое раннее дошедшее до нас русское и европейское описание названных мест. Со времен поездки В. Тюменца и И. Текутьева расселение народов и племен в тех краях значительно изменилось. Достаточно сказать, что енисейских киргизов ойратские правители в 1703 г. увели в свой край, поселив на территории нынешних Киргизии и Казахстана. О пребывании их в долине Енисея сегодня известно только по старым русским описаниям, начиная с рассказов В. Тюменца и И. Текутьева. Кроме того, в самих монгольских летописях о государстве Алтын-ханов сохранилось очень мало сведений — слишком далеко находилось оно от мест, где составлялись летописи.

До недавнего времени исследователи пользовались двумя вариантами «статейного списка» В. Тюменца и И. Текутьева об их поездке. Первый — предварительный отчет записали в воеводской избе (канцелярии) в Томске, а второй, более полный — в Москве. В 1959 г. были опубликованы незадолго до того обнаруженный третий (промежуточный) вариант отчета (его составили по пути в Москву, в Тобольске), а также рассказ спутника В. Тюменца и И. Текутьева — Г. Михайлова. Эти документы значительно дополнили известные ранее рассказы послов¹

Представим себе московский Посольский приказ 1617 г., его бревенчатые комнаты, освещенные светильниками. Потрескивают фитили, скрипят по плотной бумаге гусиные перья писцов, записывающих рассказы вернувшихся из Тувы и северной Монголии В. Тюменца, И. Текутьева, Г. Михайлова. Служилые люди вспоминают подробности посольства: пройденные версты, перевалы, переправы, гостевание у чуждедальних властителей...

Отправились они с Белого Игоса на юг по Минусинской котловине. Внимательный Г. Михайлов отметил, что «Киргизская де земля, кочевная, живут в ызбах в полстяных, а ходят в шубах и в зипунах, а ядят рыбу и зверь бьют, а бой у них лучной. Лошадей и коров и овец много, хлеба не сеют и не родитца».

«Полстяные избы» у киргизов — это войлочные юрты, которые кочевники возили с собой в свернутом виде, укладывая их на верблюдов. Зверя они били из лука, собираясь в верховые ватаги и устраивая облавы. Шубы местные жители носили овчинные, а «зипуны» (халаты) суконные. «Огненного боя» — то есть ружей, они не знали. Сабли и доспехи им ковали подданные племена шорцев. Те выплавляли железо из руд, добываемых в нынешнем Кузнецком бассейне, и занимались кузнечным ремеслом. Оттого русские прозвали шорцев «кузнецкими татарами», а горы Алатау в Шории — «Кузнецким Алатау».

«А всех киргизских князьков,— вспоминал позже Михайлов,— самих человек с триста, а черных людей ясачных мужиков, а по-

¹ Отчеты В. Тюменца и И. Текутьева.— В кн.: Фишер И. Е. Сибирская история. СПб., 1774, с. 254-264; Андриевич В. К. История Сибири. СПб., 1889, т. 1, с. 206-210; Русско-монгольские отношения. 1607-1636 гг.: Сб. документов /Сост. А. М. Гатауллина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М., 1959, с. 55-58; Покровский Ф. И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Пеглина в 1618 г. (мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Вурнаша Ялычева в 1567 г.). Отдельный оттиск из кн.: Известия отделения русского языка и словесности императорской АН. 1913, СПб., 1914, т. 18, кн. 4. с. 14-26.

киргянски кыштымов, с тысячу человек». Кыштымы жаловались послам на гнет князьков.

Тогда же князьки приняли русское подданство, причем клятву на верность давали они по обычаю, непривычному для русских: «Розсекали собаку и вскрозь ее проходили, а иные снова у них... с клятвою хлеб ели». Рассекая собаку, князьки тем самым говорили, что, если они нарушат клятву, их постигнет участь этого животного.

Покинув пределы Киргизской земли, послы прибыли в «Табынскую землю». Ее жители были «двоеданцами», они платили ясак и киргизам, и Алтын-хану: «Хто к ним не приедет, тому и ясак дают». Это было племя тубинцев смешанного (тюркского и нетюркского) происхождения. Жили они «по лесам меж гор», в «ослонах» — жилищах, сооруженных из жердей¹.

В. Тюменец и И. Текутьев рассказывали, что жители «Табынской земли» «переходят, где кому место полюбитца, а шубы носят олени и козы, а кормятца зверем, бьют лоси и олени и козы, мясо ядят, а в кожах делают платье. А угодий у них никаких нет, и хлеб не родитца, и коров, и овец нет, только одни лошади и олени».

Затем караван проследовал в Саянскую землю. Здесь послов удивляли кручи и вечные снега Саянского хребта: «А тою дорогою перешли оне в ту семь ден трой горы каменные, а лежат на них снега зимою и летом беспрестанно, и оболочка на тех горах лежат, и стужа на них живет во все лето». Судя по всему, посольство переправилось через перевал Сабын-Даба и вступило в пределы бассейна реки — Кантегир — притока Енисея.

Тюркоязычные саянцы — одни из предков тувинского народа жили «меж гор и лесов по речкам: горы каменные, а леса черные, большие... А ездят на оленях и на конях, а ясак дают Алтын-царю. А житье их то же, что в Табынской земле». Саянцев, по мнению послов, было около пяти тысяч человек. Саянский князь Карасакул и его приближенные приняли послов с «почестью»: «И подводы присталые переменили, и на корм дали мяса оленья, довольно чем и до Матцкие земли дойти».

Чтобы попасть в «Матцкую землю», посольство пересекло реки Хемчик и «Частые Броды» (эта река «бежала целью каменного»), а затем миновало соленое озеро, имя которого послы «не упомянули».

Позже И. Текутьев указал, что в этом озере (или близ него) имелся «самоцветен камень», в поисках которого через несколько лет из Томска специально послали одного из участников посольства. При-

¹ Ослоны — прислоненные одна к другой жерди.

метами озера было то, что в него впадали четыре реки, и одна из них называлась «Кесь», «кругом тово озера» было «двенадцать ден ездз конем».

Самое близкое к Хемчику соленое озеро сегодня называется Убсу-нур. А в него впадает река Тэс. Ее название напоминает упомянутую И. Текутьевым и В. Тюменцом «Кесь».

Начиная с вышеупомянутого Г. Ф. Миллера, повелось считать, будто «Матцкую землю» населяло племя маторцев, говорившее не на тюркском языке. Но, как известно, это племя звероловов-оленоводов кочевало не там, где пролегал путь Тюменца и Текутьева, а на противоположном берегу Енисея, не за одну сотню верст к северо-востоку от их маршрута. По левому же берегу Енисея, который и описывали послы, жило тюркоязычное племя маадов (матов), одних из предков современного тувинского народа. Они кочевали и разводили скот. Именно о таком характере хозяйства племени, населявшего «Матцкую землю», и рассказывали послы, когда вспоминали, что князь этой земли Кондучен «встречал их честно (с почестями — В. Г.), от своих улусов (кочевий — В. Г.) в полуверсте, с кормами и с питьем, и подводы дал. А корм был мясо, баран, да молоко коровье и кобылье, да кумыз из молока же кобылья». Очевидно, звероловы-оленоводы маторцы не смогли бы угощать послов молоком и бараниной.

В. Тюменец и И. Текутьев видели развалины древних зданий, где прежде «бывали палаты, а ныне де то место пусто. И мы про те хоромы и палаты розпрашивали Золотого царя старых людей. И они нам сказывали про те хоромы и про палаты: тогда живали Золотого царя люди».

Однако «старые люди» обладали недостаточными знаниями о прошлом родных мест. В действительности послы видели остатки крепостей тюркоязычного народа уйгуров, которые объединили другие народы и властвовали на землях между Алтаем и современной Маньчжурией. В VIII веке уйгуры построили оборонительные укрепления у своей границы с древними хакасами в нынешней Туве и на севере Монголии. Руины этих укреплений и видели русские послы. Их рассказы — первые упоминания об археологических памятниках Тувы.

Князь Кондучен проводил посольство во владения Алтын-хана. Хан кочевал в степях у соленого озера «Усань». Многие историки полагали, что это озеро Убсу-нур. Но мы отметили, что Убсунур посольство миновало. Можно полагать, что скорее всего соленое озеро «Усань» — это или Ураг-нур, расположенное к западу от Убсу-нура, или Хиргис-нур, что находится к югу от Убсу-нура.

Послы впоследствии вспоминали: «А кочует царь не в одном месте, переходя по рекам и меж гор; а около его видели людей много со сто тысяч... А животина у них: кони добрые и середине, и коровы, и овцы, и олени, и козы, а армакавов (породистых коней — В. Г.) нет. А хлеба не сеют,— того они и не знают, и нельзя им хлеба сеяти, потому, что горы, и место каменисто».

Алтын-хану приходилось считаться с могущественным соседом, утвердившим свою власть на севере. Приезд русских послов льстил ему. По этой причине их прием был обставлен пышно и торжественно.

В назначенный для приема день за В. Тюменцом и И. Текутьевым были отправлены верховые лошади. Не доезжая двухсот шагов до самой парадной из кочевых юрт хана, послы спешили и пошли к ней. Так полагалось по обычаям монгольской вежливости. Подъехать верхом к юрте правителя означало нанести ему незабываемую обиду.

Сначала послов проводили на ламаистский молебен в юрту ханского сына, носившего титул «хутухты». Незадолго до описываемых событий по монгольским степям распространился ламаизм — разновидность буддистской религии, которая затем превратилась в крупнейшую политическую силу в жизни монгольского общества. «Хутухтой» называли высшее духовное лицо, которое считалось перерождением или воплощением какого-нибудь другого выдающегося ламы (священника).

Хутухта провел молебен. По незнанию послы сочли юрту хутухты мечетью, а ламаистскую веру — мусульманской. Это произошло, вероятно, потому, что и в Великом княжестве Литовском, и в Сибири они могли видеть татар, исповедавших эту религию. Для неискушенных в делах исповедания веры воинов любая нехристианская религия жителей Востока была мусульманской.

В. Тюменца и И. Текутьева удивило то, что на крыше юрты хутухты был укреплен деревянный крест, а у стен стояли «образы, писаны на харатях» — т. е. изображения Будды на плотной бумаге. Как раз их и приняли наши предки за привычные им образа (иконы). Следует отметить, что крест стал символом веры задолго до появления христианства. В буддистских верованиях крест служил магическим знаком, который будто бы привлекал огонь небес, чтобы уничтожить козни злых духов.

Впервые в России В. Тюменец и И. Текутьев описали предметы ламаистского богослужения: «Платье на том кутукте (хутухте — В. Г.) и на его крылашенях (кливошанах, т. е. ламах — В. Г.) походило на греческое (православное — В. Г.), без рукав носят на опашку».

После молебна послов пригласили в самую парадную из кочевых юрт хана — «сумэ» (род ламаистского храма), которую они тоже называли «мечтью». Войдя в юрту, В. Тюменец и И. Текутьев предстали перед ханом. Он сидел, подогнув под себя ноги, на коврах, настилаемых друг на друга толщиной «в полколоено».

«А сам царь лет с шестьдесят», — вспоминали послы — «бороду бреет, только ус; волосом черн, ростом дороден и плечист, и собою во всем пригож». Однако послы немного ошиблись в оценке возраста хана: на самом деле во время приема миссии ему было только 49 лет.

В. Тюменец и И. Текутьев передали хану царские подарки: семь ярких цветных долгополых одежд-однорядок, тринадцать оловянных блюд, четыре «котлика» и шесть ножей.

Ритуал приема соответствовал традициям, выработанным дипломатической практикой монгольских ханов, поддерживавших посольские связи с Китаем, Тибетом и другими восточными странами. Русские послы вели себя чинно и достойно, памятуя, что представляют могучую державу.

В беседе Алтын-хан подчеркнул, что знал о первой попытке русских послов приехать к нему и что теперь рад видеть послов и получить от них «государево жалованье». Послы уговаривали князя стать «под высокую государеву руку», но у хана не было необходимости присягать на верность московскому царю. Он только стремился завязать с ним дружественные связи, поэтому и держался с послами как равный с равными.

После речей и вручения хану подарков и царского послания началось угощение, в ходе которого хозяин показал всю возможную в условиях кочевого быта роскошь. В своих рассказах послы описали обед интересно и живо: «А сидел царь за столом один, а столик был невелик, (рас)писан кинovarем, а ешь носили на блюдах на белых (фарфоровых — В. Г.). Ествы были: уятя, и тетерева, заечина и баранина, говядина, а всех еств было з десять».

Впервые у Алтын-хана наши предки познакомились с чаем, который, как принято у монголов, калмыков и бурят, заваривали на молоке с салом или маслом и солили: «А пить в стол носили молоко коровье топлено, с маслом, а в нем листье, неведомо какие, а иное питье красное, не ведают, какое». Послов усадили на почетном месте: «А им де стол был особой: сидели против ево».

Через день монгольский правитель пригласил послов присутствовать на торжественном обряде поднятия бурхана (изображения буддийского божества). В. Тюменец и И. Текутьев, не знавшие обрядов неизвестной им религии, были введены в заблуждение

происходившим на их глазах сложным ритуалом и расценили его как принесение «шерти» (присяги) наподобие русской клятвы на евангелии: «А в третий день царь Алтын перед нами государю шертвовал по своей мусулской вере: подымал на руки бога своего честно».

Однако такое заключение послов о принесении присяги Алтын-ханом было чистейшим недоразумением: у монголов нет подобного обычая принесения клятвы на верность. Заблуждение послов выяснилось позже в Москве. Алтын-хан отправил туда вместе со своими послами скромные дары и хотел, чтобы царь прислал ему «судна три серебряные, да жемчуг, да пищалей с двадцать, да сабли две-три добрых, а сукон бы и олова и меди не посылаал».

Монгольский князь предлагал московскому царю своих ратных людей в случае, если тому понадобится военная помощь «на какова не недруга». Послы рассказывали: «Как они были у Алтын-царя, и при них де у него были колмацкие (калмыцкие — В. Г.) послы Баатыр-тайши и Учин-тайши. И царь Алтын... колмацким послам говорил: под государевы сиб(ирские) города учнете приходить, и твоих государевых (русских — В. Г.) служилых людей... или ясачные волости воевать, и я де на вас пойду войной». Подобные предложения, естественно, мог сделать только равный по положению владыка или государь, а не принесший вассальную присягу князь.

Алтын-хан расценил прибытие послов как начало дружеских отношений с Россией. Поэтому он отправил к царю с возвращавшимися Тюменцом и Текутьевым своих послов — Даяна и Киченгу. Так было положено официальное начало русско-монгольским связям.

Монгольские послы были хорошо приняты в Томске и Москве. Их пригласили на торжественный обед у царя Михаила Федоровича. Известный в Москве английский негодичант Джон Меррик подробно расспрашивал о них у боярина Посольского приказа Ф. Шереметева. Через этого купца сведения о царстве Алтын-хана попали в Англию. Здесь их в 1625 г. опубликовал географ Перчес. Эта публикация положила начало легенде о богатом государстве «Золотого царя» в далекой «Татарии».

Заинтересованный Дж. Меррик расспрашивал Шереметева о послаях, правда ли, что «рожем (те) люди дикие, и сказывают про них, что они палатам и храмам дивятся, что те видят впервые, и где их житье, и какие у них товары».

Ф. Шереметев хитро отвечал, что «от Сибирского государства от Томского города до Алтына-хана ходу восемнадцать недель через калмыки да через киргизы и иные земли». А чтобы преувеличить возможности русской торговли с новооткрытыми странами Востока,

он добавил то, чего на самом деле не было: «Товары у Алтына-царя, сказывают, тафты, и камки, и бархаты...» (камкой называли в старину шелк с разводами). Жители Монголии носили овчинные тулупы и занимались натуральным хозяйством, а вовсе не выделянием шелков и бархатов.

Это был не последний отзвук открытия В. Тюменцом и И. Текутьевым нового государства. Во время пребывания в 1617—1618 гг. в Швеции князя Ф. Барятинского шведский канцлер расспрашивал русских: «Кто из вас в Сибири бывал ли и сколько от Московского государства до Китая?»

В. Тюменец и И. Текутьев также разузнали сведения о соседских с владениями Алтын-хана странах — «Лабинском» и «Калканском» государствах, а также о «Кутанском» и «Желтом» царствах. «Лаба» — это западномонгольское произношение слова «лама». Значит «Лабинское» — это государство, в котором правят ламы, т. е. Тибет. А «Калканское» государство — это Хаалха, та часть нынешней территории Монгольской Народной Республики, которая располагалась к востоку от государства Алтын-хана. В «Кутанском» царстве можно узнать Хуху-Хото, столицу юго-восточной Монголии, а вот что такое в рассказах русских послов «Желтое царство», точно сказать пока нельзя.

О Китае послаам рассказывали, что эта держава расположена «на край губы (залива — В. Г.) морские, а город (столичный — В. Г.) де кирпичный, велик, ехать около ево на коне десять ден, а ходу до Китайского государства от Алтын-царя месяц». Имя китайского царя, по сведениям хана, было Тайбын (Тайбун). Под этим именем подразумевался китайский император Вань Ли, из династии Мин, правивший под именем Чжу Ицзюня с 1573 по 1620 гг. «Тайбын» — это искаженное «Да Мин», Великая династия Мин, правившая тогда в Китае последние свои десятилетия. В 1644 году ее свергли завоеватели — кочевники маньчжуры.

Сведения о Китае очень интересовали царское правительство, поэтому еще в 1618 г. была организована туда первая миссия Ивана Петлина. Она проводила по пути, проложенному В. Тюменцом и И. Текутьевым, к Алтын-хану его послов Даяна и Киченгу и отправилась дальше, через пустыню

Гоби, в Пекин. Алтын-хан дал миссии в проводники и переводчики двух лам. Наблюдательный и точный ум сибирских землепроходцев все увиденное переводил в русскую систему измерений. И. Петлин отметил, что первый же китайский город Чжанцзякоу «высок и хорош и мудрен делом, а башни так же, что московские, высоки». Судя по рассказу, записанному со слов И. Петлина по его

возвращении домой, казаки увидели после степей, заселенных кочевьями, привычный им огромный мир оседлой и высокой цивилизации. В рассказе нет никаких элементов удивления: порой кажется, что казаки бродят не по Пекину, а по соседнему с Тобольском городу, настолько у них практичны оценки и обильны аналогии.

В Пекине казаков в отведенной им резиденции посетил один из чиновников местной Палаты по приему иностранных гостей. Его сопровождало «двести человек на ишаках, а люди нарядны». После угощения состоялся разговор, из которого выяснилось, что у приезжих нет даров далекой земли, которые могли бы быть поднесены императору. Тогда китайский дипломат заявил :

— А у нас в Китайском государстве чин таков: без поминков перед царя нашево Тайбуна не ходят.

Вопрос об аудиенции отпал. И. Петлину и его спутникам было досадно, что из-за жадности посылавших их сибирских воевод они не в силах использовать все возможности своего пребывания в Пекине.

Не желая уронить престиж своей страны, казаки заявили, что они посланы не царем, а из «Сибирского государства провеждать про великое Китайское государство, и с ними грамот и поминков нет».

Китайский чиновник рассказал им о торговле своей страны с иноземцами, о нападениях на Китай маньчжуров, а И. Петлин сообщил им о попытках европейцев отыскать северный морской путь в Китай через реку Обь. Оказалось, что китайцы об этих поисках ничего не знают.

После переговоров И. Петлин и его спутники вернулись в Россию. Их щедро наградили, поскольку результаты миссии были блестящими.

Правда, от продолжения связей с Китаем в Москве отказались — важнее было следить за событиями на западной границе, где шла война между Турцией и Речью Посполитой. На востоке положение было тоже неспокойное: Алтын-хан хотел, чтобы Россия помогла ему в борьбе против джунгар. Вдобавок в Москве не смогли перевести грамоту Чжу Ицзюня, которую привез И. Петлин.

Но ценные сведения о Монголии и Китае, добытые В. Тюменцом, И. Текутьевым и И. Петлиным, стали достоянием европейской науки. В XVII-XVIII вв. их неоднократно переводили на иностранные языки. Дорога по Сибири и Монголии в Китай была проложена. Не будь раньше посольства В. Тюменца и И. Текутьева к монголам, не было бы и успешной поездки И. Петлина в Пекин.

Конечно, описание поездки в Монголию, зафиксированное со слов В. Тюменца и И. Текутьева, не настолько развернутое, чтобы по

нему составить полное представление о жизни Центральной Азии начала XVII века.

Они не задавались иными, чем посольские, целями, но это не помешало по их рассказам составить первое в Европе описание народов верховьев Енисея и северной Монголии.

Скажем же спасибо безымянным писцам, которые оставили нам описание приключений В. Тюменца, И. Текутьева и их спутников и донесли до нас голоса путешественников давнего времени.

Как же сложилась судьба послов после их возвращения в Россию? Оказывается, их щедро наградили — В. Тюменец получил 15 рублей, И. Текутьев — 13 рублей (деньги по тем временам немалые), а также по «чарке, по два рубли чарка», наделили отрезами камки, тафты, сукна «доброго лундышного (лионского — В. Г.)», им увеличили денежный и хлебный оклад, «и что они давали Алтыну-царю сабли и самопалы, Василью Тюменцу 19 рублей, Ивашке Петрову — 15 рублей». В июле 1617 г. И. Текутьева повысили в чине, он был произведен в боярские дети, то есть служилые люди более высокого, чем десятники, разряда.

На миссии В. Тюменца и И. Текутьева не заканчивается летопись участия выходцев из Великого княжества Литовского в посольских сношениях русских с монголами.

В 1640 г. тобольский сын боярский Меньшой Ремезов ездил с посольской миссией к ойратскому правителю Эрдени Батуру хунтайджи. В статейном списке посольства говорилось, что «государеву жалованье Контайше» несли «толмач Панфило Семенов» — литовского списку казак, и другие служилые люди. Спустя семь лет Панфил Семенов сопровождал послов этого правителя в Москву «для толмачества».

П. Семенову поручили быть толмачом в первом официальном русском посольстве сына боярского Ерофея Заболоцкого в восточную часть Халхи к князю Шолою, правившему под титулом Цеценхана, и к его зятю Турукаю-табуну. Владения хана на реке Онон находились за полторы тысячи верст от государства его тезки Шолоя, известного под именем Алтын-хана.

Сюда, в Забайкалье, шли русские первопроходцы, которым предстояло решить с монгольскими правителями пограничные вопросы.

Насколько опасными были посольские поездки в семнадцатом столетии, видно из судьбы посольства Заболоцкого. Оно добралось из Тобольска в Енисейск, где провело зиму. В июне 1650 г. посольство продолжило путь и через семнадцать недель дошло до Байкала, который был открыт русскими незадолго до этого. Здесь Е.

Заболоцкий остановился и отправил к Цецен-хану двух казаков с требованием «подвод». На исходе третьей недели ожидания на посольство напали неизвестные люди и убили Е. Заболоцкого, его сына и нескольких казаков. Уцелели только П. Семенов и двое служилых.

Вскоре прибыли монголы, которые настояли на том, чтобы П. Семенов и его спутники продолжали путь. Долгое время они провели в ставке Турукайтабуна и вдовы умершего в 1650 г. Цецен-хана Ахайхатун. П. Семенов справился со своей задачей с большим достоинством. Но злоключения его кончились. В «доезде» (отчете), который П. Семенов представил Енисейской приказной избе, он рассказал, что «отъехав от улуса, Турукаевы провожатые на дороге Панфилка Семенова с товарищи ограбили и ружье, и запас, и всякую рухлядь, и подводные лошади отняли, и побить хотели до смерти, а сами поворотились назад. А Панфилко Семенов с товарищи до Баргузинского острогу шли пеши девять дней большою нужею и с голодом».

В чем же тут дело? Почему у западномонгольских и северомонгольских правителей московских послов принимали «с почестями», а путь к восточномонгольским ханам был таким опасным?

Ответ на этот вопрос, пожалуй, только один: власть за Байкалом была неустойчивой, кочевники подчинялись ханам неохотно и не принимали в расчет их дипломатических планов. Анархия и безвластие, особенно после смерти Цеценхана, и приводили к таким исключениям из правила, как убийство Е. Заболоцкого неизвестными людьми и ограбление П. Семенова его же провожатыми. Подчеркиваем, что такие случаи были исключением, а не правилом. Вдобавок — и это, пожалуй, главное — ойраты и северные монголы, в отличие от восточных монголов уже знали о том, какой ценой пришлось расплачиваться ханам, которые пытались оказать сопротивление русским. В конце XV в. сибирский хан Кучум потерпел поражение в боях с казаками под предводительством Ермака Тимофеевича. А после столкновения с Кучумом и эпизодических стычек с ойратами крупных военных действий в Сибири в XVII в. первопроходцы не вели. Известия о могуществе московского царя и его воевод просто не успели докатиться до забайкальских степей.

Несмотря ни на какие трудности, русское государство продолжало развивать связи с восточными государствами. В Китай, например, посольства из Москвы приезжали, начиная с Ивана Петлина. И если «литовского списку» служилые люди и не возглавляли эти посольства, то, как правило, сопровождали их. Так в 1672 г. за поездку в Китай в качестве охранника посла был награжден денежным жалованьем казак «литовского списку» Василий Кобылинский.

Спустя три года он в числе двадцати казаков «литовского списка» сопровождал в Пекин еще одно русское посольство — Николая Спафария Милеску.

Другой выходец из Белоруссии, поэт и мыслитель Андрей Христофорович Белобоцкий, учившийся в Слуцкой кальвинистской гимназии, с 1686 по 1691 г. был переводчиком с латинского языка в составе русского посольства Федора Алексеевича Головина. Это посольство стремилось урегулировать конфликт русских казаков и крестьян в Приамурье с нападавшими на них маньчжурскими отрядами. Посольство вело переговоры в осажденном русском городе Нерчинске с дипломатами маньчжуров. Ф. А. Головину удалось подписать с Цинской империей договор (1689 г.), по которому открывались возможности к развитию мирной торговли и политических отношений России с империей Цин. Россия была вынуждена временно оставить обширную территорию Албазинского воеводства по рекам Аргунь и Амур. Посольству удалось добиться того, что пограничная линия к востоку от Аргуни до Охотского моря осталась неопределенной.

КРАЙ МАЛОЙ НОЧИ

Это сообщение о пребывании в Сибири дошло до нас через три столетия. Написано оно нашим земляком оршанским шляхтичем Адамом Каменским (Длужиком-Каменским), служившим «панцырным товарищем», то есть латником или рыцарем панцырной кавалерии Речи Посполитой.

А. Каменский попал в русский плен в середине октября 1660 г. (а не в 1657 г., как он пишет в своем дневнике) во время битвы на реке Басе — между Могилевом и Шкловом. Утверждение литературоведа А. Коршунова, будто А. Каменский был прикован цепью к пушке польским командованием, которое опасалось, чтобы православные артиллеристы родом из Белоруссии не бежали или не сдались на милость единоверному царю, основано на недоразумении. Во-первых, сам А. Каменский пишет, что был прикован к пушке «от среды до воскресенья», когда уже попал в плен, во-вторых, он был не православным, а католиком, в-третьих, был не артиллеристом, а кавалеристом.

Вместе с другими пленными А. Каменского отправили через Москву и Ярославль за Урал. В 1661 г. он был в Тобольске, зиму 1661-1662 гг. провел в Енисейске, затем в составе воинского отряда прошел по Енисею, Ангаре и Лене до Якутска, в котором с 1664 по 1668 гг. жил безвыездно и служил надзирателем при тюрьме.

В 1668 г. в составе группы пленников он был отпущен в Москву, откуда, по обмену пленных, вернулся домой, в Оршу, где и составил записки о жите-бытье в Сибири.

Записки, составленные А. Каменским, отражают общий культурный процесс, происходивший тогда на его родине — стремление ее образованных жителей к самовыражению.

Эти записки были напечатаны спустя два века в одном из польских провинциальных сборников, а не так давно их перевел на белорусский язык А. Ф. Коршунов.¹ Записки изучали и польские, и русские исследователи, но более правильное толкование сделал ленинградский историк Борис Петрович Полевой². Он обнаружил в Центральном государственном архиве древних актов в Москве среди

¹ Kamiński-Dtuzyk A. Dyaryusz więzienia moskiewskiego miast i miejsc.— Warta, Książka zbiorowa ofiarowana ks. Fr. Ważyńskiemu. Poznań, 1874, s. 378-388; Коршунов А. Ф. «Дьярыуш» Адама Каменскага Длужыка.— В кн.: Беларуская літаратура і літаратуразнаўства. Мн., 1974, вып. 2, с. 183-207.

² Полевой Б. П. Забытый источник сведений по этнографии Сибири XVII в. О сочинении Адама Каменского-Длужика.— Сов. этнография, 1965, № 5, с. 122-129; Еще раз о Каменском-Длужике. Там же, 1974, № 4, с. 116-119.

документов Сибирского приказа окладные книги Якутского острога и по ним существенно уточнил ряд моментов сибирского периода биографии А. Каменского. В частности, Б. П. Полевой установил, что Каменский был оршанским шляхтичем, что провел он в плену не четыре года (как сам писал), а десять лет; что умер не в 1667 г., как утверждали некоторые исследователи, а позже; что А. Каменский скрыл в записках свою службу в Якутске тюремным надзирателем.

Возьмем в руки первоисточник, проследим за рассказами автора о занятиях народов Приуралья и Сибири, об их облике и одежде, об устройстве и убранстве их жилища, верованиях и ритуалах.

Первыми наш земляк описал зырян (коми), живших в западных предгорьях Урала. Это были «люди удивительного языка; веру имеют русскую (православную — В. Г.), говорят, что их крестил св(ятой) Стефан. Народ смекалистый, особенно в лесах и на воде, стрелки из луков». Кстати, А. Каменский вряд ли знал, что меха, добываемые в лесах земли коми, издавна попадали в его родные места. В анонимном произведении «Повесть о Стефане, епископе пермском» (ее герой — миссионер в конце XIV столетия насаждал среди зырян православие) зырянский «кудесник» по имени Пам говорит священнику о пушных богатствах этих мест: «Не нашеа ли ловля и в Орду посылаются и досязают даже и до самого того мнимого царя? Но и в Царь-град, и в Немци, и в Литву (подчеркнуто В. Г.), и в прочая грады и и страны и в дальняя языки».

А. Каменский нашел, что язык зырян похож на «жмудский», т. е. литовский (Жмудь, по-литовски Жемайтия — западная часть этнической Литвы). Еще раз напомним читателю, что «литовским» тогда называли, конечно, неправильно с современной точки зрения, язык белорусский. Зырянский язык с литовским, безусловно, не имеет ничего общего, это язык финно-угорской группы языков, а литовский — летто-литовской группы.

На восточных склонах Урала Каменский встретил вогулов (манси) и отметил, что у них есть обычай: после того, как убит медведь, плакать над ним, приговаривая, что не они его убили, а лук. Затем манси молились медвежьей голове, устанавливая ее в углу кочевья. Это делалось во избежание «мести» охотникам «собратьями» зверя. Медвежий культ присущ, конечно, многим охотничьим народам севера и востока Азии. Но описание медвежьего «праздника» у одного из этих народов, сделанное А. Каменским, по времени самое раннее из всех известных.

Рассказал наш земляк и о жизни оседлых тобольских татар, которые занимались земледелием и охотой. Его удивили жители

Прииртышья — рыболовы остяки (ханты), которые собирали в сосуды из березовой коры рыбий жир и пили его, а также поедали мухоморы и таким образом одурманивали себя.

А. Каменский описал жизнь тунгусов (эвенков) Приангарской тайги — их оленеводство и охоту, их народные игры: «Такая у оных есть утеха: их станет более десятка вокруг, а один ляжет в этом кругу с привязанным камнем или костями, а те стоят босые и голые; и кричит тот, лежа, по-тунгусски: «Мультах, мутинэ», а тот костью крутит вокруг головы так быстро, как только глазом можно заметить, а те подскакивают в такт, и тот, кто подскакивает лениво, по ногам получит (удар), и уже его считают глупым и неповоротливым». Человек, находившийся в кругу, размахивал арканом, утяжеленным на конце костями и таким образом упражнялся в метании аркана в оленей. «Мультах, мутинэ» — это несколько искаженные эвенкские слова, означавшие в переводе на русский: «мы олени, я олень».

А, Каменский описал также передвижение эвенков на нартах, в которые запрягали собак. При благоприятном ветре на нарты устанавливали парус, и они быстро катились по гладкому льду Ангары — наподобие нынешнего буера.

Немало места в «Записках» отведено жизни якутов, которые занимались охотой и разводили табуны коней и стада рогатого скота: «Держат очень больших быков, а носы их проткнуты, как у (ручного) медведя, также и у коров. Все ездят (верхом) на них, а конями питаются».

Рассказывал автор записок и о народности, название которой не привел. Судя по всему, речь шла о родственниках эвенкам эвенах. Эти люди «очень любят собак, имеют их по несколько десятков и сотен. Наибольший гражданин тот, у которого больше всего собак. На собаках ездят, собак едят, в собачьих шкурах ходят...».

Путешественник не всегда был точен в своих описаниях. Так он сообщал, будто бы видел народность гиляков (нивхов), которые «ездят на медведях и так ими управляют как мы лошадьми, но у них обрезают когти и зубы выбивают, а кормят их во хлеву, как волов, и едят их также». На самом деле с медведями так не обращалась ни одна народность Дальнего Востока и Сибири, хотя медвежий культ был развит более всего у нивхов, жителей низовья Амура и Сахаина.

На Амуре А. Каменский будто бы видел воинственный народ «чукчей» — «высоких, бородатых». У каждого из них на боку были «сабли, наподобие старинных мечей, немногим длиннее, чем локоть». Жили эти «чукчи» там, где их не видели другие путешественники — в краях «очень красивых, теплых и обильных».

Б. П. Полевой закономерно сомневается в процитированном сообщении, так как по документам Сибирского приказа А. Каменский в это время находился западнее Оби. Но в 1659 г. в низовьях Амура побывал отряд Артемия Петриловского, племянника известного землепроходца Ерофея Хабарова. Пережив много трудностей, участники похода в начале 60-х годов смогли добраться до Якутска, где в это время жил Каменский. Вполне возможно, что он воспользовался рассказом одного из спутников А. Петриловского и заодно спутал маньчжурскую народность дючеров (чучар) с чукчами.

Сомнение вызывает и тот факт, что чукчи будто бы жили на Амуре. В самом деле от этой реки их тогда отделяли и теперь отделяют тысячи верст. Вызывает сомнение и описание облика чукчей: у мужчин этой народности бороды почти не растут.

И еще один момент: А. Каменский утверждал, будто совершил морской путь из Жиган (ныне Жиганск, городок на Лене более чем в 600 км вниз по реке от Якутска) по притоку Лены Алдану и по притоку Алдана Учтуру, а потом попал на «Ламу, впадающую в море, как бы в конец холодного моря... С Ламы мы пошли на Индигирку морем... Это было в 1659 году». Эти сведения также сомнительны. Во-первых, в этом году А. Каменского в Сибири не было. Во-вторых, Учур для походов к Охотскому морю (а Лама — это река Охота, не относящаяся к бассейну Лены) и далее к устью Амура русскими в то время еще не использовался. В-третьих, если из Жиган попасть на Ламу через Алдан еще можно (хотя Жиганы расположены к северу от Якутска, а Алдан — к востоку), то уж с Ламы на Индигирку — реку, впадающую в Ледовитый океан в семистах верстах от Лены, попасть весьма затруднительно. Для этого требуется обогнуть Камчатку и Чукотку, преодолеть несколько тысяч километров по усеянному льдами Охотскому, Берингову, Чукотскому и Восточно-Сибирскому морям. Если бы А. Каменский совершил это плавание, то не преминул бы о нем рассказать (а о плавании он не пишет), да и в сибирских источниках такое сложное плавание нашло бы отражение.

Сведения о плаваниях в арктических водах, скорее всего, дошли до А. Каменского от мореплавателей, вернувшихся в Якутск с севера. Б. П. Полевой документально подтвердил, что в 1666 г. А. Каменский мог быть знаком с Семеном Дежневым и Михаилом Стадухиным. С. Дежнев первым установил, что «Большой каменный нос» (Чукотский полуостров) далеко простирается в море и обойти его можно только морем, а М. Стадухин впервые собрал сведения о втором «Носе» между реками Анадырь и Алука. Таким образом, именно в 60-х годах XVII века впервые стало достоверно известно, что от Лены до Амура

можно проплыть по воде. Но как это сделать, А. Каменский представлял неясно и поэтому допустил столько ошибок.

Были ли наш земляк на побережье Охотского моря? Вроде бы был. Вот как подробно описывает он непривычное для него явление прилива и отлива в устье Ламы: «В ту реку Ламу прибывает часов двенадцать море, а убывает также двенадцать часов. Так что сразу все высушит и позаливает острова, спадая, но не все с собой забирает. Остаются воды в долинах, во рвах, и большое количество морских рыб и раков, удивительно больших, достаточно на одного человека 6 или 7 раков, чтобы наесться. Мы их варили и пекли». Правда, и здесь допущена серьезная ошибка: А. Каменский будто бы видел в устье Ламы белых медведей, которые ловили этих морских «раков». Но на Охотском море белых медведей нет,— они живут в плавучих льдах вблизи побережья Северного Ледовитого океана.

Путешественник описывал также особенности природы Сибири, например, вечную мерзлоту: «Там ни одна вещь не уродит, потому что земля оттаивает не больше, чем на локоть». О Жиганах А. Каменский сообщал, что там «солнце никогда не заходит, но стоит (на небе) как огромная красная кадка, а от него лучи не исходят, а это бывает от мая до октября. Потом солнца и в день и в ночь не видать, всегда темно, только месяц есть, который ночью светит сильнее солнца». Жиганы расположены за Полярным кругом, полярная ночь там действительно сменяется полярным днем, поэтому они так живо и описаны в записках А. Каменского.

Нашего земляка интересовали постройки в уральских и сибирских городах: крепости, церкви, жилые дома, солеварни. Наблюдения Каменского содержат в себе важные данные, отсутствующие в других источниках. Так, до сих пор первые каменные постройки в Тобольске датировались 80-90-ми годами XVII века. А. Каменский же пишет, что в этом городе он видел «мало каменных построек». Значит, все же они были в Тобольске на несколько десятков лет раньше.

Теперь очевидно, что А. Каменский был точен, когда писал о том, что видел. А его ошибки при описании других народов и местностей объясняются тем, что о них он рассказывал с чужих слов. Но даже эти сведения по-своему интересны, и при вдумчивом истолковании из них можно сделать полезные для науки выводы.

По тематике к дневнику А. Каменского примыкают воспоминания Людвика Сеницкого, региментария (заместителя командующего) Белорусской дивизии в войске Великого княжества Литовского. В 1754 г. в Вильно вышла в свет его книга «Документ особого божьего милосердия (...), с воспоминанием о менее известных Московского

государства окраинах (...)»¹ В книге приводится описание жизни региментария в Сибири, рассказывается о природе и быте жителей этого края.

Как же Людвик Сеницкий попал в Сибирь? Во время Северной войны в Речи Посполитой разгорелась междоусобная борьба между магнатскими партиями. Двоюродный брат Л. Сеницкого — генерал литовской артиллерии Казмир-Криштоф Сеницкий с трехтысячным гарнизоном в 1707 г. был осажден в Быховской крепости. Вместе с родичем был там и региментарий. Крепость осаждали русские войска генерала Р. Х. Боура и отряд литовско-белорусского магната Г. А. Огинского. К. Сеницкий сдал крепость. Условия сдачи не были четко оговорены и двоюродные братья, закованные в цепи, попали в плен — в один из московских монастырей. Спустя два года региментария сослали в Сибирь. Путь его пролегал через Тобольск в Якутск, где Людвик Сеницкий оставался до получения амнистии в 1722 г. Через 32 года он издал свою книгу о Сибири.

Л. Сеницкий описал быт хантов и эвенков. Но больше всего в его «Документе» сведений о якутах, среди которых автор книги провел тринадцать лет. Описания жизни якутов сделаны им почти одновременно с описаниями пленного шведского офицера Ф. Табберта (Страленберга), который впервые подробно описал быт якутов.

Региментарий писал, что языком и одеждой якуты отличаются от других сибирских народов — юкагиров, чукчей, камчадалов и коряков, которых он видел во время своего плена в Якутске. Автор «Документа» отметил, что якуты другого происхождения, чем их соседи, и переселились они на реку Лену по воде (правда, он основывался на ошибочном мнении, будто бы они приплыли по морю из Швеции, на самом деле якуты переселились на Лену с юга).

В своей книге Л. Сеницкий рассказал о рыболовстве, сборе ягод и охоте, которыми занимались якуты, о том, что этот народ платил мехами и шкурами подати царским властям. Региментария удивило обилие в Якутии смородины, черники, голубики, брусники, которые якуты продавали русским целыми возами. Он описал и диковинную для него ягоду морошку, которая напоминала малину, но была

¹ Sienicki L. Dokument osobliwego miłosierdzia Boskiego cudownie z Kalwinskicy sekty pewnego stuge y chwalęc swego do Kościoła Chrystusowego pociągającej (...) y z wspomnieniem o mniey znanych Moskiewskiego Państwa krainach (...). Wil., 1754. 396 s. Об авторе см.: Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Ю. Трубнишкого. Полное собрание русских летописей. М., 1980, т. 35, с. 261, 265-267; Otwinowski E. Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II, od roku 1696-1728. Kr., 1849, s. 120; Kaminski A. Konfederacja sandomirska wobec Rosji w okresie poaltranszadzkiem 1706-1709. Wr., 1969, s. 102-111.

большого размера. Якуты собирали весной на зиму различные корни и внутренний слой сосновой коры, которую они сушили, толкли, а зимой варили из нее кашу.

Автор книги интересовался и религиозными представлениями якутов. Они, по его словам, имели богом лебедя, а вместо попов — шаманов, которые устраивали ритуальные танцы под бой бубна, обращаясь при этом к помощи «бога-лебедя». Конечно же, «бог-лебедь» — это не дух, не помощник шамана, а так называемый тотем — символ рода, вид животного, по имени которого назывался один из родов якутов, считавший лебедя своим родственником и покровителем.

Региментарий подчеркивал, что хотя русские священники и крестили якутов, те приняли христианскую веру только для вида и остались верными своим старым обычаям.

Во время пребывания Л. Сеницкого в Якутске туда, по его словам, привезли несколько японцев, потерпевших кораблекрушение у берегов Камчатки. От японцев Сеницкий услышал рассказы о достопримечательностях и богатстве закрытой тогда для чужеземцев страны восходящего солнца. Это были первые в Великом княжестве Литовском сведения о Японии, полученные непосредственно от ее жителей.

И записки А. Каменского, и «Документ» Л. Сеницкого имеют для нас особую ценность, ибо были составлены в конце XVII — начале XVIII века — во время освоения русскими Сибири.

Если записки А. Каменского не публиковались целых два столетия, то воспоминания Л. Сеницкого получили распространение среди жителей Белоруссии и Литвы еще в XVIII в. Книга Л. Сеницкого расширяла их кругозор, давала им представление о жизни других народов. Из нее можно было узнать нехитрую истину, что все люди Земли похожи друг на друга.

ОСТРОВА ЗА ПРОЛИВАМИ

В дальнейшем рассказ пойдет о походах и плаваниях прямых потомков выходцев из Белоруссии — их детей, внуков, правнуков. Они обрусели, но в документах, по принятым тогда правилам, о своем происхождении неизменно упоминали.

Деятельность потомков переселенцев связана с реформами Петра I, по инициативе которого было предпринято обследование северных и восточных окраин России.

Одним из тех, кто участвовал в изучении восточных районов страны, был Иван Петрович Козыревский. Его дед, дворянин Федор Козыревский, был взят в плен под Смоленском в 1654 г.¹ Напомним, что этот город царю Алексею Михайловичу сдало войско Великого княжества Литовского. «Коронное» (польское) войско было занято тогда войной на Украине.

Как и его соотечественник Адам Каменский, Федор Козыревский нес службу в Якутске. В 1668 г. в Москву были отправлены оттуда несколько десятков бывших воинов из Великого княжества Литовского. В их списке, опубликованном якутским историком Ф. Г. Сафроновым, значатся имена Каменского и Козыревского.

Потом пути этих людей разошлись. Первый поехал в Белоруссию, а второй вернулся на Лену, где его пожаловали в «дети боярские». Федор Козыревский служил в различных сибирских острожках, а завершил жизнь в монастыре.

Сын Федора — Петр, бражничая во время богомолья в 1695 г., во хмелю убил жену. Пять лет вместе с детьми он скрывался от наказания. Подробности дела Петра Козыревского по материалам Сибирского приказа Центрального государственного архива древних актов изучил историк Б. П. Полевой. Он уточнил также дату рождения сына Петра Козыревского — Ивана.²

Рассказ о том, в каких условиях проходила юность Ивана Козыревского, каким испытаниям он подвергался смолоду, имеет, как мы увидим, отношение и к тому, как он попал на Камчатку, и к тому, что он пережил потом.

Петр Козыревский повинился в убийстве жены, был бит кнутом. Он попросился в пешую казачью службу «на новую Камчатку реку».

¹ АГО, разряд 60, оп. 1, д. 4 (А. Полонский. Монах Игнатий Козыревский (1872 г.), л. 1.

² Полевой Б. П. Козыревские на Камчатке.— Камчатская правда, 1962, 4 июля; Польские сочинения XVII в. о Сибири и роль поляков в истории ранних русских географических открытий в Северной и Восточной Азии.— В кн.: Русско-польские связи в области наук о земле. М., 1975, с. 15-16.

За три года до этого, в 1697 г., отряд Владимира Атласова достиг Камчатского полуострова посуху и подробно обследовал его. Теперь для освоения пушных богатств Камчатки требовались люди.

Вместе с детьми, старшему из которых Ивану было десять лет, Петр пробирался в Верхоянск, затем — на восток, через остроги на Индигирке, Колыме, Анадыре, а потом на юго-запад, на Камчатку.

Пробирались Козыревские несколько тысяч верст по суровой тундре, через хребты и болота налегке, без средств, рассчитывая только на милосердие спутников. Дело в том, что за Петром Козыревским числилась огромная недоимка, и денег с собой у него не было... Не тогда ли выковалась железная воля Ивана — будущего исследователя Курил?

В год прибытия на Камчатку семьи Козыревских В. Атласов обнаружил среди жителей полуострова японца Дэнбэя, заброшенного туда во время кораблекрушения в 1695 г. Судно, на котором Дэнбэй плыл, было предназначено для каботажного плавания, и носило его по морю полгода. С середины XVII века в Японию был запрещен въезд иностранцам, которые поддерживали в стране междуусобицы. Чтобы японцы не могли иметь контактов с иностранцами, были уничтожены все суда, пригодные к заморским рейсам... Так что Дэнбэй попал на Камчатку по воле волн. Его доставили к Петру I, а тот поручил изучить вопрос о пути в Японию своим подчиненным.

Случай с Дэнбэем был не единственным. Спустя десять лет землепроходцы обнаружили на Камчатке еще четырех японцев, судно которых прибило бурей к устью реки Жупановой.

Стремясь завязать торговлю с Японией, правительство предписало Якутской воеводской канцелярии направить «охочих людей» проводить торговый путь в эту страну. А он неминуемо проходил через Курильские острова.

В одном из указов подчеркивалось, что путешественникам следовало выяснять, будут ли японцы «с российскими людьми дружбу иметь и торги водить, как у китайцев, и что им из Сибири годно...». У русского правительства были миролюбивые намерения по отношению к Японии, чего нельзя сказать о правительствах западноевропейских стран.

Вернемся к судьбе отца и сына Козыревских. Петр сложил голову на одном из островков у побережья Камчатки. Его именем был назван левый приток реки Камчатки. Иван подрастал, проходил службу рядовым казаком «во многих походах в Камчадалской и в других землях».

В 1711 г. казаки взбунтовались против лихоимства злоупотреблений приказчиков (начальников) Камчатки и убили их (в том числе и

«камчатского Ермака» В. Атласова). Атаманом мятежники выбрали Данилу Анциферова, есаулом (т. е. помощником атамана) — Ивана Козыревского. Это говорит об авторитете Ивана Петровича, которому тогда исполнился 21 год.

Участия в убийстве В. Атласова Д. Анциферов и И. Козыревский не принимали, это засвидетельствовал во время дальнейшего расследования обстоятельств мятежа сын В. Атласова. Поэтому их обоих били только кнутом. Многих же участников «бунта» казнили.

В том же году Д. Анциферову и И. Козыревскому власти поручили возглавить отряд казаков и камчадалов, который был направлен на Курильские острова для поиска путей в Японию.

На весельных байдарах (лодках) отряд проследовал морем вдоль побережья Камчатки до южной ее оконечности — мыса Лопатки («Камчадаловского носа»). За морским протоком к югу от мыса лежал первый курильский остров Шумшу. Через три часа плавания на байдарах при спокойном ветре отряд высадился на острове. Казаки сообщали впоследствии, что жители острова курильцы (айны) промышляли нерпу, одевались в нерпичью кожу и птичьи шкурки.

Дальше отряд не последовал. Он вернулся в Большерецк — острог, заложенный И. Козыревским на реке Большой еще до плавания. Казаки подали приказчику Камчатки челобитную — отчет о походе.

В следующем году И. Козыревский продолжал свои исследования на Камчатке. Д. Анциферов погиб в одном из походов.

И. Козыревский составил первый чертеж Камчатки, на который были нанесены и Курильские острова. Этим чертежом пользовались русские и зарубежные исследователи.

В 1713 г. И. Козыревскому власти поручили «о Апонском государстве и за перелевами (проливами — В. Г.) о морских островах проведение учинить». Построив несколько легких судов, И. Козыревский с командой в 55 служилых и промысловых людей и 11 камчадалов отправился на Шумшу. С ним был японец Сан — из числа подобранных в свое время на Жупановой реке. С острова Шумшу корабли добрались на второй курильский остров Парамушир.

Дальше этого острова И. Козыревский идти не рискнул. Приближалась осень с ее сильными ветрами, а «без якорей и парусов и без компасов и протчих судовых и других припасов и за малолюдством» плыть дальше было невозможно.

И. Козыревский собрал ценные сведения о курильцах и Курильских островах. Он указал расстояния между отдельными островами и метеорологические условия в проливах: «Первый перелев, в легких судах своею силою на скоре можно до обеда из утра вперед и назад

сходить». О втором проливе он вспоминал так: «Сей перелев, например, версты две или меныни тысяшных». Третьему проливу путешественник дал такую характеристику: «Сей мелкими байдарами наскоре до полудни, а с грузом, с женами и детьми день ходу в тихое время».

И. Козыревский привез с собой «одежды крапивные (т. е. тканые из волокна курильской крапивы — В. Г.) и дабинные (подобие хлопчатобумажных — В. Г.), и шелковые, и сабли, и котлы». Он составил пока не обнаруженный в архивах чертеж Курильской гряды — вплоть до «Матмайского острова», т. е. до Хоккайдо, самого северного острова Японии. Чертеж был положен в основу карты, доставленной в Москву шесть лет спустя, и тоже, как и первый чертеж И. Козыревского, стал достоянием европейской картографии.

Путешественник установил (и это было очень важно), что курильцы «самовластны (независимы), а люди нифонцы (японцы — В. Г.) далее Матсмаю (Хоккайдо — В. Г.) в сиверную сторону на иные (Курильские) острова не ходят». Это дало возможность другим русским мореплавателям привести курильцев в русское подданство, поскольку японцы на островах не были.

Сведения, собранные И. Козыревским о Японии, гораздо скромнее данных о Курилах.

И. Козыревский два года управлял Камчаткой, затем постригся в монахи, взял себе имя Игнатий (как в свое время сделал его дед Федор). Но это не спасло И. Козыревского от мирских невзгод. В 1720 г. по наговору родного брата Петра монаха отослали в Якутск, где проводилось долгое пристрастное следствие. Петр поставил брату в вину его участие в бунте 1711 г. Тот будто бы возразил: «Которые де люди царубийцы, и те де живут приставлены у государевых дел, а не великое дело, что на Камчатке приказчиков убивать». В этих словах узрели намек на недавнюю смерть царевича Алексея Петровича.

По действовавшей тогда системе политического сыска любой неодобрительный отзыв о действиях государя считался преступлением, караемым казнью. Каждый подданный должен был под страхом смерти донести об известных ему умыслах против царя и оскорблении царского имени. При этом произносилось условное выражение «слово и дело государевы». Сила «слова и дела» была в те жестокие времена велика. И доносителя, и оговоренного подвергали перекрестным допросам с пытками.

И. Козыревскому удалось оправдаться. Он остался в Якутии, строил монастыри, но вскоре снова был закован в цепи и содержался «под караулом» по решению духовных властей. И. Козыревский бежал

из-под стражи, и в воеводской канцелярии просил отпустить его в Москву, чтобы рассказать там о пути в Японию. Но в Москву его не пустили — только сообщили обо всем в Тобольск.

Когда капитан Витус Беринг направлялся на Камчатку для поисков путей в Америку, тобольский губернатор предложил ему расспросить о новых землях и островах Козыревского, «и буде он к походу ево, капитанскому, удобен, то бо взятые учинил по его рассмотрению».

В. Беринг встретился с И. Козыревским в Якутске. Однако путь капитана лежал на север от Камчатки, а не на юг, куда так хотел плыть И. Козыревский на хорошо оснащенных морских судах. В экспедицию он не попал, зато наделил В. Беринга «доношением», в котором была изложена история изучения Камчатки и Курил, и «Чертежом как Камчадальского носу, також и морским островам, кажное число островов от Камчадальского носа до Матмайского и дальского носу до Матмайского и Нифона островов» (т. е. до японских островов Хоккайдо и Хонсю).

Этот чертеж сохранился. После Великой Отечественной войны историки С. Баскин и И. Огрызко обнаружили его в Центральном государственном архиве древних актов и опубликовали.

Тем временем якутский казачий голова Афанасий Пестаков прибыл в Петербург и попросил разрешения организовать экспедицию для «сыскания в подданство новых земель и островов» и обследования Курил. Он хотел также наладить плавание от мыса Лопатки до Анадыря и до берегов лежащей против Чукотки «Большой земли». Где она точно расположена, тогда не знали. Теперь мы знаем, что под «Большой землей» имелась в виду Аляска — самая западная часть американского континента, которая находится за проливом к востоку от Чукотки. Слухи о пушных богатствах «Большой земли» доходили и до Сибири, и до Петербурга.

Проект был поддержан. Летом 1727 г. Шестаков двинулся к Тихому океану. К нему присоединился И. Козыревский, он просился на Камчатку, чтобы там показать острова, «в которых он сведом», его направили в другую сторону — изучать острова напротив устья реки Лены. Козыревский совершил плавание по морю (оно позже получило название моря Лаптевых). Со стороны Лены он хотел добраться до «Большой земли» — Америки и до Камчатки, не подозревая, как далеко до них.

На зимовку И. Козыревский вернулся на Лену. В мае 1729 г. судно было сломано льдом, и И. Козыревскому так и не удалось встретиться с В. Берингом на Камчатке.

В 1730 г. наш герой поехал в Москву по делам освоения Камчатки. Сперва все шло хорошо. В «Санкт-петербургских ведомостях» напечатали сообщение о путешествиях И. Козыревского. Но тут снова вспомнили о мятеже 1711 г. И хотя И. Козыревский объяснил свою непричастность к убийству В. Атласова, его арестовали. Только через три года пришли документы из Сибири. Они подтвердили показания И. Козыревского, но к тому времени — 2 декабря 1734 г. узник умер в тюрьме.

Так окончилась беспокойная жизнь человека, который так много сделал для исследования и присоединения к России Курильских островов.

В литературе Козыревскому посвящены несколько очерков известного популяризатора истории наших географических открытий писателя С. Маркова.

Время разбилось в заслугах Козыревского. Изучение им северо-восточных Курильских островов и описание всей гряды имеет непреходящее значение в истории Дальнего Востока. Именем Козыревского названы мыс и город на Курильских островах. В память о путешественнике поселок городского типа в Усть-Камчатском районе носит название «Козыревский».

Продолжить маршруты Козыревского вдоль Курильской гряды поручил Петр I геодезистам Ивану Михайловичу Евреинову и Федору Федоровичу Лужину, обучавшимся в Московской математико- навигацкой (мореходной) школе, а затем в Петербургской морской академии.

Происхождение Ивана Евреинова указано в одном из документов этих учебных заведений — «из людей боярских». Люди с фамилией Евреинов во второй половине XVII в., как правило, происходили из белорусских городов, поэтому можно сделать предположение, что и Иван Михайлович Евреинов тоже наш земляк.

Почему Петр I послал геодезистов к дальним островам? Царя заинтересовали сообщения И. Козыревского о Курилах. Он поручил «навигаторам» (как тогда называли мореходов) «ехать до Камчатки и далее куды Вам указано. И описать тамошние места, где сошлась ли Америка с Азией, что надлежит zelo тщательно сделать не только с юд и норд, но и ост и вест, и все на карту исправно поставить». Петр I собственноручно исправил инструкцию, после слов: «и описать тамошние места (...) добавил: «И далее, куды вам указано».

Царь не случайно направлял в экспедицию геодезистов, подготовленных в отечественных учебных заведениях. Чертежи, изготовленные служилыми людьми, в том числе и И. Козыревским, были

вчерашним днем картографии. Они выполнялись старательно, но без математической основы и масштаба. Такие чертежи не удовлетворяли требованиям эпохи. В точных картах тогда нуждались армия и нарождавшийся флот, развивавшаяся торговля и дорожное строительство. Картографию необходимо было поставить на научную основу, вот почему экспедицию на Тихий океан возглавили молодые умелые геодезисты.

Из Петербурга И. Евреинов и Ф. Лужин выехали в январе 1720 г. Путь был долгим. Только к лету 1721 г. экспедиция прибыла в Охотский острог.

За четыре года до этого русские мореходы проложили путь на Камчатку по воде (раньше туда можно было попасть только через тундры северной Сибири и Чукотки). Мореход Никифор Треска на ладье «Охота» преодолел бурное Ламское (Охотское) море, вышел из Охотского острога и добрался до Камчатки.

И. Евреинов и Ф. Лужин повторили этот путь. Вместе с командой драгун, сопровождающих их от Тобольска, на судне «Охота» они вышли в море. Вел судно мореход Кондратий Мошков. Через девять дней ладья доставила экспедицию к западному берегу Камчатки. Вместе с навигаторами туда прибыл новый приказчик Камчатки Алексей Афанасьевич Шестаков.

С побережья геодезисты направились вглубь полуострова, перевалили через горы и по долине реки Камчатки достигли Нижнего острога. Здесь И. Евреинов и Ф. Лужин узнали о том, что приказчик А. Шестаков, как и его предшественники, занялся поборами, заставляет местных жителей отдавать пушнину сверх положенного ясака и подменяет хорошие меха, собранные для казны, своими, худшими.

Геодезисты потребовали от приказчика прекратить беззаконие. А. Шестаков не подчинился им. Но местные жители, увидев в лице И. Евреинова и Ф. Лужина защитников, стали обращаться к ним за помощью.

Всю зиму геодезисты собирали сведения о камчатских реках и озерах. Определили широту, на которой находился острог, а по весне вернулись на западное побережье и отправились на «Охоте» к югу, на Курильскую гряду. Они направлялись к острову Шококи (Райкоки). В докладе И. Козыревского указывалось, будто бы на этом острове «камень копают в земле (...), а какое камень — и того толмачи камчадалские языком перевести не знают». Эти сведения И. Козыревского были расплывчаты и неясны, но они как раз и были одним из побудительных мотивов плавания И. Евреинова и Ф. Лужина. Дело в том, что в 1643 г. нидерландские мореплаватели де Фриз и Схеп, от-

правившись с острова Ява в поисках мифических «золотых» и «серебряных» островов к северо-востоку от Японии, достигли нескольких южных Курильских островов. Тогда голландцы толком не обследовали их, сочли Хоккайдо, Сахалин и Кунашир одним островом, а к востоку от курильского острова Итуруп «обнаружили», ни мало, ни много, как Америку! Капитан де Фриз и Схеп внесли основательную путаницу в географию этой части Тихого океана. Мало того, де Фриз будто бы обнаружил на «Земле Компании» (как он назвал курильский остров Уруп) мифический серебристый песок, который будто бы растворялся в воде.

И. Евреинов и Ф. Лужин опровергли и домыслы нидерландских мореплавателей, и ошибочные сведения Козыревского об острове Райкоке.

У девятого по счету от Камчатки острова Шимушир ладья встала на якорь. Но шторм изорвал парус. Якорный канат лопнул и судно понесло в открытое море. Целую неделю ладью носило по бушующим волнам. Ветер отнес «Охоту» ко второму острову гряды — Парамуширу. Здесь удалось пополнить съестные запасы и починить парус. Когда стали поднимать заменившие утерянный якорь связанные пушку и наковальню, канат лопнул. К счастью, удалось без якоря добраться до устья Большой реки на Камчатке. Здесь капитан «Охоты» К. Мошков соорудил два деревянных якоря и оковал их сковородами.

В июле 1721 г. ладья отправилась с Камчатки в Охотск. Геодезисты отрешили от должности за лихоимство, взятки и хищение казны А. Шестакова и взяли его с собой.

Через труднопроходимые хребты Охотского побережья, по рекам Якутии участники экспедиции доехали до Якутска, отсюда через всю Сибирь — до Тобольска, там остался Ф. Лужин, а И. Евреинов двинулся в Казань, где в то время находился Петр I.

Император выслушал отчет И. Евреинова и рассмотрел карту его походов. (Гольце в 1945 г. она была обнаружена в фондах Центрального государственного архива древних актов архивистом В. Н. Шумиловым). Оказалось, что геодезисты исчислили расстояния между приметными местами и впервые определили их координаты. Карта имеет градусную сетку. На нее нанесены четырнадцать островов. Данные навигаторов опровергли представления европейских географов о мнимой близости Америки к Курильским островам. Карта и отчет геодезистов знаменовали собой переход от примитивной в математическом отношении картографии к новой, более точной.

Значение этого факта для набравшего силу русского флота трудно переоценить. Да и то, что западноевропейские исследователи потеряли былой авторитет сыграло свою роль. Навигаторы всего мира предпочли достоверные российские карты этого района всем другим.

И. Евреинов передал также Петру I записку «О камчацком обхождении», где заступался за местных жителей, которые подвергались «обидам» со стороны приказчиков. Если те не будут грабить камчадалов, указывал навигатор, «то вашему императорскому величеству учинится прибыль немалая того ради, что тот окладной ясак те ясашные люди будут со усердием в казну против окладу платить вдвое». Вся записка проникнута духом гуманного отношения к жителям Камчатки.

Благодаря экспедициям И. Козыревского, И. Евреинова и Ф. Лужина за Россией были закреплены Курильские острова. Дело этих путешественников на северо-востоке страны продолжил Дмитрий Павлуцкий.

ПО ЧУКОТКЕ

Драгунский капитан Дмитрий Иванович Павлуцкий был потомком упоминавшегося Яна Павлоцкого, уроженца Великого княжества Литовского. В 1622 г. Ян Павлоцкий был записан в Тобольске сыном боярским. В 1625 г. он встречал тобольских служилых людей из посольства к калмыкам, а спустя 26 лет был там же «архиепископским приказным». Фамилия «Павлоцкий» постепенно превратилась в «Павлуцкий», ее-то и носил драгунский капитан Дмитрий Павлуцкий, живший в Тобольске. В 1727 г. в этот город приехал якутский казачий голова Афанасий Шестаков, вместе с ним были еще несколько человек, в том числе навигатор подштурман Иван Федоров и геодезист Михаил Гвоздев. Шестаков вручил тобольскому губернатору именной указ (т. е. указ от императорского имени), предписывающий «для изыскания новых земель и призыву в подданство немирных иноземцев послать кого из оберофицеров искусного человека по рассмотрению губернаторскому, и с ним казачья голову Шестакова».¹

Выбор тобольского губернатора пал на «искусного человека» Д. Павлуцкого. Ему и А. Хлестакову подчинили отряд из четырехсот человек. В указе шла речь об освоении Чукотки, а, может быть, и «Большой земли».

Как раз в это время разворачивала свою деятельность морская экспедиция капитанов В. Беринга и А. Чирикова, совершивших плавание в проливе к востоку от Чукотки. Они открыли в этом проливе острова Диомиды, но не знали еще, что близко лежит и американский континент.

Из Тобольска экспедиция Д. Павлуцкого и А. Шестакова направилась по долгим сибирским дорогам и рекам в Якутск. Здесь отряд разделился. Д. Павлуцкий следовал через Нижне-Колымск в дальний Анадырский острог на Чукотку тем же путем, каким в свое время направлялись туда Козыревские.

Шестаков шел со своими людьми через Охотск, чтобы затем направиться к «Носу» — мысу Дежнева. Здесь предполагалась встреча двух отрядов. Отсюда они собирались плыть к островам Диомиды.

Но казачий голова А. Шестаков не добрался до Анадыря. Он погиб по пути туда, и руководство всей экспедицией перешло к Павлуцкому.

¹ ПСЗ. Т. 7, № 5049. СПб., 1830, с. 771.

На Чукотке Д. Павлуцкий собирал вести о «Большой земле». Побывавший на «Носу» служилый человек Афанасий Мельников видел, как к тамошним чукчам приходили «зубатые люди» с острова, удаленного от мыса на день пути. Это были эскимосы с островов Диомида. «Зубатыми» их называли потому, что они делали прорези в губах и щеках и вставляли в них украшения из клыков моржа. От их острова до Аляски тоже было расстояние на день ходу.

На самой Чукотке жили различные народности. К северу от реки Анадырь расселились чукчи, давшие свое имя обширным землям на стыке двух океанов — Северного Ледовитого и Тихого. У чукчей формировалась военная демократия с выделением вождей на время походов.

Южные соседи чукчей — юкагиры и коряки оставались на более низкой ступени развития, у них сохранялись первобытно-общинные устои и, конечно, они были слабее воинственных чукчей. Чукчи постоянно отбивали у соседей оленей, желая увеличить свои стада.

В конфликты между племенами были вовлечены и первые русские поселенцы. Продвигаясь на Чукотку по большим рекам, они приводили в подданство отдельные племена юкагиров и коряков, брали на службу проводниками и заставляли снабжать оленями и одеждой. Естественно, приходилось брать эти племена под свою защиту от чукчей.

Центральные власти предписывали служилым людям избегать столкновений с местными яштелями. Однако с основанием Анадырского острога отношения пришельцев и чукчей не могли не обостриться. Гарнизон и «объясаченные» юкагиры, добывавшие пропитание для своих оленей, вынуждены были сталкиваться с чукчами.

Чтобы нормализовать обстановку на Чукотке, Павлуцкий решился на крайние меры. Он присоединил к своим казакам коряков и юкагиров и двинулся вглубь полуострова. Через перевал отряд вышел к побережью Ледовитого океана, а оттуда берегом прошел на восток, затем вдоль побережья Берингова моря — на юг и вернулся в Анадырский острог. Этот поход показал силу «пришельцев» и часть чукчей стала вносить в казну ясак.

В сражении с чукчами близ нынешнего мыса Дежнева среди погибших было найдено тело «зубатого человека» — союзника чукчей с островов Диомида. У него на губе были дыры, в которые вставляются зубы, из моржевых зубов вырезанные». Об этом Д. Павлуцкий сообщил в сенат.

Сенат заинтересовался его сообщением о «зубатых людях». Было решено искать и острова по пути к Америке и самую Америку.

По распоряжению Д. Павлуцкого судно «Святой Гавриил» проследовало к Анадырскому носу. Возглавившим плавание подштурману И. Федорову и геодезисту М. Гвоздеву Д. Павлуцкий поручил обследовать «Большую землю», «провесть, какие там живут люди». В составе экипажа был опытный мореход Кондратий Мошков. Это он в свое время водил ладью «Охота» на Курилы, а затем принимал участие в плавании В. Беринга к Ледовитому океану.

Мореплаватели направились к островам Диомида, у которых за четыре года до этого побывал В. Беринг. Они пересекли с запада на восток пролив (В. Беринг прошел его с юга на север), и 21 августа 1732 г. бот «Святой Гавриил» первым из русских судов подошел к берегам Северной Америки. М. Гвоздев, И. Федоров и К. Мошков первыми из европейцев побывали у самой Аляски, у мыса, который позже получил название мыса принца Уэльского.

Судно бросило якорь в четырех верстах от берега. Картину, открывшуюся перед мореплавателями они описали так: «Земля желтого песку, народу и юрт множество, растет лес лиственница, ельник, и тополь». М. Гвоздев ориентировочно определил время, необходимое для плавания от Чукотского мыса до «Большой земли». Составленные геодезистом рапорты о плавании «Святого Гавриила» были использованы при составлении Генеральной карты северо-востока России, завершенной в 1746 г.

Экспедиция Павлуцкого проделала большую работу по приведению в подданство «иноземцев». В записке видного географа И. К. Кирилова, относящейся к 1733 г., подчеркивалось, что «в полуденную же сторону все острова до самой Японии подинно никому не подвластны, и уже четыре (Курильских — В. Г.) острова от команды Павлуцкого в подданство приняты».

После возвращения этой экспедиции из плавания Д. Павлуцкого отозвали в Якутск. Затем опять несколько лет он служил на Камчатке, расследовал дело о восстании камчадалов против притеснений приказчиков и казаков. Д. Павлуцкий (он получил к тому времени чин майора) добился того, что, по словам А. С. Пушкина, «камчадалы, бывшие у них (казаков — В. Г.) в крепостной неволе, отпущены на волю, и впредь запрещено их кабалить».

Чтобы улучшить снабжение Камчатки продовольствием, Павлуцкий впервые привез туда корову и быка, пытался, правда, без успеха, завести в благодатных долинах Камчатки хлебопашество.

С Камчатки Д. Павлуцкий вернулся в Якутск, где был назначен воеводой. Его чуть не постигла судьба И. Козыревского. В Охотске, на свадьбе своей племянницы и первого исследователя природы и быта

жителей Камчатки Степана Петровича Крашенникова, Д. Павлуцкий допустил оплошность, позволив неосторожно высказаться в адрес святейшего Синода. По счастью, опасность попасть под суд миновала.

В 1742 г. Д. Павлуцкого снова послали на Чукотку. Как раз на русских подданных юкагиров и коряков возобновили свои набеги воинственные чукчи. Потребовалось вновь усмирить их.

Два похода Д. Павлуцкий совершил удачно. Его отряд прошел на северо-запад и вышел к Чаунской губе, откуда двинулся снова по побережью Восточно-Сибирского моря к «Носу», чтобы вернуться в Анадырский острог. Маршрут отряда составил полторы тысячи верст. В третьем походе, 21 марта 1747 г. майор Д. Павлуцкий сложил голову в сражении с чукчами. Последних удалось только разбить, но не подчинить.

О научных результатах походов Д. Павлуцкого некоторые исследователи нередко судили несправедливо, не признавая за ними какой-либо ценности.¹ Материалы походов опровергают такую нигилистическую оценку.² Так, Д. Павлуцкий описал географические особенности Чукотки, берега которой были гористыми, а глубь материка низменной, привел данные, подтверждающие прежние предположения о близости к Чукотке берегов Америки. Д. Павлуцкий посылал в Сенат чертеж и карту Чукотки. Впервые на них была нанесена река Чаун и ее притоки. Напротив Чукотки был показан пролив, а в нем — два острова.

Сотники команды Д. Павлуцкого Попов, Нижегородцев и другие в своем «объявлении» о походах показывали, что «Чукоцкая земля вся болотная, каменистая и весьма кочковатая и мокрая, никакого лесу и травы, кроме моху, нету», описывали быт чукчей. Поскольку леса в глубине Чукотки не было, пищу чукчи варили, сжигая мелкий кустарник и мох. Жили они на побережье в землянках, укрепляли их выброшенным морем деревом, ели нерпичье, моржовое и китовое мясо, рыбу и траву.

Д. Павлуцкий характеризовал чукчей объективно: «Чукчи народ сильный, рослый, смелый, плечистый, крепкого сложения, рассудительный, справедливый, воинственный, любящий свободу и не терпящий обмана, мстительный, а во время войны, будучи в опасном положении, себя убивают. Стреляют из луков и бросают камни, но не очень искусно. Во время кочевья употребляют легкие юрты из оленьих

¹ Сгибнев А. Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова.— МС, 1869, т. 100, № 2, с. 33; Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.-Л., 1965, с. 123.

² Дивин В. А. Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в. Л., 1971, с. 88; Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Нов., 1974, с. 91.

кож. Кроме оленей не имеют никакого скота. На промыслы ходят всегда пешком, а в дальних переходах на оленях, по морю плавают в кожаных байдарках».

Многие исследователи северо-восточной Азии пользовались данными и самого Д. Павлуцкого, и сведениями, собранными по его инструкциям. Не одну тысячу верст по Чукотке и Камчатке изъездил потомок белорусского поселенца за двадцать лет. Немало пользы принесли он и его отряды отечественной науке.

ПУТЬ СКВОЗЬ ЛЬДЫ

Восточное побережье Таймырского полуострова — самого северного в Азии — носит название берега Прончищева. Там же есть бухта Прончищевой. Так закреплены на карте имена мужа и жены Прончищевых, исследовавших в составе «Великой Северной экспедиции» побережье Ледовитого океана.

Во главе этой экспедиции стоял командор В. Беринг. Он отлично понимал, что ее успех полностью зависит от подбора участников. Он посетил Ревель (ныне Таллин) и Кронштадт, где лично беседовал со многими морскими и адмиралтейскими служителями. А затем представил в Адмиралтейств-коллегию список на сорок девять человек, которых предлагал включить в состав экспедиции. Одним из первых в этом списке значился лучший штурман Кронштадта лейтенант Василий Васильевич Прончищев.

В. Прончищев родился в 1702 г. в селе Богимово в 12 верстах от города Алексина, недалеко от Тулы. По прямой линии вел он родословную от Ивана Васильевича Прончища, который выехал из Белоруссии на службу еще к великому князю Ивану III и был пожалован в 1488 г. поместьями, в Тарусском уезде неподалеку от Алексина. Прі звище (позже фамилия) Прончище(в), можливі: , происходит от реки Прони — правого притока Сожа, пересекающей нынешнюю Могилевскую область с севера на юг, от Горок до Славгорода (бывшего Пропойска). Предки лейтенанта занимали при дворах царей должности стольников, окольных, думных дворян и часто несли посольскую службу.

В. Прончищев учился морскому делу сперва в Навигационной школе в Москве, а затем в Морской академии в Петербурге, которую окончил в 1721 г. После этого служил на Балтике.

В феврале 1733 года из Петербурга двинулись в путь первые обозы Великой Северной экспедиции. Люди должны были добраться до берегов Охотского моря и доставить туда тысячи пудов провианта и материалов для постройки кораблей. Среди офицеров флота, уезжавших в Сибирь позднее, был и лейтенант В. Прончищев. Ему предстояло возглавить один из отрядов по исследованию северных берегов от устья Лены до Енисея.

Как совсем недавно обнаружил в архиве историк В. Богданов, незадолго до отъезда на восток, в мае 1733 г. лейтенант обвенчался со своей землячкой, уроженкой Алексинского уезда Тульской губернии

двадцатилетней Татьяной Федоровной Кондыревой (до исследования В. Богданова ее в литературе неверно называли Марией)¹. С детских лет она жила в семье дяди в Кронштадте, где ее повстречал В. Прончищев. Найдена челобитная, в которой она подчеркивала, что мать и брат выдали ее замуж за лейтенанта Василия Прончищева «по ее воле». Эти три слова Татьяны несли в себе большую смысловую нагрузку: ведь тогда дворянских девиц выдавали замуж зачастую независимо от их желания. Неделю Василий и Татьяна Прончищевы провели в Москве в собственном доме молодой жены. А в первых числах июля 1733 г. выехали на север. В Якутске под наблюдением В. Прончищева был выстроен дубель-шлюп — судно, ходившее под парусами и на веслах. Дубель-шлюпы предназначались для прибрежных плаваний. Судно назвали по имени города, в котором оно было построено.

В июне 1735 г. дубель-шлюп отправился в плавание. Команда состояла из шестидесяти человек. Татьяна Прончищева была первой европейской женщиной, участвовавшей в полярном плавании.

«Якутск» спускался по Лене. Штурман экспедиции Семен Иванович Челюскин наносил на карту ее берега. На подходе к устью реки Оленек пришлось бросить якорь: открылась течь.

Через лабиринт протоков в дельте Оленька дубель-шлюп подошел к берегу реки, где виднелся поселок охотопромышленников. Из выбранного плавника построили две избышки. Стали ловить рыбу, охотиться на зверя, запасать рыбу и мясо, добывать шкуры, чтобы подготовиться к зиме. Из шкур шили кухлянки и обувь наподобие тех, которые делали местные жители.

К пришельцам стали приезжать из глубины тундры якуты и эвенки. Один из них подарил В. Прончищеву большой золотистый камень, найденный в верховьях реки Анабара. В конце ноября, отправив посыльного в Якутск с рапортом В. Берингу, В. Прончищев послал и этот подарок — показать знающим людям.

С приходом весны из Якутска прибыл солдат Погодаев с инструкцией В. Беринга на лето 1736 г. Только в первых числах августа льды вокруг дубель-шлюпа разомкнули свои объятия, и он продолжил плавание на северо-запад. Судно буксировало ялботы (лодки), груженные съестными припасами.

Команда была истомлена долгой зимовкой, изнурена цингой. Плавание среди льдов за Полярным кругом было нелегким. С.

¹ Богданов В. Марию звали Татьяной.— Известия, 1983, 31 июля; Попов С. Итак, она звалась Татьяной.— Неделя, 1983, 12-18 сент., с. 17.

Челюскин отмечал в шканечном журнале: «Стужи стоят великие, что человеку едва терпеть можно»¹. Штурман и геодезист наносили на карту очертания берегов, забрасывали лот, промеряли глубину. Четвертого августа достигли устья Анабара. Н. Чекин отправился к горе, на которой раньше был найден пресловутый камень, а через неделю вернулся оттуда с образцами руды. Впоследствии оказалось, что это не серебро, не медь, как предполагали, а сера.

Экспедиция отправилась дальше — к полуострову Таймыру. Судно продолжало лавировать между льдами. В одном месте увидели одиночную избу на пригорке. С. Челюскин записал: «Ялбот пришел к берегу, токмо промышленных людей не нашли, а в построенном зимовье одном были и нашли в том зимовье хлеб, и собаку видели у того зимовья, а хозяина не застали, знатно, отлучился на промысел...». Это было доказательство пребывания людей на дальнем побережье.

Судно прошло мимо островов, к которым не удалось подойти из-за льдов: «И шли около льдов, который лед подошел от самого берега в море, и очень гладок, уподобился якобы на озере, и приплесков на нем никаких нет, и признаваем, что стоит лед ни в какое лето не ломает...».

Окрестные места полнились признаками жизни. На льдинах виднелось немало белых медведей, встречались моржи, тюлени, белухи.

Льды соединялись вокруг судна все плотнее и плотнее. Ветер стихал, наполнил туман. Однако мореходы решили, несмотря ни на что, плыть дальше. 17 августа 1736 года «Якутск» подошел к бухте, которая теперь на всех картах называется бухтой Марии Прончищевой. Лейтенант послал на берег ялбот с матросами и солдатами, но они быстро вернулись, так как «дров и воды не нашли и берега пустые и безлесные и жилища на нем никакого нет». Судно даже не пыталось войти в столь негостеприимную бухту.

19 августа штурман измерил высоту и рассчитал широту: 77 градусов 29 минут северной широты. Дубель-шлюп немного не дошел до самой северной точки Азии. Это было событием исключительной важности в истории покорения Арктики. Никто еще в этих районах не продвигался так далеко к северу. В русском секторе Арктики достижение Прончищева оставалось непревзойденным в течение почти полутора веков.

Дальше плыть было нельзя —слева расстился гладкий стоячий лед, впереди и справа сплошной массой дрейфовали плавучие льды. Был создан совет, решивший, что надо возвращаться: «За препят-

¹ Годубев Г. Потомкам для известия.— Вокруг света, 1981, № 12, с. 54-59.

ствием великих льдов для того, что путь нам к Енисейскому устью не пропустило, понеже льды в море лежат далече к северу и от севера к востоку и льды плотные и густые и обойтить их и между ними пройти невозможно...».

Все сильнее давала о себе знать не меньшая, чем столкновение со льдами, опасность — цинга. Заболел командир отряда, ему становилось с каждым часом все хуже и хуже. Жена не отходила от Василия ни на минуту. Но и к ней подобралась болезнь. Командование судном временно принял С. Челюскин. Пробиваясь среди льдов, 29 августа шлюп подошел к устью Оленька. Но ветер дул с юга и не позволяя войти в устье. Пошел густой снег, обмерзли снасти. Из последних сил люди боролись с разбушевавшейся стихией... В этот день Василий Прончищев скончался.

Только через четыре дня ветер позволил судну причалить к берегу. На южном краю поселка у мыса Тумуль, неподалеку от прошлогодней зимовки, вырубил в мерзлой земле могилу, в которой схоронили командира. «При погребении была пальба три раза». Немного пережила мужа Татьяна Прончищева. Она умерла 12 сентября, была похоронена тоже с воинскими почестями.

Дубель-шлюп возвратился в Якутск. Новую экспедицию в эти места возглавил лейтенант Харитон Прокофьевич Лаптев. Дубель-шлюп «Якутск» вошел в ту бухту, которая ныне носит имя Прончищевой. Командир отряда записал: «В параллели 75 градусов 15 минут из моря в берег стоит губа, которая усмотрена и описана в 1740 году, на устье не шире 3-х верст. Потом, заворотясь, к северу пошла, и где ея вершина за дальностию не изведена. По сей губе всегда в лете носит лед полною водою без очищения. Особо сея губа глубока». Заметим, что губа так и осталась безымянной.

Зимовали в Хатангском заливе. Следуя посуху, Н. Чекин открыл Таймырское озеро и прошел от него вдоль реки Таймыры до моря. В следующее плавание льды раздавили «Якутск».

Таким образом, участники экспедиции обследовали почти весь полуостров Таймыр. А в 1742 г. С. Челюскин достиг самой северной точки Азии, мыса, который теперь носит его имя.

К сожалению, в литературе и на картах утвердилось название бухты «Марии Прончищевой». Так ее называли участники Гидрографической экспедиции в 1913 г. (о ней см. главу «Маршрутами первопроходцев»).

Не удастся проследить, почему так была названа бухта — съёмочные планшеты и описные журналы экспедиции сгорели. Историк В. Богданов убедительно доказал, что жену Прончищева звали

Татьяной. Скорее всего, один из мысов бухты был назван «М. Прончищевой», то есть мыс Прончищевой. Так, кстати, бухта и называлась на многих картах 1920-1930 года, пока кто-то из картографов не превратил «М» в «Марию»...

Над могилой супругов Прончищевых в устье Оленька стоит деревянный крест. Это память о мужественных полярных исследователях.

В СТРАНЕ ВУЛКАНОВ

Двое суток шторм носил по Охотскому морю потерявший управление парусник. Судно направлялось из Большерецка на западном побережье Камчатки в Нижнекамчатск — уездный городок на восточном берегу полуострова. Предстояло обогнуть мыс Лопатку.

Волны одна за другой перекатывались через палубу. Корабль относил к одному из Курильских островов. Бушующая стихия бросила его на отмель. Корпус судна зарылся в песок, придавил людей, которые прыгнули в воду, надеясь добраться до берега.

Среди плавших на паруснике был и следовавший в ссылку бригадир¹ Юзеф Копоть. Во время катастрофы ему удалось ухватиться за мачту. Что предпринять дальше, он не знал. Вдруг к Ю. Копотю прикоснулась чья-то рука. Русский матрос из конвоя, ухаживающий во время плавания за не привыкшим к морской качке бригадиром, вспомнил о нем и сейчас, во время общего смятения. Матрос и ссыльный выбрались на берег. Местные жители — айны помогли починить корабль. Вскоре Ю. Копоть добрался до Нижнекамчатска.

За что бригадира отправили в эти отдаленные края? Откуда он был родом?

Родился Юзеф Копоть в Пинском повете (нынешней Брестской области) 16 мая (по новому стилю) 1762 г.² Белорусский дворянский род Копотей был старинным, предки бригадира были православными и занимали видное место в администрации Великого княжества Литовского. Один из них еще в XVI в. был «писарем русским» (то есть главой канцелярии великого князя, ведавшей делопроизводством на старобелорусском языке). Отец Ю. Копотя — Станислав был пинским ротмистром в войске Великого княжества Литовского.

Ю. Копоть следовал примеру отца. С юных лет он служил в Пинской (пятигорской или панцырной) кавалерийской бригаде, начав службу с рядового. Молодость Ю. Копотя совпала с первым разделом Речи Посполитой, общественным подъемом в стране и становлением шляхетской революционности в Белоруссии, Польше, Литве и на Украине.

Свою известную периодизацию истории освободительной борьбы в России В. И. Ленин основывал прежде всего на классовой принадлежности ее участников и первый ее период назвал «дво-

¹ Бригадир — высший офицерский чин между чинами полковника и генерал-майора.

² Худзиковская Я., Ястер Я. Люди великой отваги. М., 1957, с. 76-95; Грицкев и ч В. П. С берегов Свислочи и Припяти к Тихому океану.— Дальний Восток, 1974, № 1, с. 134-137; Грыцкевич В. У далечны ад бацькаўшчыны.— Маладосць, 1977, № 4, с. 176-183.

рянским»¹. Революционность шляхты Белоруссии, Польши, Украины, Литвы имела сходство с дворянской революционностью в русском революционном движении и развивалась со времени восстания Т. Костюшко 1794 г. Уже в конце XVIII в. шляхта являлась далеко не монолитным сословием. По данным, приводимым историком В. А. Дьяковым, неимущая часть составляла 55 процентов и с 1790 г. фактически была лишена почти всех шляхетских привилегий. Мелкая шляхта, удельный вес которой доходил до 40 процентов, постоянно превращалась в крестьян, интеллигентов, буржуа и даже рабочих. По сведениям историка Н. Н. Улащика, в первой половине XIX в. большинство из них не имело не только крепостных, но и земель, а значительная их часть вообще состояла из лиц, совершенно неимущих. Десятки тысяч дворян, по свидетельству отчета виленского губернатора за 1851 г., представляли собой «пролетариат, по совершенной бедности вынужденный переходить из одного места на другое для снискания по найму работы не только у помещиков и чиновников, но и у зажиточных крестьян». Неимущая шляхта была источником пополнения революционных организаций в 1794, 1830—1831 и 1863-1864 годах. Из ее рядов выдвинулись такие стойкие и последовательные революционеры, как Т. Костюшко, К. Калиновский, В. Врублевский и сотни других.

Именно за революционность большинство борцов за свободу, начиная с Ю. Копотя, ссылалось в Сибирь.

Поскольку отдельные этапы освободительного движения в Белоруссии в обобщающих и энциклопедических изданиях освещаются не всегда достаточно, а порой противоречиво, автор решил привлечь характеристики, данные этому движению К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным. Их высказывания очень важны для правильной оценки общественных взглядов наших земляков, попавших на восток Азии.

Вот что говорил в 1790-х годах о Речи Посполитой Ф. Энгельс: «Французская революция 1789 г. тотчас же нашла свой отклик в Польше. Конституция 1791 г., провозгласившая права человека и гражданина, стала знаменем революции на берегах Вислы, сделав Польшу авангардом революционной Франции, и как раз в тот момент, когда три державы, однажды уже ограбившие Польшу, объединились, чтобы пойти на Париж и задуть революцию. Разве могли они допустить, чтобы в центре коалиции² прочно свила себе гнездо ре-

¹ Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России.— Полн. собр. соч., т. 25, с. 93.

² Коалиция — союз контрреволюционных государств Европы против революционной Франции.

волюция?— Ни в коем случае. Снова бросились они на Польшу, на этот раз с намерением окончательно лишить ее национального существования»¹.

Что же это за конституция 1791 года? К. Маркс говорил о ней: «В 1793 г., когда Россия, Австрия, Пруссия делили между собой Польшу, эти три державы ссылались на конституцию 1791 г., которая была единодушно осуждена за ее будто бы якобинские принципы. Что же она провозглашала, эта польская конституция 1791 года? Всегонавшего конституционную монархию: передачу законодательных функций в руки народных представителей, свободу печати, свободу совести, гласность судопроизводства, отмену крепостного права и т. д. И все это тогда называлось чистейшим якобинством!»²

Поручик Ю. Копоть участвовал в боях с противниками Конституции 1791 г. После второго раздела Речи Посполитой в 1793 г. Пинскую бригаду, в которой он служил, привели присягать на верность Екатерине II и переместили на Волынь.

Несмотря на навязанную им присягу, офицеры и солдаты готовились к освободительному восстанию. Оно вспыхнуло в марте 1794 г. и проходило под лозунгами восстановления Речи Посполитой в старых границах, прогрессивной конституции 1791 г., продолжения проведения реформ. Возглавил народное движение уроженец Брестчины Тадеуш Костюшко.

В мае 1794 г. Тадеуш Костюшко издал так называемый Поланецкий универсал, по которому крестьянам давалась личная свобода (если они рассчитаются с помещиками и заплатят государственные налоги), уменьшалась барщина, за крестьянами признавалось право на землю, которую они обрабатывали.

Декрет Т. Костюшко на десятилетия опередил подобные акты в большинстве других славянских стран. Именно это позже имел в виду К. Калиновский, когда в своем «Письме из-под виселицы» напоминал крестьянам: «А генерал Костюшко (который, как говорят, родился около Слонима, и о котором наш народ поет песни, что он был очень хорошим и крепко бил царского солдата) высказался за нашу вольность»³.

Восстание под руководством Т. Костюшко повлияло на дальнейшую освободительную и революционную борьбу в Польше, Белоруссии, Литве на протяжении всего XIX столетия. Оно отвлекло силы

¹ Энгельс Ф. За Польшу.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 553-554.

² Маркс К., Энгельс Ф. О польском вопросе.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 488.

³ Piśmo Konstantego Kalinowskiego z pod szubienicy do ludu Białoruskiego (w języku białoruskim).— In: Giller A. Historia powstania narodu polskiego w 1861-1864 r. t. 1, dodatek XI; P., 1867, s. 328-329.

реакционного Прусского королевства от революционной Франции. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценили его: «В 1794 г., когда французская революция с трудом оказывает сопротивление силам коалиции, славное польское восстание отводит от нее угрозу. Польша теряет свою независимость, зато революция спасена»¹.

Юзеф Копоть вывел из Вольни за Западный Буг бригаду на соединение с основной частью повстанческого войска. За умелое руководство частями К). Копотя повысили в звании до бригадира. Храбрость офицера была отмечена золотым перстнем с надписью: «Отчизна — своему защитнику». Эту награду ввел Т. Костюшко, чтобы заменить ею королевские ордена. Перстень бригадира под номером 8 ныне хранится в Музее Войска Польского в Варшаве, как драгоценная реликвия.

В сражении под Мацеевицами раненый Т. Костюшко попал в плен. Такая же участь постигла Ю. Копотя, который в этом бою был ранен трижды.

Восстание было разгромлено. Наступил третий и последний раздел Речи Посполитой, осуществленный «коронованными разбойниками»,² как называл В. И. Ленин монархов России, Пруссии и Австрии. «Мы знаем, — писал он, — что величайшим преступлением было то, что Польша была разделена между немецким, австрийским и русским капиталом...»³. К. Маркс и Ф. Энгельс в противовес высказываниям буржуазного политика В. Йордана подчеркивали, что «раздел Польши был осуществлен в результате союза крупной феодальной аристократии Польши с тремя державами, принимавшими участие в разделе. Он вовсе не был прогрессом, как утверждает экспозе г-н Йордан; он являлся для крупной аристократии последним средством спасения от революции, он был насквозь реакционным»⁴

...Пленного бригадира судили строже других — как дезертира. Военный суд в Смоленске приговорил его к ссылке на Камчатку⁵. В дороге запрещалось даже называть его фамилию. Вместо имени бригадир получил номер, под которым его теперь должны были знать в местах проезда. Везли Ю. Копотя через Казань, Тобольск, Иркутск,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Митингу в Женеве, созванному в память 50-й годовщины польской революции 1830 г.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 247.

² Ленин В. И. Война и революция. Лекция 14(27) мая 1917 г.— Полн. собр. соч., т. 32, с. 89.

³ Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде грудных казаков 1 марта 1920 г.— Полн. собр. соч., т. 40, с. 181.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 5, с. 352.

⁵ ПСЗ. СПб., 1830, т. 23, № 17345, с. 711.

Якутск и Охотск в закрытой наглухо кибитке, запрещая разговаривать даже с конвоирами.

Переносить житейские невзгоды бригадиру помогали сибиряки. О его благоустройстве в Иркутске позаботился местный комендант. Зять известного морехода Г. И. Шелихова (фамилию Ю. Копоть не приводит) молодой иркутский врач лечил бригадира и снабдил его в дальнейшую дорогу кофе и сахаром, вкус которых пленник давно уже позабыл. В Охотске, на берегу моря Ю. Копотя повстречал неизвестный греческий купец, который предложил передать его письма на родину, что было весьма рискованно.

С какими приключениями добрался Ю. Копоть до места ссылки в Нижнекамчатск, читатель уже знает. Здесь комендант заверил пленника, что постарается по возможности облегчить его участь. Поселили бригадира в землянке у одного ссыльного сибиряка. «Человечность и добропорядочный характер моего хозяина, который часто замещал мою стражу, услаждали тяжесть моей неволи», — вспоминал впоследствии наш земляк.

Потянулись один за другим томительные дни ссылки. Сперва Ю. Копотю не разрешалось покидать свое жилье. Когда у ссыльного обнаружилось нервное расстройство, комендант позволил ему гулять по берегу океана. Бригадир познакомился с местными жителями — русскими и ительменами (последних по тогдашней традиции он называл камчадалами).

Ссылный был рад каждому новому человеку, попадавшему в Нижнекамчатск. Он охотно слушал рассказы моряка В. О. Олесова, бывшего в свое время штурманом у Г. И. Шелихова, а затем в экспедиции А. И. Лаксмана, которая отвозила на родину занесенных на Камчатку во время бури японских матросов. Бывалый мореплаватель В. О. Олесов подарил Ю. Копотю копию своей карты северо-востока Азии, при составлении которой использовал материал других русских путешественников.

Когда после смерти Екатерины II на русский престол вступил Павел I, было поведено освободить из тюрем и ссылки участников восстания Т. Костюшко. Бригадир уверял впоследствии, что если бы не встретившийся ему в Охотске греческий купец, который взял письма и прошение Ю. Копотя о помиловании и отослал в столицу, о нем забыли бы.

Весть об амнистии дошла и до Камчатки. В то время море было покрыто льдом, и бригадир решил ехать на материк по суше — вдоль всей Камчатки, затем на запад — до Гижигинской губы и по северному побережью Охотского моря. Из Охотска Ю. Копоть

возвращался знакомым ему уже путем. После этого жил в различных местах, в том числе и в Вильно, и в Несвиже. Умер наш земляк в 1827 г. Его тело погребено в часовне родового имения Лушнево (около д. Дрисвяты Браславского района).

По совету известного писателя и путешественника Юлиана Немцевича (кстати, он родился в окрестностях Бреста)¹ бригадир оставил воспоминания о своем вынужденном путешествии на восток.

Существуют две редакции «Дневника путешествия Юзефа Копотя через всю Азию». Он вышел отдельными изданиями на польском языке около десяти раз,² но только за пределами Российской империи — во Вроцлаве, Париже и других городах. Наиболее известно его второе издание (по второй, расширенной редакции «Записок», хранящейся в Кракове в Библиотеке Чарторыских). Это издание вышло в Берлине в 1863 г. Оно имеется и в крупных хранилищах нашей страны.

Фрагмент дневника Ю. Копотя в русском переводе появился в 1821 г., а полный перевод дневника был помещен в журнале «Исторический вестник» в 1896 г. Однако переводчик Г. А. Воробьев сократил текст дневника, а местами даже переместил его различные части³.

Высоко оценил дневник Ю. Копотя известный польский поэт, уроженец Новогрудчины Адам Мицкевич. Этому сочинению он посвятил две лекции в своем известном курсе славянских литератур, который знакомил парижских слушателей с духовными богатствами жителей Восточной Европы.⁴ Лекции поэта были помещены в виде предисловия к нескольким изданиям «Дневника».

Подробно рассказать о содержании записок Ю. Копотя трудно — настолько богаты они информацией о Камчатке и Сибири. Путешественник был особенно внимателен к необычным для его земляков явлениям природы: полярной ночи, северному сиянию и т. д. А. Мицкевич подметил, что «Копоть глубоко ощущает природу».

Обратимся к самим дневникам. «Новый мир открыл передо мной театр природы: начал я поражаться величием океана, великолепием вулканов, разнообразием жителей моря и земли... Меня привлекли... различные морские раковины, среди которых я нашел как-то мелкие

¹ О Ю. Немцевиче см.: Грицкевич В. П. Путешествия наших земляков. Мн., 1968, с. 77-96.

² Dziennik podróży Józefa Kopcia. Wr., 1837; wyd. 2. B., 1863; wyd. 3. Chełmno: 1865; wyd. 4. P., 1867; wyd. 5. B., 1868; wyd. 6. Lw., 1881; wyd. 7. Lw., 1887; wyd. 8. Lw., 1899; wyd. 9. Lw., 1906.

³ Камчатские обычаи.— Сибирский вестник, 1821, ч. 14, кн. 5, с. 1-13 (275-287); Описание путешествия Иосифа Копца вдоль всей Азии.— Исторический вестник, 1896, т. 66, № 10, с. 226-244; № 11, с. 579-601; № 12, с. 991-1016.

⁴ Mickiewicz A. Literatura słowiańska. Kurs drugi. Przełożył (z francuzkiego) L. Płoszewski.— In: Mickiewicz A. Dzieła. Warsz., 1955, s. 284-304.

плоские жемчужины». Особенно поразили ссыльного невиданные до этого вулканы. Самый крупный из них — Ключевская сопка — главенствовал над окрестностью. По ночам он напоминал огромный факел.

Сильное впечатление на Ю. Копотя произвело землетрясение, о котором он писал так: «Во многих превратностях судьбы я никогда не лишался спокойствия, на поле брани тоже никогда не терял самообладания, тогда же, должен сознаться, я потерял присутствие духа. Землетрясение было ужасным, сопровождалось сильным гулом и длилось несколько минут /.../. Вулкан вторил ему бесконечным грохотом. Вода в реке Камчатке спала, океан значительно отодвинул свои воды, а потом вся местность по всей Нижней Камчатке покрыта была ржавым покровом пепла, толщиной в несколько дюймов...».

Самое ценное для сегодняшнего читателя в сочинении Ю. Копотя — описание жизни народов Азии в далекое от нас время. Он был в числе первых, кто рассказал о маленьком народе — тофаларах, которые кочевали в Саянах, описал быт и хозяйство якутов, коряков и чукчей.

Больше всего места в книге уделено ительменам, в среде которых Ю. Копоть провел не менее двух лет и за которыми вел постоянное наблюдение. Из описаний бригадира видно, что этот народ жил тогда в условиях первобытно-общинного строя. Ительмены добывали средства к существованию сбором птичьих яиц, ягод, кореньев, рыбной ловлей, охотой на птицу и пушного зверя.

Ю. Копоть утверждал, что «камчадал (ительмен — В. Г.) по природе добрый, послушный, приветливый и безгранично гостеприимный». Ительмены снабжали бригадира свежей пищей, и он подчеркивал значение этого: «Я не смог бы вынести тяготящего меня бремени, если бы не доброта камчадальского народа, которая в определенном смысле облегчала мои страдания».

Подробно описал Ю. Копоть езду на запряженных собаками санях, устройство летних шалашей и огромных зимних землянок. Отмечал, что ительмены делали иглы из рыбных костей, а нитки — из оленьих сухожилий, одежду шили из оленьей замши. На смену первобытным орудиям труда из кремня приходили железные изделия, которые привозились русскими купцами.

Внимательное и доброжелательное отношение ссыльного к аборигенам дало ему возможность познакомиться с их богатым духовным миром, религией, с любопытными шаманскими обрядами.

Наш земляк не знал, что за полстолетия до него Камчатку подробно описал русский ученый С. П. Крашенинников. Судя по

«Дневнику» Копотя, в жизни ительменов произошли некоторые изменения. Сопоставление сочинений С. П. Крашенинникова и Ю. Копотя дает возможность сделать интересные выводы, понять значение дневников Копотя, даже с учетом того, что бригадир был меньше подготовлен к научным изысканиям.

Глубоким сочувствием к коренным народам Азии наполнены страницы книги бригадира. Он описывал, как царские администраторы обирают, а приезжие купцы спаивают местных жителей, подчеркивал благожелательное отношение к нему. Даже воинственно настроенные ко всем иноземцам чукчи, остановившие его нарты по пути с Камчатки в Охотск, отпустили Ю. Копотя и наделили его мехами, когда узнали что тот сослан за любовь к свободе. Бригадир называл чукчей «черкесами Сибири» и подчеркивал их свободолюбие и воинственность.

Обличительные тенденции, отсутствие сословных и национальных предрассудков у Ю. Копотя, несомненно, были связаны с влиянием на него идей восстания 1794 года.

Меткие наблюдения, живые картины быта и природы в его сочинениях и теперь остаются настоящим кладом знаний о Сибири и Камчатке, который еще не полностью использован исследователями.

ДАУРСКАЯ ССЫЛКА

Только Юзеф Копоть начал дышать воздухом свободы в родных местах, а ему на смену по сибирским дорогам спешила кибитка с другим узником, звали его Фаустином Тетерским.

Дневник Ф. Тетерского (1760-1832) о его пребывании в забайкальской ссылке тематически примыкает к сочинению Ю. Копотя. Впервые в отечественной литературе на этот источник обратил внимание А. И. Мальдис¹, изучавший творчество одного из зачинателей белорусской драмы Михала Тетерского (умер в 1797 г.).

Фаустин и Михал Тетерские — родные братья. Отец их, Ян Тетерский жил в Вармии (на севере Польши), но Тетерские потом переехали на Полоччину и работали там.

Для сыновей бедного шляхтича поступление в монастырь было нередко единственной возможностью получить образование и относительную свободу действий. Братья Тетерские вступили в орден доминиканцев. А. И. Мальдис справедливо отмечает, что в XVIII веке во главе литературного и общественного движения не раз становились люди в сутанах: в Польше — просветитель С. Конарский и идеолог польского якобинства Х. Коллонтай, в Литве — поэт К. Донелайтис, на Украине — философ Г. Сковорода.

Михал Тетерский преподавал в Забельской доминиканской коллегии (д. Вольницы Верхнедвинского района Витебской области). Вместе с другими преподавателями он организовал здесь школьный театр, на сцене которого шли их пьесы на живом белорусском языке.

Брат Михала Фаустин получил в Вильно степень доктора философии и теологии, преподавал в монастырских школах (в том числе и в Забелах), был избран приором (настоятелем) монастыря в Вильно. Под предлогом проверки школы он часто приезжал в Минск и агитировал в пользу готовившегося под руководством Т. Костюшко восстания. В 1794 г. Ф. Тетерский поддерживал повстанцев Гродненщины. После поражения восстания он вместе со своим земляком доктором теологии Вацлавом Зюлковским создал так называемую Виленскую ассоциацию, которая готовила новое восстание против самодержавия.

В эту ассоциацию вступили некоторые офицеры армии Т. Костюшко, среди них был и один из руководителей восстания городских

¹ Мальдис А. Таямніцы старажытных сховішчаў. Мн., 1974, с. 155-163; На скрыжаванні славянках традыцый. Мн., 1980, с. 322; Miller A. Pierwsza porozbiorowa konspiracja Litewska. Spisek ks. Ciecierskiego przeora Dominikanów wileńskich (1796-1797). Kr., 1936, s. 174.

низов в апреле 1794 года в Варшаве, мастер сапожного цеха Ян Килинский. Выступление варшавской бедноты под его руководством сыграло главную роль в освобождении города. За отвагу в бою Я. Килинский получил от Т. Костюшко чин полковника. После подавления восстания его поместили в Петропавловскую крепость, откуда выпустили по амнистии, объявленной Павлом I.

Ассоциация поддерживала связь со своими единомышленниками во всей Европе. В Стамбуле, например, тогда находился автор знаменитого полонеза «Прощание с Родиной» Михал Клеофас Огинский, в Италии, в Милане, генерал Ян Хенрык Домбровский из числа эмигрантов и австрийских военнопленных формировал легионы, которые должны были сыграть свою роль в восстановлении независимой Речи Посполитой. Легионы в начале своего возникновения в составе армии Ломбардской республики, созданной революционной Францией, имели прогрессивное значение. Но французские власти делали все возможное, чтобы использовать их в своих целях. Противоречие между целями патриотов и этих властей привело спустя годы к роспуску легионов. А пока, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, «побежденные поляки вступают в армию «санкюлотов»¹ и оказывают ей помощь в деле разрушения феодальной Европы»².

Эти традиции борьбы за освобождение имел в виду В. И. Ленин, когда подчеркивал, что в эпоху буржуазных движений «революционной была именно Польша в целом, не только крестьянство, но и масса дворянства. Традиции борьбы за национальное освобождение были так сильны и глубоки, что после поражения на родине лучшие сыны Польши шли поддерживать везде и повсюду революционные классы...»³.

Нити Виленской ассоциации тянулись и в провинцию: в Гродно, Минск, Брест, Свислочь, Деречин, Ружаны, Слоним. Писарь ошмянского магистрата Юзеф Хорошевский вел переписку с Я. Х. Домбровским. В бумагах Ю. Хорошевского содержался призыв к «восстанию среди местного населения».

Заговор был раскрыт по доносу предателя, укравшего у одного из участников ассоциации секретное письмо. В Гродно был схвачен бывший офицер армии Т. Костюшко Себастьян Тетерский (племянник Фаустина Тетерского), который ехал как раз на встречу с Я. Х.

¹ Так называли сами себя французские революционеры в годы якобинской диктатуры.

² Маркс К., Энгельс Ф. Митингу в Женеве, созванному в память 50-й годовщины польской революции 1830 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 247.

³ Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе. — Полн. собр. соч. т. 7, с. 237.

Домбровским в Милан. В воротнике его фрака обнаружили антиправительственные бумаги и тайнопись.

Аресту подверглись и другие участники ассоциации. Осенью 1797 г. были взяты под стражу семьдесят человек. Одного из них, жителя Лиды Тадеуша Крушинского, обвинили в том, что от имени Т. Костюшко он «призывал народ к вооруженному действию». В Вильно его наказали двадцатью пятью палочными ударами и заклеямили щеки раскаленным железом.

Ф. Тетерский успел перед арестом сжечь все бумаги, которые могли бы повредить его друзьям. Его допрашивали в Вильно, а затем вместе с сообщниками привезли в Петербург. Павел I издал именной указ и передал дело сенату. Император был возмущен требованиями заговорщиков, ведь он сделал столько «благодетелей» для «присоединенных» Белоруссии, Украины и Литвы — восстановил отмененные Екатериной II дворянские суды, амнистировал участников восстания 1794 г., разрешил выезжать желающим за границу, его «первая мысль, первое желание ... и первая молитва ко Всевышнему была о ниспослании непрерывного благоденствия любезному отечеству», в котором он полагал «собственное счастье», нашлись такие «неблагодарные», которые, «невзирая на все... отеческие о них попечения ... не устрашились ... принять и следовать паки (опять — В. Г.) ажеучению возмутителей, внедряемые в несчастные и слабые умы оных беглецами и бродягами поляками, не имеющими достойно ни собственности, ни пристанища, у коих идол — корысть, законы — разврат, грабеж и убийство».

Заговорщики обвинялись в том, что успели «ослепить умы некоторых в Вильно и Бресте: там чинимы уже были денежные сносы и несколько из офицеров и юношества выехали за границы для увеличения в Италии бунтующих сил, предводимых неким Домбровским, именующим себя генералом скопа сего»¹.

2 декабря 1797 г. сенат приговорил большинство заговорщиков к битью кнутом, клеймению лица, вырыванию ноздрей и тяжелым работам в сибирских рудниках. Единственным сенатором, который попытался заступиться за Тетерского и его друзей, был поэт Г. Р. Державин. Он спросил, разве можно было бы судить Минина и Пожарского за патриотизм. Когда с ним согласились, Г. Р. Державин сказал: «Так за что же мы судим этих людей, как не за любовь к отчизне?»

¹ ПСЗ, СПб, 1830, т. 24 № 18248, с. 800-802.

Наказание заговорщикам было ограничено вечной каторгой в Нерчинских горных заводах в Забайкалье.

Ф. Тетерского лишили сана и отправили в ссылку через Москву, Казань, Тобольск и Иркутск, Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) в Нерчинское Забайкалье или Даурию, как называли эти места по имени маньчжурского народа — дауров, населявших побережья Амура и его притоков.

Ф. Тетерский провел здесь несколько лет. Он переносил голод, терпел издевательства пьяных надсмотрщиков, но каторга не сломила его. Он обдумывал план бегства через китайскую границу. Замысел не осуществился: внезапно умер ссыльный, который хорошо ориентировался на местности. В дальнейшем Ф. Тетерский учил детей чиновников, управляющих рудниками.

После гибели от рук заговорщиков Павла I на престол вступил Александр I, по случаю чего была объявлена амнистия. Это позволило Ф. Тетерскому вернуться из Сибири. Сперва он возглавил монастырь в Забелах, а потом яшл в других городах. Часто ездил по Белоруссии и Литве, вел интересные записи о судьбах людей, о народном творчестве и обычаях. Эти записи он использовал в «Хронике», которую составил на латинском языке.

Самым интересным сочинением Ф. Тетерского является его дневник, описывающий события 1797-1801 гг. Рукопись дневника, датированного 1806 г. в виде копии 1840-1850-х годов, находится в Польше, в библиотеке имени Оссолианских во Вроцлаве. Текст этой рукописи был издан А. Белёвским во Львове в 1865 г. И только в наши дни А. Мальдис обнаружил оригинал «Дневника» Ф. Тетерского в Центральной библиотеке Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе.

Перед читателем «Дневника» возникает образ благородного мужественного человека, врага любой тирании, сочувствовавшего угнетенным. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать рассказ Ф. Тетерского о рудниках, в которых работали каторжане: «В самом низу (шахты — В. Г.) идут галереи для перехода из одной в другую часть, от одной к другой жиле (серебряной руды — В. Г.). По бокам из породы сделаны помещения, которые горняки называют «дворами». Они когда-то были полны серебряной рудой. Этими же галереями стекает вода, которая сочится из различных мест и с разной высоты, делая эти ручейки настоящей рекой, которая изливается из штольни с определенной высоты и вытекает на поверхность горы у самого ее основания. Там и сям (видны — В. Г.) пруды, глубина которых неизвестна, их хотят осушить насосами, чтобы, когда убудет вода, горняки, углубляясь вниз, могли добывать руду. Но не столько вид

внутри горы занимал мое воображение, сколько зрение и слух были поражены ужаснейшими явлениями. По углам сидело по двое нагих людей с железом и молотом (в руках — В. Г.), они сверлили отверстия в скале; этот шум резал слух, особенно, для стоящего в отдалении, где собирались все голоса; слабый свет двух свеч светил рабочим людям, они были черными, без одежды и обуви.

При самой жиле находилось несколько (человек — В. Г.), отвозило (руду — В. Г.) несколько, отгребало более десятка; скрип тачек и звон цепей расходился по выработанным углам с ужасным шумом. Свечки их слабо блестяли ... Шум, подобный скрежету зубов, происходил от сверления камня; печальный и угрюмый вид изнуренного рабочего показывал, что здесь место несчастья и мучения. Сам воздух мешал дышать — испарения стоячей воды, пары металлов и мышьяка, дыхание работающих, слабая связь с атмосферным воздухом делали атмосферу невыносимой. Затем скала дрожит, ее основание трясется. Шум расходится по штольне, свист идет через различные извилины, воздух внезапно ударяет меня, я стою как остолбененный, ожидая, что буду погребен в развалинах огромной горы. Что это? Порохом взрывают камень».

Ф. Тетерский изучал растительный и животный мир Даурии, ее климат, интересовался бытом местных жителей. Еще по дороге в Сибирь он обратил внимание на жизнь поволжских народов — марийцев и чувашей: описал их погребальные обряды, в которых, несмотря на внешнее принятие православной религии, сохранялось язычество.

Одним из первых Ф. Тетерский описал жизнь забайкальских эвенков, которые, в отличие от своих сородичей, переняли у бурят коневодство и скотоводство, но при этом не прекратили своих традиционных занятий охотой и рыбной ловлей. Они кочевали с места на место в поисках добычи, разбивали свои лагеря в удобных местах, стреляли из луков зверя. Острыми стрелами охотники били средних размеров зверей, а тупыми — птицу и мелкого пушного зверя. Ружей эвенки не знали и удивлялись умению русских пользоваться ими.

Наблюдения Ф. Тетерского были первыми известиями выходца из Белоруссии и Литвы о Забайкалье.

ТАШКАРАГАН ИЩЕТ ЗОЛОТО

В один из осенних вечеров 1834 г. в казахском ауле на Губерлинском взгорье в верховьях реки Урал в юрте «оленши» (певца) Жусупа сидели несколько человек. Среди них был гость — геолог из Оренбурга Томаш Карлович Зан. «Оленши» называл гостя «ташкараганом» — искателем камней и приветствовал его песней: «Диво неслыханное появилось в наших степях! Ташкараган ... ищет в камне золото. Как не воспевать такой старательности, такого искусства? Ташкараган находит золото, о котором даже наши благословенные не знали...»

Певец не знал, что человек, в честь которого он поет песню, находится «под надзором оренбургской полиции ... за предосудительные намерения, кои он обнаружил в стихах или речах и за участие в Тайном обществе»¹. Документ с таким содержанием обнаружен в архиве Оренбурга, но здесь допущена неточность: Т. Зана сослали на Урал не просто за участие, а за руководство тайными противоправительственными организациями в университете в Вильно.

Вильно до 1795 года был столицей Великого княжества Литовского и по традиции остался культурным и экономическим центром Белоруссии и Литвы после разделов Речи Посполитой.

Это был город старейшего во всей Российской империи университета и город костелов, монастырей, церквей. Город полный контрастов и противоречий. Старшее поколение дворян жило воспоминаниями о том, как хорошо было здесь, в Вильно, устраивать шумные попойки. Оно превосходно уживалось с властью Александра I.

Младшее поколение жило идеями Вольтера, Дидро, Гельвеция, д'Аламбера, Гете, Шиллера. Совсем недавно — во время восстания под руководством Т. Костюшко — на улицах Вильно бурлила вышедшая из повиновения городская беднота.

Виленский университет после изгнания отсюда в 1773 году его основателей — отцов иезуитов постепенно становился одним из самых передовых на северо-востоке Европы центров науки и просвещения и получил название «Северных Афин». Здесь преподавали профессора-демократы: будущий идеолог восстания 1830-1831 гг. историк Иоахим Лелевель, эволюционист-естествоиспытатель Енджей Снядецкий, передовые медики Ян Снядецкий, Юзеф Франк и другие. Они не выступали против существующего порядка в целом, но считали нужным ограничить произвол помещиков, распространять просвещение, облегчать участь крестьян и бедных горожан, уравнивать

¹ ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 1.0106, л. 25об - 26.

в правах национальные меньшинства. Демократизации университета способствовало усиление классовых противоречий, рост народно-освободительного движения в Белоруссии и Литве, нарастание кризиса крепостнической системы.

Университет как магнит притягивал к себе все лучшее, что было в среде дворянства и чиновничества Белоруссии и Литвы. (Напомним, что более двух третей студентов происходило из Гродненской, Минской и Виленской губерний). Университет давал молодежи и необходимые знания, и способствовал воспитанию прогрессивного мировоззрения. Время умственного созревания юношей совпало с большими переменами.

После наполеоновских войн, собравших кровавую жатву, в мире вновь (как и в конце XVIII в.) вызревала революционная ситуация. Становление в ходе этих войн ряда национальных государств вызвало после крушения державы Бонапарта мощный подъем освободительного движения в Европе и Америке.

Российской империей тогда правил Александр I, от которого многие ожидали перемен, прогрессивных реформ. Но воспитанник республиканца Лагарпа и сам почти цареубийца, император правил с прямотой и беззастенчивой откровенностью деспота. Его попытки произвести перемены в управлении страной и положении угнетенного крестьянства были всего лишь псевдолиберальными реформами, незначительными и непоследовательными. Обещая многое, Александр I безуспешно постарался не выполнить почти ничего.

А. И. Герцен называл это время «удивительным временем наружного рабства и внутреннего освобождения».

Молодежь Белоруссии и Литвы жадно воспринимала передовые мысли и идеи народно-освободительного движения в соседней Польше и Великой французской революции. Из среды студенчества выдвинулись передовые люди, выступившие против господствующих в стране порядков. Одним из них был выпускник университета Томаш Карлович Зан.

Т. К. Зан родился 21 декабря 1796 года в семье обедневшего шляхтича в корчме Мясата в четырнадцати километрах от Молодечно на тракте, который пролег между Минском и Вильно¹.

Как свидетельствует «выпись крестной метрики», выявленная в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде, родители Т. Зана крестили своего младенца у униатского священника. Учился Т. Зан в Минской и Молодечненской гимназиях,

¹ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 22, д. 950, л. 16.

затем поступил на физико-математический факультет Виленского университета, подрабатывал репетиторством, потому что семья не имела возможности полностью обеспечивать его жизнь. В 1823 году закончил университет и получил степень магистра философии.

За шесть лет до этого, к осени 1817 года, одновременно с формированием в России первых декабристских организаций, Томаш Зан и несколько его друзей и земляков — в большинстве своем уроженцы Белоруссии — Юзеф Ежовский, Адам Мицкевич, Онуфрий Петрашкевич, Эразм Полужинский и Бруно Сухецкий основали тайное Общество филоматов (любителей наук). Такое название было принято членами общества специально. Филомат Игнат Домейко на склоне лет в письме историку Брониславу Залескому отмечал: «Как было сделать, чтобы не вызвать подозрения у правительства? Мы ухватились за науки, потребность учения, просвещения как цель общества, чтобы в случае его раскрытия было чем прикрыться от врага».

Законспирированная организация филоматов никогда не была многочисленной. Но ее влияние на развитие общественного движения не только в Белоруссии и Литве, но и за пределами было велико.

Для пропаганды своих идей филоматы основывали дочерние организации в Вильно, в Свислочи и других городах. Среди филиалов Общества филоматов были: Общество лучистых во главе с «архилучистым» Т. Заном, Общество друзей — позже Общество филладельфов (братолюбцев) с отделениями — красным, зеленым, белым, голубым и другими, Общество филаретов (любящих добродетель) и др. Менее законспирированная и более массовая организация филаретов заслонила собой центральное ядро молодежных обществ — филоматов. По этой причине наименование «филареты» нередко ошибочно распространялось на все молодежное движение в Белоруссии и Литве на рубеже 10-х и 20-х годов XIX столетия.

Т. Зан впоследствии уничтожил многие бумаги филоматов, чтобы они не попали в руки властей, и поручил это сделать секретарю общества О. Петрашкевичу, но тот не исполнил поручения. Благодаря этому сохранились многие протоколы заседаний филоматов, текстов их выступлений, писем, стихотворений и других материалов. Они были спустя столетия изданы в десяти томах.

Из чтения и анализа этих источников становится ясным, что филоматы не ограничивались самообразованием, а готовили себя к общественной деятельности, понимаемой как стремление к «общественному благу», а затем и на политические действия. Один из филоматов писал, что с 1821 г. они начали «высказывать мысли и чувства по образу свежих событий, происходивших у западных

наций». Речь идет о революционных событиях в Испании, Молдавии, Валахии, Италии, Португалии, Греции, в отдаленных Бразилии и Сан-Доминго.

Деятелей виленских кружков (как и их единомышленников декабристов) волновали новости изза границы, где в это время, по словам А. Пушкина:

Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал.
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила свобода,
И самовластие лишь Север укрывал?

Одно за другим в Россию поступали известия об этих революционных событиях. «Что почта, то революция!» — восторженно записывал по этому поводу в дневнике декабрист Н. И. Тургенев. Руководитель Южного общества декабристов П. И. Пестель в 1826 г. показывал на следствии: «Имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же — от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать (*fait bouillir les esprits*)».

За пять лет до П. И. Пестеля почти с теми же словами обращался к своим единомышленникам «архилучистый»: «Настал век, когда из темноты предрассудков восходит заря счастливого предзнаменования; познание права человечности окрушает ярмо насилия и эгоизма; в лучшем и истинном виде показавшееся счастье народов пригнуло несправедливых монархов и зашатало кровавые троны. Дух счастливой перемены развивается быстро и в короткое время наполнил все европейские народы, вздрагивает земля и неожиданно извергаются вулканы. А наша страна, стонущая под тяжестью несправедливости и гнета, подавленная тьмой, залитая развратом и иностранщиной, усыпленная силой прибыли, предубеждения и страха, не будешь ли ты искать собственного улучшения? Не найдешь ли причин невзгод и страданий и способов улучшения судьбы?»

Идеология филоматов, находившихся под сильным демократическим влиянием И. Лелевеля, развивалась в русле дворянской революционности, о которой В. И. Ленин писал: «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян,

бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли разбудить народ»¹.

Филоматы сочувствовали угнетенному народу, высоко оценивали его моральные качества. Члены общества Михаил Рукевич и Франтишек Малевский составили и тайно напечатали «Инструкцию для составления описания Н-ского прихода Н-ского уезда Н-ской губернии», которую филоматам поручалось составлять в родных местах во время каникул. Исходным пунктом в ней было изучение нужд народа. Наряду со сбором географических, демографических, экономических сведений предлагалось собирать сведения о моральных качествах различных общественных групп, изучать белорусский фольклор, быт и прошлое народа. По свидетельству Т. Зана «студенты охотно пользовались крестьянским простонародным языком», то есть хорошо известным им с детства белорусским языком.

Идеи филоматов были закономерным этапом в становлении революционного духа в Белоруссии и Литве: за виленскими конспираторами последовали участники восстания 1830—1831 годов, которые уже с оружием в руках боролись против царизма. Это подчеркивал один из участников восстания, который писал: «Принятием Литвою (и Белоруссией — В. Г.) участия в (восстании) 1830 г. мы обязаны Зану. Он первый посеял семена, для взращения которых нужны были пример и сила воли. Олицетворением таковых и был Зан».

Просветительская деятельность филоматов была по своей программе утопичной и не могла найти поддержку в народных массах. Жизнь показывала, что необходимо искать политические формы борьбы с царизмом, многие понимали необходимость уничтожения крепостного права.

Филомат Дионизий Хлевинский, обсуждая вопрос об уровне сельского хозяйства, утверждал, что с точки зрения экономики «мы полностью убеждены в том, что без освобождения от крепостного права никаким способом нельзя обойтись».

Насколько были распространены среди виленской молодежи подобные настроения, рассказывает следующий эпизод. В декабре 1817 года в Виленском дворянском собрании обсуждался проект освобождения крестьян от крепостной зависимости (как раз в эти годы в Латвии и Эстонии крестьяне получили личную свободу). Начались оживленные споры. Делегат Ошмянского уезда тормозил принятие решения. Кто-то приколол сзади к его сюртуку листок бумаги с надписью: «Виселица». Для виленчан это не было пустым

¹ Ленин В. И. Роль сословий и классов в освободительном движении. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 398.

словом: они помнили, как во время восстания под руководством Т. Костюшко возмущенные горожане повесили иностранных агентов Коссаковского и Швыковского.

Противники отмены крепостного права придрались к этому и добились прекращения прений. Полиция начала следствие, общественное мнение считало, что в инциденте повинны студенты.

Некоторые филоматы освобождали своих крепостных и предлагали другим следовать их примеру. При обсуждении проекта нового устава общества филоматов М. Ружевиц настаивал, чтобы каждый член, имеющий своих крепостных, дал ручательство в том, что научит молодых крестьян читать и писать, а начиная с лучших и порядочных хозяев, освободит их.

Некоторые филоматы выступали за свержение царской власти. Один из них — Казимир Пясецкий говорил, что общество должно готовить силы народа к тому, чтобы «вырвать власть из рук деспотов».

Конспираторы придавали большое значение просвещению народа. К. Пясецкий аргументировал важную для филоматов задачу «создания нового народа» так: «Если народ не знает своих прав и обязанностей, а чиновник — где кончается его власть, тогда революция не может победить. Даже если она победит и будет принята конституция, ее законы останутся мертвой буквой, и деспотизм сам по себе вернется».

Филоматы полагали, что революция возможна только там, где гражданское общество хорошо знает источники своего угнетения и способы его уничтожения, а также полностью представляет себе новые порядки, которые должны быть с согласия и одобрения народа введены на смену деспотической власти.

Вот почему К. Пясецкий выдвигал на первый план революционно-просветительские лозунги. Создать «новый народ» при господствующем в Белоруссии и Литве строе можно было, по представлениям филоматов, лишь с помощью тайного общества. Когда это общество захватит все «должностные места» в государстве, укрепит промышленность и сельское хозяйство и создаст таким образом «всенародную конспирацию», будут подготовлены условия для «быстрого, смелого и решительного действия», то есть для революционного переворота.

Передовая молодежь мечтала о свободе. Власти всеми силами пытались подавить эти мечты, удержать народ в угнетении. Реакция наступала по всем фронтам. Из университетов изгонялись светлые умы. Была введена строгая цензура. Насаждалось религиозное образование.

Декабрист М. Ф. Орлов на следствии отзывался о своих единомышленниках так: «Но к несчастью, их обстоятельства созрели прежде их замысла, и вот отчего они пропали».

По этой же причине «пропали» филоматы. Когда в Вильно появились открытые призывы к борьбе против царизма, власти забеспокоились. Весной 1823 г. один виленский гимназист написал на доске: «Да здравствует Конституция 3 мая!» Как упоминалось выше, 3 мая 1791 г. в Речи Посполитой была принята демократическая конституция, которую Ф. Энгельс называл «внедрением революции на северо-востоке Европы». Полетели донесения в Варшаву к наместнику царя в западных губерниях Российской империи, его брату и наследнику цесаревичу Константину Павловичу. В мае 1823 г. — за полтора года до восстания декабристов, по поручению Константина Павловича в Вильно начала свою деятельность следственная комиссия под начальством попечителя Виленского учебного округа сенатора Н. Н. Новосильцева. Она напала на след филоматов и дочерних организаций общества. Сенатор послал цесаревичу рапорт «Об открытых в Виленской губернии, в г. Вильне и Свислочи обществах тайных и политических под названием променистов (то есть лучезарных — В. Г.) и филаретов».

Приложением к рапорту Н. П. Новосильцева был «Общий именной список принадлежавших к тайному обществу филаретов, существовавшему в Вильно между учениками Виленского университета», в котором перечислялось более полутора сотен имен. Первым в списке числился «архилучистый» Томаш Зан, кандидат философии, 27 лет. Против его фамилии сделана приписка: «Минской губернии, Вилейского уезда, нет за ним и отцом его никакого имени; председатель общества филаретов».

По делу лучистых, филоматов и филаретов было допрошено и арестовано сто тридцать пять человек. Их поместили в шесть виленских монастырей, кельи которых превратились в тюремные камеры. Желая спасти товарищей от сурового наказания, «архилучистый» принял на себя всю вину. Под арестом его держали отдельно, допрашивали многократно. Т. Зан упорно стоял на своем. Только благодаря этому многие обвиняемые не попали на каторгу, а были высланы. Бывшие филоматы стали впоследствии выдающимися учеными: Игнат Домейко — известным геологом и минералогом, ректором университета в столице Чили — Сантьяго; Осип Ковалевский основал школу русского монголоведения и возглавил Казанский университет; Юзеф Ходзько произвел триангуляционную съемку Закавказья и Кавказского хребта и одним из первых достиг вершины Арарата. Его

брат Александр впервые опубликовал героический эпос восточных народов «КёрУглы» и стихотворения классика туркменской поэзии Махтумкули, описал малоизвестные восточные языки, а позже стал профессором кафедры славянских литератур в Париже. Всемирной славы достиг поэт Адам Мицкевич.

Эти люди были спасены от сурового наказания и их таланты получили возможность развиваться благодаря самопожертвованию «архилучистого». Он сумел скрыть от властей политическую подоплеку обществ и принял на себя тяжесть обвинения. Т. Зан в ходе следствия проявил себя блестящим конспиратором, настолько умелым, что большая часть подследственных была оправдана и продолжала свою деятельность под названием «новых филوماتов».

Двадцать филوماتов и филаретов, решивших посвятить себя преподавательской деятельности, были направлены учителями подальше от родных мест. А. Мицкевич, Ю. Ежовский и другие высланные за пределы Белоруссии филоматы установили связь с декабристами А. А. Бестужевым-Марлинским и К. Ф. Рылеевым. Избежавший высылки М. Рукевич организовал в Белостокской гимназии тайное Общество согласных братьев (позже Общество зорян), а затем вместе с офицерами Литовского корпуса К. Г. Игельстромом и А. И. Вегелином Общество военных друзей. Его члены спустя десять дней после выступления декабристов на Сенатской площади Петербурга сорвали принятие солдатами присяги на верность Николаю I в Браньске (под Белостоком).

Но до этих событий еще предстояло прожить полтора года. Следствие по делу филوماتов завершилось приговором 14 августа 1824 года. По этому приговору Т. Зан провел год в тюрьме в Оренбурге, а затем поселился там в ссылке. Его близкие друзья Адам Сузин и Ян Чечот в заключении провели по полугоду (первый — в Орской крепости, второй — в Кизильской крепости), затем — ссылка.

Оренбург, в котором Т. Зан провел долгие годы ссылки, был центром обширного генерал-губернаторства. Большинство построек в городе были деревянными. Об Оренбурге офицер Н. Г. Заесов вспоминал на склоне лет: «Расположенный на песчаной, возвышенной равнине правого берега Урала, совершенно открытой для юго-восточных ветров, Оренбург нестерпим летом по своим жарам, а окружавшие его в то время крепостные стены, не допуская надлежащего движения воздуха, делали из города какое-то пекло, в котором зачастую не было возможности дышать. О соблюдении каких-либо гигиенических правил между жителями и даже в войсках, разумеется, тогда не было помину. Вода находилась далеко, улицы не

поливались, дворы и отхожие места своевременно не чистились, а пададь сваливали за крепостью под самыми валами. На берегу Урала, где в последнее время, говорят, устроен бульвар, валяли со всего города навоз, дохлых кошек и собак, как раз перед окнами дома, занимаемого губернатором и в промежутке двух соборов: зимнего и летнего».

Оренбургское генерал-губернаторство расположилось на границе Европы и Азии, на рубеже России и казахских кочевий, к югу от которых находились туркменские аулы и узбекские ханства. Это был узел торговых дорог в Среднюю Азию. На улицах города можно было увидеть казахов и башкир, узбеков и таджиков, индийцев и иранцев в их живописных костюмах. Сюда прибывали караваны с товарами из далеких азиатских земель, кочевники пригоняли скот.

О том, как жил Т. Зан в Оренбурге, что делал, о чем мыслил, можно узнать из трех изданий подборок его писем к друзьям и издания дневника, опубликованного полвека тому назад.¹ Эти интересные источники дополняются документами, обнаруженными в Государственном архиве Оренбургской области, Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде, Ленинградском историческом архиве, Центральном государственном историческом архиве УССР в Киеве. При анализе корреспонденции и дневника «архилучистого» следует учитывать его предельную осторожность в оценке событий: он знал, что жандармы просматривали его письма и могли прочитать дневник. Именно это и ввело в заблуждение первого русского биографа Т. Зана, во всем прочем весьма добросовестного краеведа Н. Модестова, который на основании показаний «архилучистого» на следствии в Оренбурге писал: «Мы с полной достоверностью можем утверждать, что Зан был очень скуп и разборчив на знакомства. Это объясняется отчасти его прирожденной дворянской кичливостью, а отчасти тем, что все свободное время Зан посвящал или каким-либо научным или же литературным занятиям». Опытный конспиратор Т. Зан ввел в заблуждение не только следственную комиссию, но и доверчивого биографа. На самом же деле он, как видно из привлеченных нами источников, и в Оренбурге не изменил

¹ G. Czernicki (E. Jerzyna). Żywot i korespondencye Tomasza Zana. Kr., 1863. s. 187; Zan T. Listy do K. hr. Chodkiewicza (z archiwum domowego hhr. Przedzdzieckich).- Kronika rodzinna, 1883, N 24; 1884, N 6-9, 11, 14-16; 1885, N 1-5. 13, 15; Archiwum Filomatów. T. 1. Na zesłaniu. Pod red. Cz. Zgorzelskiego. Wr., 1973; Zan 'T. Z wygnania. Dziennik z lat 1824- 1832. Z autografu wyd. M. Dunajówna. Wil., 1929, s. 231; Н.(Н.) Модестов. Магистр Фома Карлович Зан в Оренбурге.— Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оп., 1917, вып. 35, с. 5-55.

своей привычке быть в центре событий, сосредотачивать вокруг себя передовых, мыслящих людей.

Приговор прекратил просветительскую и культурную деятельность «архилучистого» в родных местах, но брошенный в тюрьму, находившийся в ссылке, он остался верным своим убеждениям. Его любознательность, широта интересов не угасла. Письма и дневники Т. Зана свидетельствуют о напряженной умственной работе, стремлении не отстать от века, следить, по мере возможности, за новинками литературы и достижениями науки по книгам и журналам. Т. Зан старался внести свой посильный вклад в просвещение народа, в изучение быта и фольклора коренных жителей, природы того края, где он оказался.

В одном из писем к О. Петрашкевичу, которое Т. Зан послал вскоре после выхода из тюрьмы, он сообщал, что Я. Чечот добился отправки в Уфу, «где, как мне кажется, он не найдет покоя, так как, чтобы его достигнуть, необходимо добиться порядка у себя внутри и уметь терпеливо приспособливаться к положению, которого мы не можем изменить, взять из него все то, что может как-нибудь оживить нашу жизнь и доставить нам удовольствие».

Попав в неблагоприятные условия, Т. Зан вел себя с достоинством. Он писал другу: «Я знаком со всем Оренбургом, который кажется мне гостеприимным и цивилизованным... Из казны нам тут ежемесячно дают «кормовые деньги» по пятнадцать рублей ассигнациями, с помощью, которую мы получили из дома, мы можем кое-как содержать себя без чьей-либо здешней милости. Это один из наиболее надежных способов удержать себя на уровне уважения и внимания: не требовать ничьей милости и помощи, а быть готовым ко всякому в нашей возможности услугам. Если бы я осмелился быть дармоедом, я мог бы по очереди есть вкусные обеды и пить хорошие вина, но в каждом доме был бы однако редким гостем». Чтобы улучшить материальное положение, Т. Зан вернулся к давней практике репетиторства, стал давать частные уроки сыну полковника Станислава Тимофеевича Циолковского — Петру.

Как и другие филоматы, Т. Зан был чужд идей национальной и религиозной исключительности. Биограф Т. Зана Мария Дунай, издавшая его дневники, подчеркивала, что «архилучистый» буквально тянулся душой к лучшим представителям русской интеллигенции: «Чувство братства, которое проявлял Т. Зан в отношении людей вообще, отразилось и в его отношении с русскими. Он видит в них не врагов своих и своей родины, а, в первую очередь ближних своих и, в зависимости от их внутренней ценности, будет оценивать их, не

проявляя национальной розни». Уже на склоне лет, после долгих лет царской тюрьмы и ссылки, Т. Зан при встрече с учениками Витебской гимназии, по свидетельству одного из них, предостерегал от разжигаемого националистическими кругами чувства вражды к великороссам: «Не надо только никакой ненависти! Москали! Я их знаю, и между ними есть хорошие люди. Я не раз испытал это в дни моей ссылки. Наш враг — русское правительство, а москали, честно мыслящие, даже готовы помочь нам отвоевать свою независимость. Русские не меньше нас страдают от деспотизма!»

И это говорил человек, которого следственная комиссия в Вильно обвиняла не только «в учреждении тайных обществ, противозаконном присвоении себе самопроизвольного влияния над образованием юношества» и «в произнесении приветствий и речей, противных верности к российскому престолу», но и «в чтении на собраниях филаретов дерзких и ругательством против россиян (на самом же деле — против царизма — В. Г.) наполненных стихов!».

Еще в заключении Т. Зан отметил сочувствие, которое проявили к нему простые русские люди. Он записал, что одна старушка, проходя мимо тюрьмы и увидев его в окошке, сочувственно воскликнула: «В клетке (сидит), чужая сторона!» Во время заключения Т. Зана, в мае 1825 г., вместе с ним под арестом находился адъютант местного генерал-губернатора подпоручик Балкашин. Т. Зан близко познакомился и с ним, и с посещавшими его офицерами и называл их «высшим и лучшим оренбургским обществом».

Еще тогда один из этих посетителей — гвардии штабс-капитан Игнатий Емельянович Лебедев предложил свою помощь узнику, который записал после этого в дневнике: «У меня появились спокойные, утешающие мысли с той минуты, когда Лебедев побывал у меня, удостоверил свои добрые ко мне чувства и пообещал приносить для развлечения книги Вальтера Скотта».

«По мере прохождения времени,— пишет биограф М. Дунай,— отношения Зана с русским обществом все более становились тесными, а к моменту его выхода из тюрьмы (22 ноября 1825 г.) даже поглощают его, втягивая в водоворот жизни оренбургской молодежи. Зан поддерживает дружественные и близкие отношения с оренбургским обществом. Врожденная общительность Зана, необходимость общения с людьми, необходимость совместного обмена мыслями, совместных переживаний — столь характерная для него еще с виленских времен — не позволяет ему замкнуться и обособиться от окружающих. Зан видел в своем окружении дружелюбных и доброжелательных людей, охотно приходящих к нему на помощь и окружающих его

симпатией, ему было бы трудно платить за добро недоверием, за дружбу — ненавистью».

После выхода из тюрьмы Т. Зан сблизился с семьей командира 28-й пехотной дивизии генерала Аполлона Степановича Жемчужникова, но больше всего с сыном хозяина дома — офицером Аполлоном Аполлоновичем. 12 декабря 1828 г. Т. Зан писал о нем филомату Ю. Малевскому, высланному, как и А. Мицкевич, в Москву: «Эссен (оренбургский генерал-губернатор — В. Г.) едет к вам на несколько месяцев, а с ним Жемчужников, первый после Лебедева из моих здешних знакомых. Он учится польскому языку, чтобы читать «Валленрода» и разговаривать с его божественным автором (А. Мицкевичем — В. Г.). Поручаю вам его принять, можете писать и пересылать через него, все что вам понравится».

Семья Жемчужниковых была интересной. Племянница Аполлона Аполлоновича Н. А. Тучкова вышла замуж за Н. П. Огарева, а затем за А. И. Герцена. Трое племянников нового друга Зана вместе с А. К. Толстым публиковали в журнале «Современник» сатирические стихи, басни и водевили, подписанные псевдонимом Козьма Прутков. Антон Апполонович Жемчужников, родной брат Апполона, как видно из дела «О состоянии под надзором полиции штабс-капитана Антона Жемчужникова», обнаруженного в оренбургском архиве, подвергался этому надзору как «прикосновенный к делу о злоумышленных обществах».¹ С 1827 г. он тоже жил в Оренбурге.

Т. Зан проявлял интерес к судьбе декабристов. 6 августа 1826 г. он записал в дневнике: «Сюда привезли как солдат Бестужева, Веденяпина и Кожевникова. Я вспомнил день нашего приезда и расставания. Петр (Циолковский — В. Г.) и Кароль (друг Т. Зана — В. Г.) поехали их повидать, пожалеть, помочь им» Спустя пять дней Т. Зан отмечал: «Мы вернулись к Жемчужниковым, было грустно из-за проезда несчастных».

Упомянутых в дневнике «несчастных» сослали в Оренбургскую губернию. П. А. Бестужева отправляли в Кизильскую крепость у верховий реки Урал. А. В. Веденяпина — в те же места в Верхнеуральскую крепость, Н. П. Кожевникова оставили в Оренбурге. Вскоре их отправили служить на Кавказ, под пули горцев.

Из дневника Т. Зана мы узнаем совершенно неожиданные сведения — о его непосредственной связи с действовавшим в Оренбурге тайным обществом. В эту революционную организацию входили молодые офицеры и чиновники из числа бедных дворян и разночин-

¹ ГАОРО, ф. 6, оп. 18, д. 30, 27 л.

цев. Как и другие декабристские организации, общество замышляло просветить простой народ до понимания своих прав, стремилось совершить политический переворот путем военной революции. Оно действовало активно, вело пропаганду среди солдат и казаков, среди башкир и казахов.

Согласно воле императора в Оренбург «для дальнейшего разыскания тайных обществ» был послан провокатор Ипполит Завалишин. Он стал распускать слухи о своей мнимой причастности к событиям 14 декабря 1825 года и сумел внушить прапорщику Дмитрию Петровичу Таптикову и портупей-прапорщику Василию Павловичу Колесникову, будто он является представителем тайного общества, которое уполномочило его создать такое же общество и здесь. Молодые офицеры доверились И. Завалишину. Генерал-губернатору П. К. Эссену поступил донос о существовании тайного общества, копии его устава, инструкции и клятвы членов организации.

Доносы и визиты предателя к П. К. Эссену не остались незамеченными членами организации, и руководитель общества Петр Михайлович Кудряшев (как в свое время Т. Зан) уничтожил опасные бумаги и проинструктировал друзей, как себя вести.

Поэтому, когда начались аресты, члены общества сваливали всю вину на провокатора, представив его организатором заговора. П. К. Эссена эта версия устраивала, так как отводила от него обвинение в ротозействе. Завалишин послал донос царю на генерал-губернатора, обвинив того в злоупотреблениях. Император, веря П. К. Эссену, переслал донос, а это усилило неприязнь генералгубернатора к доносчику, И. Завалишина сослали на каторгу.

Члены организации тоже получили тяжелое наказание: несколько человек сослали на каторгу, остальных разжаловали в солдаты и отправили на Кавказ.

Т. Зан по делу тайного общества не привлекался. В материалах полицейского надзора нет и следа о его контактах с членами общества. А между тем Зан отмечал в своем дневнике 27—28 апреля 1827 г., что «Завалишин, подговорив юнкеров, вовлек их в заговор против правительства и заручившись их письменной присягой, донес губернатору. Семерых виновных (на самом деле восьмерых — В. Г.) посадили. У одного из них мой Красицкий». Т. Зан в своей записи следовал официальной версии, по которой провокатор будто бы был инициатором заговора.

Что это за «Красицкий», который упоминается в дневниковой записи? До этого Т. Зан упоминал книгу польского поэта XVIII века Игнацы Красицкого «О стихотворстве и стихотворцах», которую он

читал. Вот как раз упоминание об этой книге является свидетельством контакта Т. Зана с членами Оренбургского тайного общества. Такое же свидетельство есть в воспоминаниях одного из членов этого общества В. П. Колесникова, полностью изданных только к 150-летию восстания декабристов писателем-краеведом Л. Н. Большаковым.

Во время следования на каторгу в Уфе у портупей-прапорщика Колесникова взяли для просмотра книги, которые он вез с собой. Перед самой отправкой к нему подошел секретарь губернского правления и заявил:

— Что же до ваших книг, губернатор их удержал у себя и хочет отправить к вашим родственникам.

— Зачем,— спросил В. П. Колесников,— ведь эти книги не запрещенные?

Секретарь пожал плечами:

— В целом в городе не нашлось, кто бы мог сказать, на каком языке они написаны, даже сам губернатор не мог разобрать ни слова в них.

— Странно,— сказал портупей-прапорщик.— Неужели в Уфе никто не знает по-польски: это просто известные сочинения Мицкевича, Кашезкого и Немцевича.

«Но результат все-таки был тот, что я лишился и этого утешения, чтобы иметь при себе книги!» — вспоминал впоследствии В. П. Колесников.

Эти книги, в том числе и сочинение И. Красицкого (в воспоминаниях портупей-прапорщика ошибочно названного Кашезким) о стихосложении, В. Колесникову мог передать только Зан. То, что оренбургские конспираторы скрыли на следствии связь с Т. Заном, было большим везением для него, иначе бы «архилучистому» не миновать дальнейших неприятностей.

В оренбургской ссылке Т. Зан познакомился с интересными людьми. Одним из них был Григорий Сильч Карелин (прадед поэта А. А. Блока). Отец Карелина был крестьянином, получившим за необыкновенные музыкальные способности дворянское звание. Г. С. Карелин окончил кадетский корпус, вышел оттуда прапорщиком артиллерии, но за отличные способности и прекрасный почерк был зачислен в собственную канцелярию А. А. Аракчеева. Однако за дерзкую и насмешливую выходу по адресу всевысшего временщика был отправлен в Оренбург, откуда совершил экспедиции в Среднюю Азию, Сибирь, к юго-восточным берегам Каспия, в уральские степи, привез богатые коллекции — ботанические, зоологические, минералогические. В короткий срок Карелин осуществил постройку крепости

Ново-Петровск (позже Форт-Александровский, после Форт-Шевченко) на восточном берегу Каспийского моря.

Когда Т. Зан находился в тюрьме, Г. С. Карелин туда приходил к другу Балкашину. В дневнике Т. Зана встречаются такие записи: «Карелин обещал мне «Путешествия Араго вокруг света» ; «Посетил Карелина, беседа о ботанике, показывал собранные цветы»; «Карелин показывал своих насекомых и книжки»; «Обедал у Карелина»; «Ездил в Илецк с Мансуровым и Карелиным» и другие.

Т. Зан встречался с сосланным в Оренбург композитором Александром Александровичем Алябьевым, автором известного романса «Соловей».¹ В письме к другу от 20 марта 1833 г. наш земляк писал о музыкальном вечере в честь нового генерал-губернатора В. А. Перовского, на котором исполнялось музыкальное произведение. Им дирижировал «солдат, московский студент Кольрейф, его сочинил славный композитор русских романсов Алябьев, которому позволили вернуться к своей семье».

А. А. Алябьев был участником войны 1812 года, дослужился до чина подполковника, среди его друзей — легендарный Денис Давыдов, великий Александр Грибоедов. Современники считали, что портрет и характер Чацкого в «Горе от ума» во многом «списан» с А. А. Алябьева — та же непокорность, то же «нежелание служить во имя службы».

Роковой случай предопределил дальнейшую судьбу композитора. А. А. Алябьеву было предъявлено ложное обвинение в убийстве. Много лет провел он в тюрьмах и ссылке — сначала в Москве, затем в Сибири, на Кавказе и в Оренбурге. Все лучшее, что создано А. А. Алябьевым (в том числе и знаменитый «Соловей»), приобрело известность уже в то время, когда автор томился в неволе.

В одном из своих писем К. Ходкевичу «архилучистый» писал: «Готовлю башкирскую песенку для графини Ксаверины Ходкевич, ее напишет твой учитель персидского языка, переведет Виткевич, нарисует литограф ссыльный Кригштейн, музыку напишет Кольрейф». Кто такой Кольрейф? Студент Московского университета Юлий Павлович Кольрейф² был арестован летом 1831 года по подозрению в участии в тайном обществе Н. П. Сунгурова, которое составляли молодые офицеры и чиновники.

А. И. Герцен, учившийся в это время в Московском университете, вспоминал: «Мне особенно в памяти остался Юлиус

¹ О нем см.: ГАОРФ ф. 6, оп. 18, д. 85, 26 л.; д. 151, 16 л.

² О нем см.; ГАОРФ, ф. 6, оп. 18, д. 92, 10 л.; д. 136, 25 л.

Код(ь)рейф, сын лютеранского пастора в Москве; он был необыкновенно даровитый музыкант и превосходный товарищ. В нем сохранилась вся наивность и простота германских юношей, но освобожденные русским обществом от пошлости и мелкости немецких нравов». Военный суд приговорил его «за сведение и неуведомление правительства о тайном обществе Сунгурова» к службе в царской армии рядовым и направил в Оренбург. А. И. Герцен писал, что молодого человека осудили только за то, что тот «осмелился сказать, что не считает своим долгом доносить на друзей».

Командир дивизии в Оренбурге генерал А. С. Жемчужников постарался облегчить участь Ю. П. Кольрейфа. Об этом «частным образом» донесли императору. В Оренбургском архиве обнаружено дело «О имени наблюдения за образом жизни рядового из московских студентов Кольрейфа». Николаю X донесли о том, что «Юлий Кольрейф избрал себе в товарищи для житья какого-то поляка». «Его величество высочайше повелеть изволил за связями и поведением сих людей, ровно как и за перепискою их иметь тайное наблюдение». Товарищем Ю. П. Кольрейфа был упомянутый в письме Т. Зана Максимилиан Кригштейн, друг «архи лучистого», сосланный рядовым в Оренбург за участие в освободительном восстании против царизма 1830-1831 гг. Судьба московского музыканта была печальной. В 1842 г. его вернули в Москву, как свидетельствует дело «Об определении в канцелярию Оренбургского военного губернатора коллежского регистратора Кольрейфа и о перемещении его в Москву». По словам А. И. Герцена, «он возвратился в Москву для того, чтобы умереть» от чахотки.

Еще один политический ссыльный — граф Кароль Ходкевич — стал другом Т. Зана в Оренбурге. К. Ходкевича прислали сюда «по подозрению его в числе сообщников бывшего в Варшаве бунта», как царские власти называли освободительное восстание 1830-1831 гг. Участие К. Ходкевича в восстании не было доказано. Судя по делу «О присылке на жительство в Оренбург под присмотр полиции графа Ходкевича»,¹ сменивший П. К. Эссена генерал-губернатор П. П. Сухтелен представил нового ссыльного местному обществу «во избежание превратных толков и для отвращения излишнего любопытства людей» как любителя естественных наук, который приехал якобы для проведения исследований и наблюдений.

¹ ГАОрО, ф. 6, оп. 18, д. 55а, 62 л.; Санктпетербургские сенатские объявления по судебным, распорядительным и казенным делам. 1857, 4 марта, № 18, с. 69.

Отец Кароля — Александр Ходкевич был известным химиком. Владелец богатых имений (в их числе Турец под Новогрудком и часть Петрикова), он принимал деятельное участие в восстании под руководством Т. Костюшко. Спустя тридцать лет А. Ходкевич от имени одного из тайных обществ, действовавших в Польше и на Украине, вел переговоры о совместных действиях с декабристами С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюминым. С сыном этого прогрессивно настроенного человека Т. Зан сошелся очень близко.

Новый друг Т. Зана Ходкевич провел в Оренбурге около четырнадцати месяцев. Власти позволили «архилучистому» жить вместе с К. Ходкевичем. П. П. Сухтелен заметил об этом обстоятельстве в одном из предписаний: «Для надзора еще удобнее». После того как К. Ходкевича отпустили в родные места, завязалась переписка. Издание многочисленных писем Т. Зана к своему другу служит неоценимым подспорьем для изучения биографии Т. Зана и истории оренбургской культурной жизни тех времен.

В 1833 г. на квартире вместе с Т. Заном жил унтер-офицер Карл Яковлевич Ковальский, сосланный в Оренбург за участие в восстании 1830-1831 гг., часто приходили ссыльные Игнатий Хенцинский, Максимилиан Кригштейн, Ярошинский и другие.

Постоянное внимание «архилучистый» проявлял к четверым юным землякам, которых он называл в письмах «крожанами». Это были ученики школы в местечке Крожи (Кражяй) в центральной Литве. Осенью 1823 г. в знак протеста против арестов филоматов, среди которых был и их преподаватель Ян Соболевский, они организовали тайное общество «черных братьев».

Подростки разослали письма одноклассникам и школьному инспектору с требованием «готовности оказания помощи, когда потребуется». Письма попали к властям, двоих подростков постарше заточили в Бобруйскую крепость, а четверых в цепях направили на Оренбургскую пограничную линию в рядовые без права повышения.

Ссыльные из Крож просили перевести их на Кавказ, где можно было или погибнуть, или отличиться — царь им отказал. Безнадежность побудила одного «черного брата» Миколая Сухоцкого покончить с собой; на грани самоубийства был и другой: Алоизий Песляк.

Особым вниманием Т. Зана пользовался самый стойкий «крожанин» — Ян Виткевич. Он устоял в борьбе, изучил несколько восточных языков, постоянно общаясь с караванщиками из Средней Азии. Молодой человек освоил более десятка языков и бегло говорил на них. Т. Зан называл юношу за смелость и предприимчивость «Батыром», что в переводе с тюркского означало — витязь, герой.

Охотно помогал «архилучистый» молодым оренбургским казакам Ивану Ивановичу Корину и Михаилу Васильевичу Авдееву, давал им домашние уроки, помогал советами. И. И. Корин учил детей С. Т. Циолковского русскому языку, собирал в окрестностях Ускалыка растения и насекомых и сам учился у Т. Зана латыни, химии, ботанике.

Другой ученик Т. Зана М. В. Авдеев впоследствии окончил петербургский Институт корпуса инженеров путей сообщения, сотрудничал с передовым журналом «Современник». Его перу принадлежали несколько повестей. Биограф М. В. Авдеева С. А. Венгеров подчеркивал, что «Зан первый дал толчок гуманному направлению Авдеева, то есть той струе в его произведениях, которые составляют в них самую выдающуюся черту». М. В. Авдеев был близок с революционерами М. А. Михайловым и И. В. Шелгуновым, которые призывали к пропаганде в народе и к вооруженному восстанию среди солдат, за что один был приговорен к каторжным работам, а другой брошен в Петропавловскую крепость. За связь с революционерами М. В. Авдеева сослали в Пензу, а оттуда в Оренбургскую губернию.

Зан принимал участие в вечерах, которые устраивались в домах его знакомых оренбуржцев. Написанную им еще в Вильно пьесу «Гречишные пирожки» ставили в Оренбурге на сцене 11 февраля 1830 г.

«Архилучистый» записал в дневнике о постановке: «Не знаю, почему я не имел удовольствия от благодарностей и похвал, на которое рассчитывал. Я был несколько раздражен неудачей и вмешательством господина (неясно, о ком идет речь — В. Г.) в театральное устройство».

В 1833 г. Т. Зан отметил в дневнике, что «написал по-русски детскую комедию «Русалки и леший», вроде «Гречишных пирожков». Остается неизвестным, ставилась ли она на сцене в Оренбурге. Т. Зан переводил с иностранных языков, много читал.

Свободное время наш земляк посвящал естественным наукам. Встречался со многими исследователями, приезжавшими изучать природу Приуралья — ботаником из Дерпта Эдуардом Александровичем Эверсманом, его земляками геологами Григорием Петровичем Гельмерсенем и Эрнстом Гофманом, химиком Карлом Гебелем, астрономом Василием Федоровичем Федоровым, профессором Христофором Ганстеном и лейтенантом Дуэ из Норвегии и другими.

Имена и фамилии тех, кто встречался с Т. Заном, был дружен с ним, учился у него, необычайно важны для понимания его индивидуальности. Никогда Т. Зан не встречал столько самых разнообразных людей, как в то трудное, богатое впечатлениями время.

Здесь, вдали от близких, он дорожил каждой свежей мыслью собеседника, каждым откликом на свои чувства. Насильно и надолго оторванный от активной общественно-политической деятельности на родине Т. Зан смог в кратчайшее время вновь окунуться в бурное течение прогрессивной общественной мысли в глубине России.

В Оренбурге «архи лучистый» познакомился с всемирно известным натуралистом из Германии Александром Гумбольдтом.¹ Эту встречу Т. Зан запомнил надолго, считая ее важным событием в своей жизни, и не случайно: имя А. Гумбольдта вошло в историю естественных наук так же прочно, как имя Ч. Дарвина и Л. Пастера. Ученый-энциклопедист, естествоиспытатель широкого профиля, путешественник, изъездивший Южную Америку и Западную Сибирь, А. Гумбольдт был одним из основателей научного страноведения.

Друзья Т. Зана способствовали его встрече со знаменитым путешественником. Они рассказали немецкому ученому, как в оренбургской тюрьме «архилучистый» читал и перечитывал «Картины природы», «Политический опыт о вице-королевстве Новой Испании» А. Гумбольдта.

Узнав, что ссыльный говорит по-польски и желая сделать ему приятное, А. Гумбольдт заметил на великолепном французском языке, что новая карта Польши и соседних с ней земель, составленная картографом Пушем, привлекла внимание ученого.

Под влиянием этой встречи Зан писал: «Я жалел о напрасно потраченном времени, радовался тому, что, отдаваясь движениям мысли, я могу частично компенсировать знания, которые можно получить в путешествиях». Пока он предложил А. Гумбольдту пересылать результаты своих метеорологических наблюдений, тот охотно согласился.

Встреча с немецким географом стала поворотным пунктом в жизни Т. Зана, он стал целенаправленно заниматься геологией. Повлиял приезд путешественника и на судьбу нескольких молодых друзей «архилучистого». А. Гумбольдту представили ученика Зана — Ивана Корина. Путешественник обещал в столице хлопотать за Корина, чтобы тому разрешили учиться.

И действительно, И. Корина перевели в Петербург, где молодой казак окончил университет, а затем стажировался в Дерпте и Берлине. Сведения об этом удалось обнаружить в делах «О том, чтобы 14-го класса Корин был допущен к слушанию лекций в Санкт-петербургском университете» и «О принятии в число студентов

¹ ГАОрО, ф. 6, оп. 4, д. 9547, 42 л.

университета 14-го класса Корина» из Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде¹. Дальнейшая судьба И. Корина прослеживается слабо. Поэту Александру Грозе Т. Зан рассказывал впоследствии, что И. И. Корин после возвращения из-за границы работал в Ботаническом саду в Петербурге, а затем вернулся в родные места, где умер от туберкулеза.

Помог А. Гумбольдт и. «крожанам», замолвил слово перед императором, и случилось неожиданное : их повысили в чинах.

Интерес Т. Зана к геологии и ботанике заметил оренбургский генерал-губернатор П. П. Сухтелен, зачислил в 1830 году его на службу в Пограничную комиссию. «Архилучистого» посылали в научные командировки по Приуралью, Тургайской степи, Поволжью, где он изучал рельеф и строение почв. Весной 1831 г. его направили в Златоуст «для собрания практических сведений к рытью артезийских колодцев». Затем командировали за реку Урал для участия в выборе удобного места для новой казачьей станицы, получившей название Благословенной. В 1832 г. Т. Зан ездил на Сергиевские серные воды для геологического их изучения, под Самарой на Волге обнаружил

нефть, летом 1833 года был направлен в горы Мугоджары между реками Тоболом и Уралом. Т. Зан составил геогностическую карту этих мест, которую высоко оценили в столице.

Еще 25 января 1831 г. нашего земляка назначили «устроителем музея при Неплюевском военном училище» (так в честь одного из первых оренбургских губернаторов И. И. Неплюева называли это учебное заведение).

Краеведческий музей, существующий в Оренбурге и сейчас, ведет свое начало от этого музея.

Дело «Об учреждении в Оренбурге при Неплюевском училище музеума» на 417 листах обнаружено в Оренбургском архиве. Из Омска и Нерчинска, из Уральска и Белорецка, из Петербурга и Тобольска сюда присылали образцы минералов и растений, одежды, останков утвари, раковины, птичьи яйца, восточные монеты, рукописи и среди них рукопись великого поэта XVI века Алишера Навои «Тарихи-Мюзюк».

По данным «Адрес-календаря Оренбургской губернии на 1833 год», «в сем музеуме хранилось следующее число предметов: геогнозии 972, ботаники 1575, зоологии 443, статистики 42, нумизматики 646, археологии 30; книг: восточных 5, разных 35; рукописей: русских 4,

¹ ОРК ГПБ, Общее собрание иностранных авторов (бывшее 355), № 26, л. 73-76; ЦГИА СССР, ф. 33, оп. 21, д. 189, 6 л.; оп. 22, д. 62, 17 л.

восточных 3, произведений живописи и гравировки 9 и портретов 9. Сверх того в музее имелись записки о метеорологических наблюдениях в Оренбурге».

К одной жительнице Оренбурга приезжала Воронина — гостья из Самары, она посетила музей 30 сентября 1833 года и писала: «Зан ожидал нас там и показывал все достойное примечания, но надо быть несколько раз, чтобы рассмотреть все подробно, а в один раз можно заметить только те вещи, которые больше всего бросаются в глаза, да и то осмотреть их поверхностно. При входе внимание обращается на огромную кость, часть головы какого-то допотопного зверя; она лежит на столе прямо против двери. По сторонам стоят куклы в рост человеческий в разных, очень богатых азиатских костюмах, по четыре с каждой стороны. В одном ряду мордовка, калмычка, киргизка (казашка — В. Г.) и уралка в платьях замужних женщин; в другом две девушки, уралка и киргизка (казашка — В. Г.), калмык в казацком мундире и сибирский шаман. Около развешаны кольчуги, седла, чепраки и разные одежды, в том числе рубашка, сшитая из рыбьих пузырей, претонкая и прозрачная: надевается она совсем с головой. Такие рубашки носят женщины самоедки; она защищает тело от укушения разного рода насекомых... В стеклянных шкапах и ящиках помещены чучела небольших зверьков и птиц... На стенах портреты знаменитых особ оренбургских (...)».

П. П. Сухтелен был доволен Т. Заном и представил его к чину "14-го класса — коллежского регистратора — самого низшего из всех чинов в тогдашней служебной иерархии. Но и это кое-что означало, как писал «архилучистый», это «открывало дорогу».

Когда П. П. Сухтелен скончался, новый генерал-губернатор граф Василий Алексеевич Петровский проявил заинтересованность музеем.

Но тут случилось непредвиденное. 6 ноября 1833 года Воронина написала своей корреспондентке: «Зан, бедный Зан, взят под стражу по какому-то доносу. Это случилось 26 октября, в четверг. Он, говорят, совсем был готов отправиться к нам на вечер, когда его взяли».

Поводом для ареста был донос оренбургскому коменданту генерал-майору Глазенапу, подписанный сидевшим в тюрьме мещанином А. Е. Стариковым. Автор доноса был ранее известен как «ябедник и большой негодяй». Сославшись на слова заключенного Людвика Мейера (участника восстания 1830-1831 гг.), Стариков сообщил о заговоре ссыльных уроженцев Польши, Литвы, Белоруссии и Украины, который возглавляли Т. Зан и Я. Виткевич. В доносе говорилось: «Мятеж начать сии главные возмутители со всеми рядовыми польской

нации предположили делом на сей текущей неделе в предназначенный ими день, в первом или во втором часу ночи, таким образом. Разделяясь на пять или более партий, сделать в значительных домах нападение и во первых лишить жизни господина оренбургского военного губернатора, дивизионного и бригадного командиров, ваше превосходительство, господина полицеймейстера, плац-майора и других чиновников, которые им будут только противиться».

Нашлось у доносчика и объяснение научных экспедиций Т. Зана: «Незадолго перед сим иностранец Зан выпросил позволение вояжировать по оренбургскому краю под видом ботанических занятий и узнавания о минералах, а настоящая его цель есть та, чтобы всех служащих по Оренбургской линии польской нации и другого звания нижних чинов преклонить и утвердить к непоколебимому мятежу, о чем они и прежде были сведомы и на все согласны».

Вызванный на допрос по этому делу А. Мейер добавил, что мятежники намеревались, «овладевши городом, восстановить свои права и начальство, потом далее продолжить мятеж, что все в Оренбурге нижние чины польской нации, а также служащие в батальонах по Оренбургской линии, в конной артиллерии и русские солдаты до тридцати человек есть единомышленники в мятеже».

Масла в огонь подлил еще один донос, сделанный сосланным за участие в восстании 1830-1831 гг. рядовым Бонифацием Кшивицким. Тот обвинил Я. Виткевича в намерении бежать в казахскую степь. Кшивицкий пытался перехватить письма ссыльного солдата О. Домбровского, с которым вместе он жил, к Я. Виткевичу. Произошла ссора. Разбиравший ссору офицер отобрал у Домбровского три письма на польском языке, но поручил их читать самому Домбровскому, после чего возвратил. Вскоре Домбровский получил разрешение вернуться домой в австрийскую провинцию Галицию и уехал с Оренбургской линии.

Обвинение было достаточно серьезным. В. А. Перовский приказал арестовать Т. Зана, Я. Виткевича, а также обвиненных в заговоре А. Сузина (к этому времени он переехал в Оренбург) и «крожанина» унтер-офицера Виктора Ивашкевича.

В. А. Перовский (как и в свое время П. К. Эссен) не был заинтересован в огласке дела об оренбургском заговоре.

Он задержал высылку в столицу обязательного донесения о свідетельствах доносителей, заявив начальнику своего штаба: «Подождите, не будем поднимать из-за этого шума. Донесение свяжет нам руки и может быть напрасно беспокоит государя». В состав следственной комиссии он ввел близких себе лиц: генерал-майора Стеллиха, пол-

ковника Павлова, своего адъютанта гвардии ротмистра К. К. Гекке и чиновника по особым поручениям Владимира Ивановича Даля (автора знаменитого словаря).

Комиссия отнеслась к показаниям доносчиков недостаточно внимательно. Важные для следствия бумаги О. Домбровского проверить не удалось — он увез их с собой. Следствие зашло в тупик. Приходилось рассчитывать лишь на откровенность Т. Зана и его друзей.

Для приведения к присяге обвиняемых и свидетелей в следственную комиссию был приглашен доминиканский монах Михаил (Кандид) Зелёно. Лучшего человека для того, чтобы укрепить дух обвиняемых, нельзя было и придумать. Согласно делу Оренбургского архива «О присылке на жительство в Оренбург префекта бывшей Гродненской гимназии ксендза Зелёно» этот священник был учителем М. Волловича. Его сослали под строгий надзор полиции «за участие в злонамеренных замыслах мятежников, возвратившихся из-за границы», то есть в «предприятии» Михаила Волловича¹. М. Зелёно впоследствии сдружился с Т. Заном, заведовал музеем, а в 1840-1850-е гг. был близок ссыльному Тарасу Шевченко.

Комиссия решила просмотреть изъятые у обвиняемых бумаги и письма, которые могли бы их изобличить. Эти материалы поступили к знавшему польский язык В. И. Дально. В ходе следствия Т. Зан заявил, что «не имел никаких намерений нарушать общественное спокойствие» и подтверждал это своими хорошими отношениями с «первейшими особами», которыми был «обласкан и благодетельствован». Он показал: «Занимаюсь поручениями и предметами самыми приятнейшими моему расположению природному и науками приобретенному. Пользуюсь хорошим мнением и благорасположением всего высшего общества в Оренбурге, в коем судьба велела мне находить новую родину, в коем созрели чувства, способные оставить меня навсегда в сем городе».

Т. Зан приводил следующий довод против обвинения: «Несправедливость и невероятность возведенного на меня доноса можно также видеть и в том, что (доносчик) меня именует главным предводителем мятежа. Известно, что я никаких не имею ни сведений, ни опыта в военном искусстве, не умею владеть ни лошадью, ни ору-

¹ «Предприятием» Михаила Волловича царские власти называли попытку этого революционера-демократа (1806-1833) поднять в 1833 г. крестьянское восстание в районе Слонима. М. Воллович был схвачен и казнен. См.: Мальдзіс А. Падарожжа ў XIX стагоддзе. Мн.: 1969, с. 191-194; Sidorowicz-Czerniewska K. Sprawa emisariusza Michała Wołowicza z r. 1833. Grodno, 1934, s. 114. ГАОРО, ф. 6, оп. 5, д. 10732, 96 л.

жем, не упражнял сил своих гимнастикою, непривычен переносить труды и неудобства походов».

«Архилучистый» показывал также: «В поездках моих по губернии Оренбургской для геогностических наблюдений ни в прошедшем, ни в нынешнем году нигде поляков не видал и потому не мог я с ними иметь никаких сношений». Следствие не стало проверять этот ответ. В действительности в дневниках экспедиций и в письмах на родину Т. Зан постоянно отмечал, где, когда и сколько раз он встречался с польскими ссыльными или переселенцами на Урал.

Т. Зан отрицал обвинение в том, что он вел переписку с «польскими пленными». Однако он не смог вразумительно объяснить, почему рядовой О. Домбровский посетил его перед отъездом на родину. Скорее всего О. Домбровский заходил к Т. Зану, чтобы получить в письменной или в устной форме ту самую «непозволительную» корреспонденцию, которую Т. Зан всякий раз пересылал, когда кто-либо из ссыльных уезжал на родину. Но комиссия не обратила внимания на замешательство подсудимого. Дело рассматривалось целый месяц и только, когда версия, заранее предложенная В. А. Перовским, была обоснована данными следствия, граф известил военного министра и императора: «При первых допросах обнаружилось, что донос Мейера совершенно ложен; никаких признаков заговора и равно ничего подозрительного в бумагах не найдено».

Комиссия постановила: «Всех, содержащихся по настоящему делу, кроме доносителя рядового Кшивицкого, из-под караула освободить и употребить по-прежнему на службу».

Т. Зан с удовлетворением писал К. Ходкевичу в письме (которое подвергалось неминуемому полицейскому просмотру), что Я. Виткевич «вместе со всей нашей шляхтой был посажен в кутузку, где просидел целый месяц, пока фальшь какого-то глупого доноса была доказана». В письме Ф. Малевскому «архилучистый» упоминал «дневник гауптвахты», который он составил, судя по всему, именно в это время.

На основании этого дела дореволюционные историки В. А. Потто, И. С. Шукшинцев и Н. Н. Модестов отрицали возможность возникновения заговора в Оренбурге. При этом они следовали за официальной версией генерал-губернатора, по которой кляузник Стариков, дезертир и фальшивомонетчик Мейер и негодяй Кшивицкий, исходя из низменных мотивов, оклеветали ссыльных, которые окончательно решили «исправить» свои прошлые грехи и верой и правдой служить императору Николаю Павловичу и благородному генерал-губернатору В. А. Перовскому. Верный принципам справедливости и гуманности В. А. Перовский поспешил

восстановить истину и спасти невинных людей и вызвал уважение и признательность обвиняемых и всех заинтересованных в процветании Российской империи лиц.

В произведениях советских авторов (повести «Дипломатический агент» Ю. С. Семенова и романе «Дуэль в Кабуле» М. С. Гуса) тоже выдвигается версия, что политического заговора среди оренбургских ссыльных не могло быть. Один из упомянутых писателей связывает возникновение дела с действиями нарочито оглуляемых российских жандармов, а другой — с хитроумнейшими интригами английской агентуры в Оренбурге.

Польский историк В. Евсевицкий усомнился в этой версии. Он отметил явное нежелание В. А. Перовского предать огласке дело о заговоре. Исследователь русско-среднеазиатских связей В. М. Плоских тоже пришел к выводам о реальном существовании заговора в Оренбурге.

Дело об оренбургских конспираторах полностью пересмотрел исследователь революционного движения XIX века В. А. Дьяков. Он указал, что историки, отрицающие наличие заговора в Оренбурге, отрывали события в городе от перемен в России, не учитывали идейно-политических сдвигов в революционной эмиграции, подготовки вооруженных выступлений ссыльных в Западной Сибири, на Урале, в дельте Волги. Известно, что развитие освободительного движения в Белоруссии, Польше, Литве подводило его участников к новым открытым выступлениям. Такие выступления готовились на всем евразийском материке вплоть до Забайкалья.

Оренбургская губерния была местом массового сосредоточения репрессированных повстанцев, которые всеми доступными им средствами поддерживали связь со своими организациями.

Для утверждения, что оренбургские ссыльные готовились к выступлению наиболее доказательными представляются сохранившиеся в протоколах следственной комиссии фрагменты переписки Т. Зана и Я. Виткевича. На основании ряда двусмысленных выражений в этой корреспонденции комиссия задавала обвиняемым вопросы, на которые те далеко не всегда могли вразумительно ответить.

Явно на внешний эффект рассчитаны некоторые домыслы доносчиков — мнимое намерение «мятежников» убить генерал-губернатора, других оренбургских сановников, стремление установить свою власть и др. Однако изложенный в их показаниях план совпадает с планом заговорщиков, о чем позволяют догадываться письма. Через содержащиеся в них иносказания отчетливо просматривается контур плана. Он аналогичен плану конспираторов в другом городе •—

Омске. Оренбургские, как и омские, ссыльные собирались поднять восстание, привлечь к нему русских солдат и местное население. Они хотели отвлечь силы царизма от западных земель, где ожидалось основные события, освободиться от неволи и попытаться пробраться на родину через среднеазиатские степи. У Я. Виткевича план бегства через эти земли возникал задолго до описываемых событий.

Если признать факт такого плана у заговорщиков, то станет понятно и логично каждое слово в сохранившейся переписке. Самым активным среди заговорщиков был, вероятно, Я. Виткевич. Он энергичен, умен, знаком с военным делом, прекрасно знает казахскую степь и те страны, которые расположены за нею. Ближайшим его помощником представляется В. Ивашкевич. Вероятно, Т. Зан и А. Сузин присоединились к заговорщикам несколько позже и не без оглядки, но их присоединение сделало заговор более авторитетным среди ссыльных: ведь Т. Зан еще с виленских времен был кумиром молодежи, считался воплощением высших черт духа и пользовался огромным влиянием.

Он был известен не только в России, но и за ее пределами. Достаточно сказать, что в английском журнале «Ревю британник», выходившем на французском языке, в 1831 году была помещена статья «Политическая история Литвы» с изложением событий 1817—1823 годов в Виленском университете и с подробным освещением судеб их участников, в том числе и «архилучистого» (кстати сказать, из экземпляра, хранящегося в Государственной (бывшей Императорской) Публичной библиотеке в Ленинграде страницы с этой статьей вырезаны так незаметно, что даже опытному читателю это трудно обнаружить, пришлось заказывать фотокопию статьи в зарубежном книгохранилище).

Т. Зан узнал об этой статье еще в оренбургской ссылке. Находясь на лечении на Сергиевских серных водах около Самары летом 1833 года, он познакомился с дворянином И. А. Второвым, которому рассказал, что его «участь и достоинства были описаны в журнале «Ревю британник» в 1831 году». Это конкретное обстоятельство и общую психологическую атмосферу нельзя не учитывать, когда речь идет о заговоре в Оренбурге.

Если судить по датам в показаниях Кшивицкого и попавшей в руки следствия части переписки, разгар деятельности заговорщиков приходился на конец 1832 г. и первую половину 1833 г. Затем конспиративная деятельность постепенно свернулась. Ее оживило только прибытие в ссылку участников новой попытки возобновить повстанческое движение в Белоруссии и Польше или получение

письменных известий об их неудаче. Возможно, что летом 1833 г. заговорщики решили отказаться от вооруженного выступления, но осенью новоприбывшие ссыльные добились пересмотра этого решения. Именно это и могло вызвать доносы Мейера и Кшивицкого.

В декабре 1833 г. Т. Зан вернулся к исполнению своих обязанностей. В. А. Перовский поручил ему составить систематический каталог хранящихся в музее предметов «с означением приносителей».

Т. Зан справился с задачей. По поручению генерал-губернатора он выезжал в геологические экспедиции. Об одной из его поездок — на Губерлинское взгорье и в Тургайскую степь к востоку от верхнего течения Урала — подробно рассказывает дело «О командировании чиновника 14-го класса Зана в киргизскую степь для геогностических исследований от 18 июля по 5 декабря 1834 года» из Государственного архива Оренбургской области¹. Его дополняют письма Т. Зана. Он писал К. Ходкевичу, что путешествие было интересным: «Я сросся с конем, переносил всякие невзгоды, питался крутом (сушеным сыром — В. Г.), спал на сырой земле. Я вел жизнь сокола (киргийрук), который перелетает от холма к холму, и сайги, которая перебегает от источника к источнику. Первую часть путешествия своего я провел с отрядом в триста человек под командованием Аполлона Жемчужникова, в обществе «Батыра» (Я. Виткевича — В. Г.), с которым вместе были султан и киргизы (казахи — В. Г.)». Затем Т. Зан с полусотней казаков под командой майора Лобова и местными проводниками отделился от основного отряда.

В делах «О награждении 10-го класса Зана 1500-ми рублями за составленное им геогностическое описание Новой линии» из Оренбургского и Центрального исторического архивов и в делах «О геогностических исследованиях в Зауральской степи» и «О командировании двух партий в Зауральскую киргизскую степь» из Центрального исторического архива² содержатся интересные сведения об экспедиции Т. Зана. Он обнаружил в наносах рек Адырлы, Таукарагайлы-Аят, Сарымсаклы и других десять золотодержащих приисков, а также месторождения медной руды к югу от Троицкой крепости.

В одном из своих писем Т. Зан уточнял результаты этой поездки: «Добыто тринадцать проб золота в различных пунктах на расстоянии около пятисот верст, одна — медной руды, и несколько — железной руды. Семь писем, отправленных из путешествия, четыре геогностические карты, общий обзор подгорного Приуральского края с геогнос-

¹ ГАОРО, ф. 6, оп. 10, д. 4181.

² ГАОРО, ф. 6, оп. 10, д. 4257, 20 л.; ЦГИА СССР, ф. 44, оп. 2, д. 367, 216 л.; д. 407, 9 л.; д. 480.103 л.

тической точки зрения, коллекции камней, растений, насекомых, дневник произведенных горных работ были благосклонно приняты господином губернатором Перовским». Одну из упомянутых Т. Заном карт удалось обнаружить в Центральном историческом архиве в Ленинграде.

В. А. Перовский остался доволен Т. Заном, исхлопотал для него награду в 1500 рублей ассигнациями, из которых ему выдали 1350 рублей. Т. Зана произвели в 10-й класс по «Табели о рангах», он получил чин коллежского секретаря.

Еще находясь в тюрьме, «архилучистый» проявлял интерес к быту, обычаям, фольклору коренных приуральских народностей.

В письме К. Ходкевичу он сравнивал поэтические способности двух приуральских народов: «Башкиры не имеют традиций или имеют их мало. Их певцы «курайчи» берут темой своей импровизации предметы, которые видят. Киргизы (казахи — В. Г.) в этом роде поэзии имеют первенство». О поэтических способностях казахов Т. Зан писал своей родственнице Марии Путкамер — известной по стихам А. Мицкевича под именем его возлюбленной Мары ли: «Киргизские (казахские — В. Г.) мужчины и женщины способны импровизировать хотя и простые, но правдивые и занимательные мысли».

Желая отблагодарить за помощь казахов, сопровождавших его экспедицию, Т. Зан добился награждения проводников. Большой интерес проявлял Зан к малоизвестному в те времена краю — Башкирии, описывал спортивные состязания в ауле над рекой Ускалык, посещение Уфы, которую называл «перевернутым алебастровым котлом, покрытым толстым слоем глины и более тонким слоем известкового камня». Интерес представляет его описание «семицерковной Уфы»: «Большая часть домов деревянные, на взгорье белеет красивая архиерейская слобода, здесь есть гимназия, контора «удельных» крестьян, мечеть и несколько каменных купеческих домов. С запада и севера (город) окружает Уфимская возвышенность, с востока и юга (река) Уфа. Над рекой возвышается доступный только с одной стороны пригорок, на нем видны следы какого-то древнего укрепления, отсюда видны прекрасные темные леса и рощи, далекие деревни. Над Белой берег высокий, поросший лещиной, которую для прогулок вырубают, чтобы дать возможность видеть раскинувшуюся равнину реки Белой».

Побывал Т. Зан в Екатеринбурге (ныне Свердловск). Он писал о тяжелых условиях работы в Соймоновских копях золота и малахита: «Я увидел тесную выемку в хлоритовом сланце; свет свечи освещал бледные лица двух рабочих, разбивающих сверкающую желтыми

кристалликами зеленую стену, третий толкал не видя скрипучую тачку. Доядь льет с потолка и каменных стен, и по полу течет речка, насос откачивает прибывающую воду». В его письмах ощущается сочувствие к уральским рабочим в Екатеринбурге, которых заставляли работать на Монетном дворе даже в праздники. Т. Зан писал другу о том, что мастерам-малахитчикам приходилось втайне от начальства шлифовать печати и различные безделушки, чтобы этим «возместить нужду, происходящую от малой оплаты».

В пути по Башкирии «архилучистый» увидел «верст двадцать великолепно сделанной дороги, на которой шестьсот башкир с удивительной легкостью выворачивали гранит и деревья. Они привыкли воевать с камнем, высекая мельничные камни, побеждая (высоту) деревьев, влезая за медом в бортях (на них). Особенно удивительное впечатление производит цивилизованная дорога среди диких гор и лесов». Над дорогой была высечена надпись на трех языках — латинском, русском и татарском: «В¹ году 1832, в правление императора Николая губернатор граф Сухтелен проложил новую дорогу. Изучал Балкашин, сделал Башкин». Не случайно Т. Зан привел этот текст вслед за похвальным словом простым труженикам башкирам, не удостоенным даже упоминания в надписи на камне.

Наш земляк сочувствовал местным жителям. Еще в 1829 г. он записал в свой дневник: «Я склонен хвалить простоту и доброту башкир. Мне кажется, что (царские чиновники) унижают их своим безрассудным и грубым поведением». Когда в 1834 г. Т. Зан побывал на Губерлинском взгорье, он отмечал, что во время его поездки «там, в первобытных горах началось замешательство из-за непонимания (правительственного) постановления о крестьянских магазинах. Башкиры решили, что для них хотят строить церкви, а государственные крестьяне подумали, что их продадут в крепостное державие помещикам. Весь (город) Злауост перепугался и три дня был в готовности к обороне. Господин Перовский сам поспешил с изданием результативных распоряжений для успокоения дела. Добровольный кнут вскоре привел все к надлежащему порядку, генерал Циолковский покарал тридцать тысяч виноватых».

Для нас важна оценка башкирско-крестьянского восстания 1834 г. нашим земляком. В письмах, просматривавшихся полицией, он вряд ли мог развернуто охарактеризовать восстание, но не преминул иронически подчеркнуть «добровольность» царского кнута и отметить, что в восстании принимали участие одновременно и башкиры, и русские.

Т. Зана интересовало прошлое и фольклор башкир. Он рассказывал своему другу о встречах с бывальми жителями края: «Государственный советник Кирилов свел меня со стариком, который помнит времена основания Орска — первого Оренбурга в 1734 г. (Оренбургскую крепость первоначально основали у устья Ори, там, где теперь находится Орск, а затем дважды переносили, пока она не была заложена в теперешнем месте — В. Г.). Он крепок и разговорчив. Из-за незнания языка я мог воспользоваться такой интересной «находкой» в малой степени. Списал имена тех, которые первыми ездили в Москву к царю Николаю Алексеевичу просить его взять их под опеку и защиту. Читал грамоты, подтверждающие происхождение некоторых племен от тарханов, т. е. родственников или военачальников при Чингис-хане. Видел оружие, кольчугу и железные рукавицы, дарованные Петром Великим мужественному башкиру при взятии Риги. Салават живет в памяти некоторых, как руководитель башкир, оборонявших Казань при ее последней обороне, и как основатель крепости на Суне (Суре) над Волгой. Но более всего вызывает у них интерес и наиболее известный в их поэзии (песнях) Куз-Курпач («Быстроглазый»). Это был богатый молодой батыр с быстрым взглядом и жил на Яике (Урале — В. Г.). Он посватался за дочь богатого и мудрого башкира Бурымбая, и, кажется, ездил встречаться с ней. Но когда батыр гнал перед собой большой табун для уплаты калыма отцу, чтобы взять к себе жену, он узнал о ее смерти. Печаль его была большой. Он оставил богатства и скрылся в степях и горах, и боролся там со зверями и дивами (злыми духами — В. Г.).»

В приведенном отрывке как в зеркале отразилась способность Т. Зана окинуть взглядом различные стороны истории и народного творчества башкирского народа. Он допустил ошибки, перенося деятельность героя башкирского народа Салавата Юлаева с XVIII века к XVI, неверно назвал первого дая, к которому обращались башкиры с просьбой о принятии в подданство, «Николаем Алексеевичем». В действительности такого царя в истории не было, а башкиры впервые просили Ивана Грозного принять их в состав России. Эти ошибки объясняются малоизученностью истории Башкирии в те времена. Для нас важен живой интерес Т. Зана к народу, его стремление самому посмотреть на старинное оружие, грамоты — «шежере», услышать сказания народных певцов.

Одним из первых Т. Зан изучал народную поэзию и нравы казахов, татар и башкир и оставил запись одной тюркской песни. По мнению тюрколога Ф. С. Фасеева, это запись песни на татарском, а не на башкирском языке, как полагал сам Т. Зан.

Записанный им текст был сделан без глубокого знания языка и искажен позднейшими переписчиками. Его можно использовать только как фольклорный мотив. Все же запись, сделанная Т. Заном, представляет исторический интерес: это одна из самых первых записей народной поэзии; все последующие записи относятся к середине XIX в.

Под впечатлением своих поездок по Приуралью и рассказов очевидцев у Т. Зана в 1833 году возник замысел написать трилогию об этом крае во время Пугачевского восстания. Еще в 1827 году он записал в дневнике о том, что побывал на мельнице под Ускалыком, где беседовал с отцом мельника, который возил Е. Пугачева. В письме от 3 января 1833 г. Т. Зан просил К. Ходкевича прислать ему книгу о пребывании пленников из Польши, Белоруссии и Литвы на Оренбургской линии во времена Е. Пугачева. Речь идет или о вышедшей в Варшаве двумя изданиями книге «Воспоминания о польских делах» ссыльного конфедерата — участника вооруженной борьбы против агрессии царизма на территории Польши в 1768—1771 гг. Кароля Хоецкого, или о дневнике французского офицера Франсуа Тесби де Белькура, изданном в Амстердаме на французском языке.

В другом письме от 15 марта 1833 г. Т. Зан сообщал своему другу о том, что собирается писать художественное произведение об этой эпохе: «Питаю свое воображение сведениями о местных народах и собираю материалы для романов, которые посвящу тебе. Сюжет их — жизнь калмыков, беспокойство башкир, дикая независимость киргизов (казахов — В. Г.) и необходимость умиротворения их сильными соседями. Уральцы, поднятые Пугачевым, являются удивительным фоном, на котором в воображении соединяются европейские фигуры с азиатскими».

К сожалению, замысел свой «архилучистый» так и не осуществил. Интересно, что эта идея Т. Зана по времени совпала с замыслом А. С. Пушкина, который для сбора материалов для «Истории Пугачевского бунта» и «Капитанской дочки» ездил по Поволжью и Приуралью и с 18 по 20 сентября 1833 года жил в Оренбурге и в Уральске. Встречались ли они? К сожалению, та часть дневника Т. Зана, которую он вел в 1833 году, до нас не дошла. Поиск источников в Оренбургском архиве ни наш, ни историка

В. А. Дьякова, также изучавшего вопрос о возможной встрече А. С. Пушкина с Т. Заном и Я. Виткевичем, не увенчался успехом. Биографы поэта такясе не упоминают о такой встрече. Все это позволяет отказаться от домысла, как он ни заманчив, о возможности бесед, дальнейшей дружбы и переписки А. С. Пушкина с ссыльными из Бе-

лоруссии и Литвы, выдвинутого писателями Ю. Семеновым в повести «Дипломатический агент» и М. Гусом в романе «Дуэль в Кабуле».

Тем временем музей, которым заведовал Т. Зан, постепенно расширялся, а его фонды увеличивались. Когда летом 1837 года были подсчитаны хранившиеся в музее материалы, по сравнению с 1833 годом фонд увеличился в два раза. Многие были отданы в музей самим Т. Заном. В минералогическом отделе его дар составил три полноценные коллекции из тысячи образцов, в ботаническом выделялся собранный им «травник» из пятисот видов растений, он же пожертвовал в музей тысячу образцов насекомых и восемьдесят монет.

Прошло более двенадцати лет ссылки. Т. Зан ходатайствовал о том, чтобы ему позволили вернуться домой. Из дела Оренбургского архива «О доставлении некоторых сведений о поляках Косовиче и Дембоше» мы узнаем, что 3 мая 1837 г. «государь император всемилостивейше соизволил разрешить Зану оставить, буде пожелает, службу в Оренбургском крае, с правом продолжать оную в других губерниях или возвратиться на родину».

В конце июля Т. Зану был выдан «вид об отставке»¹, однако на родину «архилучистого» не пустили, «всемилоостивейше» разрешили перебраться в столицу. В ноябре Т. Зан писал о своем пребывании там В. А. Перовскому: «В октябре прибыл я в Санкт-Петербург и занялся изданием сочинения о минеральном и растительном богатстве Южного Урала, которое открыло бы мне путь к ученой степени в службе по Горному департаменту; посещал я минералогические кабинеты и библиотеки».

Из письма К. Ходкевичу, которое было обнаружено в Центральном государственном историческом архиве УССР в Киеве, известно, что Т. Зану было позволено «заняться в Петербурге хлопотами об издании на русском языке «Геогностических наблюдений» об Уральских горах, с которыми он имел случай хорошо познакомиться во время своего проживания в Оренбургской губернии». Эта книга была плодом «семилетних поездок, наблюдений и представлений об Уральских горах и всей тамошней природе»². Объем рукописи достигал ста печатных листов, приложением была геогностическая карта. Рукопись состояла из семи частей. Т. Зан писал М. Путкамер, что посвятил своему сочинению «два года, добрую меру здоровья и все мои ресурсы, заготовленные для возвращения».

¹ ГАОРО, ф. 6, оп. 18, д. 129, л. 13-14.

² ЦГИА УССР, ф. 470, оп. 1, д. 159, л. 23.

В эту рукопись не вошли сочинения, о которых он писал еще в 1836 г.: «1) О горах Уральских, т. е. о скалах, из которых сложен грунт Оренбургской губернии, и о богатствах, принадлежащих каждой каменной формации; 2) Известия, касающиеся вод в известняках, которые могут быть под давлением; 3) О золотых и платиновых рудниках как наиболее выгодном промысле местного края; 4) О возможности отыскания алмазов во всем западном поясе Уральских гор... 12) Округ сернистых вод в Сергиевске». Среди других перечисленных Т. Заном работ интерес представляли также: «5) О музее в Оренбурге, цель и способы основания провинциальных музеев; 6) Метеорологические записки в Оренбурге; 11) Местные растения и насекомые». Пока что эти работы, как и дневники Т. Зана начиная с 1832 года, не обнаружены.

Душевного спокойствия наш земляк не нашел в научных занятиях и в Петербурге. Шлейф дела об оренбургском заговоре протянулся за ним и сюда. 9 декабря 1837 года Т. Зана неожиданно вызвали к управляющему канцелярией III отделения статс-секретарю А. К. Мордвинову, который сообщил, что Зан «должен отправиться с жандармом обратно в Оренбург». Основанием для этого было подозрение Т. Зана в связи с австрийским подданным Александром Косовичем, сосланным в Орск за участие в восстании 1830—1831 гг. и вернувшимся на родину. На след этого репатрианта напал царский резидент в Кракове. Из перехваченной им переписки стало известно, что А. Косович сообщил революционным эмигрантам об оренбургском заговоре 1833 года.

Сведения резидента подтверждает изданный только в XX веке дневник революционного эмигранта Хенрыка Голеевского, который записал: «Александр Косович сообщил мне, что Зан, сосланный давно, возглавлял этот заговор, что в Оренбурге есть батальоны, наполовину составленные из поляков и татар,., что Зан, прощаясь с Косовичем, поручил ему снести с кем-нибудь Хорошо знакомым из эмиграции и сказать ему, что только некоторые нити этого союза известны властям, что ... они (заговорщики — В. Г.) целиком убеждены в том, что поскольку русских едва только треть, то, подвергшись нападению соединенным усилиям тех и других (поляков и татар — В. Г.), они легко сложат оружие, а освободившиеся таким образом поляки и татары смогут с легкостью перебраться через Хиву в английские колонии».

В своем письме к В. А. Перовскому Т. Зан просил заступничества и, в случае повторной высылки, которая угрожала ему, ходатайствовал о службе в Оренбурге. «Архилучистый» добавлял: «Притом счи-

таю долгом доложить вашему превосходительству, что имя мое в иностранных журналах, приводимое без всякого основания в обстоятельствах, совершенно мне чуждых, и монаршая милость, исходатайствованная вашим превосходительством, естественно, делать меня может предметом и любопытства и гонения, давать поступкам моим превратные виды, отчего жизнь моя везде и всегда может быть смутною и несчастною».

«Архилучистый» изложил обстоятельства, описанные им в просьбе В. А. Перовскому, и в объяснительной записке, поданной им Мордвинову, «который,— как писал Т. Зан оренбургскому генерал-губернатору В. А. Перовскому,— соблаговолил представить оную на благоуважение графа А. Х. Бенкендорфа». Можно себе представить, насколько серьезными последствиями для Т. Зана могло грозить дело о связи с А. Косовичем, если записку приходилось писать для того, чтобы с ней ознакомился сам шеф жандармов и главный начальник Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии — органа политического надзора и сыска в России. Так что лучшим вариантом выхода из положения «архилучистому» представлялось возвращение в город на Урале.

Но и на этот раз обошлось. В. А. Перовский заступился за своего бывшего подопечного и 4 января 1838 года послал А. Н. Мордвинову из Оренбурга письмо, которое заканчивал словами: «Долгом считаю просить Вас, милостивый государь, покорнейше обратить внимание свое на то, что Зан во все тринадцать лет своего здесь пребывания вел себя хорошо и ни разу не подал повода к каким-либо подозрениям». В этом письме дело о заговоре даже не упоминалось.

Несмотря на поддержку специалистов, геогностическое сочинение «архилучистого» не было опубликовано. А оно могло бы ускорить научное изучение природы Южного Приуралья. Т. Зан опередил своими исследованиями авторов первых геологических работ о строении Уральских гор, изданных в 40-е и 50-е годы XIX в.

Судя по всему, именно с этой неудачей связано поступление Т. Зана на должность библиотекаря в Петербургский институт Корпуса горных инженеров. Об этом подробно рассказывается в ряде дел Ленинградского исторического архива¹. Библиотекарю была отведена квартира в доме института на Васильевском острове, он получал «натурою порции кадетского кушанья» за счет положенных ему порционных денег.

¹ АГИА, ф. 963, оп. 1, д. 4655, 11 л., 1839 г.; д. 4716, л. 182-183, 191, 204-207; д. 6302, л. 58-61.

В свое время Т. Зан в письме К. Ходкевичу из Оренбурга иносказательно высказал свою мечту «увидеть родные для него Литву (и Белоруссию), Вильно и Новогрудчину без снега, наслаждаться плодами с тех деревьев, которые выросли из разбросанных нами семян». Очевидно, что в просматриваемой полицией переписке он не мог писать, что снег — это самодержавная власть, а семена — это свобододобивые идеи.

И вот в июне 1841 г. «архилучистый», проведя почти семнадцать лет на чужбине, смог наконец вернуться в родные места, хотя они по-прежнему находились «под снегом» самовластия. Одно время жил в Гродно, затем в Вильно, производил геологические изыскания в долине Немана. Начальник штаба Корпуса горных инженеров К. В. Чевкин (он в свое время помогал «архилучистому» в попытках издать «Геологию Урала»), зачислил его с осени 1841 г. на службу в Главное управление Корпуса с жалованьем (об этом свидетельствует дело «Об определении и увольнении по Горному институту господ офицеров, чиновников, преподавателей», обнаруженное в Ленинградском историческом архиве).

Одно время Т. Зан жил вместе с Яном Чечотом, вернувшимся из ссылки, в имении филомата Антония Вержбовского Великая Долматовщина неподалеку от Корелич. На стене дома, где они жили, прикреплена мемориальная доска.

С 1844 года Т. Зан работал в Лепельском уезде инспектором казенных имений, затем вышел в отставку, женился, жил в имении Оборок в Ошмянском уезде, приобрел имение Кохачин около Орши. Здесь он умер 7 июля 1855 года. Его похоронили на кладбище в местечке Смоляны.

В СТЕПИ ЗА ИЛЕКОМ

В то время, когда «ташкараган» искал в степи золото, его друг, ссыльный филومات А. Сузин «выехал к султану Бай-Мухаммеду поправить свое пошатнувшееся здоровье киргизским (казахским — В. Г.) кумысом и собрать сведения о мнениях и предприятиях Хивы и самих киргизов (казахов — В. Г.) относительно крепости господина Карелина на берегу Каспийского моря, счастливо основанной 3 мая». Так писал Т. Зан 30 мая 1834 года Ф. Малевскому.

К югу от Оренбургской линии, на которую был сослан А. Сузин, кочевали скотоводческие казахские роды, входившие в состав ханств. В составе казахской народности исторически сложились три группы племен или три «жуза» — Старший, Средний и Младший. Младший жуз кочезал по Западному Казахстану, куда и направлялся А. Сузин. Еще в Оренбурге он узнал, что казахские ханства представляют собой нечто вроде феодальных государств, но без территориального деления, без судебных органов и писаных законов. В них сохранилось управление по родам. Каждый родич должен был знать свою родословную до седьмого колена. При встрече с казахом в степи другой казах спрашивает не о том, кто из какой местности происходит или в какой местности проживает, а о том, из какого он рода. В зависимости от этого складываются отношения между встречающимися — враждебные, дружеские или нейтральные. Каждый род или аул перемещается в течение года на большой территории обычно с севера на юг и обратно, делая при этом переходы до тысячи верст в оба конца. Зимние месяцы казахи проводят на одном месте, в глиняных землянках, но с первыми тальмами снегами начинается обычный ежегодный переход. Перекочевки обуславливались не поисками лучших пастбищ, а многовековой традицией. Часто казахи покидали хорошие пастбища и переходили за сотни верст на плохие. Каждый род или аул из года в год следовал по одному и тому же пути, останавливаясь у тех же ключей и колодцев, у которых останавливались его предки сотни лет тому назад и постоянно возвращаясь на зимовку в одно и то же место.

Каждый родич должен был оказывать сородичу защиту, а если того убивали, был обязан убить представителя рода убийцы. Сородичи должны были помогать друг другу в уплате калыма, выкупа, штрафа, каждый род имел свое «священное место» для погребения, свой знак отличия для клеймения скота, свой боевой клич.

Из-за земли и скота в Младшем жузе шла упорная междоусобная борьба, выгодная, в первую очередь, родовым правителям — биям и

выдвигавшимся из числа наиболее опытных и храбрых воинам-батырам, чтобы держать сородичей в повиновении и укреплять свой политический авторитет в отношениях с другими родоправителями.

В Пограничную комиссию, в которой служил А. Сузин, в августе 1832 г. поступили рапорты султанов-правителей западной и средней частей жуза Бай-Мухаммеда Айчувакова и Жусупа Нуралиева. Из этих рапортов видно, что лишь при одном «мировом соглашении», заключенном «о прекращении происходящих между подведомственными (им — В. Г.) киргизами (казахами — В. Г.) баранов и прочих претензий оказалось, что за убитых с обеих сторон киргизов (казахов — В. Г.) семьдесят два человека заплачен кун (выкуп за убийство — В. Г.) и сверх того взыскано платежа за сорок две тысячи отбарантованных (утнанных — В. Г.) лошадей и шесть тысяч верблюдов, а число взысканных баранов и коров, равно о скольких претензиях учинено разбирательство, не исчислено».

Бесконечные родовые распри позволяли биям и батырам заглушать классовую борьбу внутри рода. Классовое самосознание рядовых родичей не могло подняться выше «родовой идеологии». Поэтому они редко выступали против своих угнетателей.

Во главе казахских жузов стояли ханы. Они правили подвластными им родами через султанов, но власть и тех и других была слабой. Вместе с биями и батырами они регулировали перемещение родов и аулов, отыскание и распределение пастбищных мест и водоемов, устройство на зимовки, защиту от нападений враждебных родов и вынуждены были согласовывать свои действия с желаниями массы родовых кочевников. У ханов и султанов было недостаточно военной силы — всего лишь небольшие отряды телохранителей «тюленгутов». Историк П. П. Румянцев отмечал, что «в случае попытки хана к принуждению и насилию киргиз (казах — В. Г.) вместе со своими сородичами просто уходил от него в другое место».

Царизм был заинтересован в освоении естественных богатств Казахстана. Чтобы приблизить управление в Казахстане к общероссийской системе управления, он постепенно распространял на этот край общероссийские порядки. С этой целью в 1824 году была отменена ханская власть в Младшем жузе, а степь была разделена на три части. Каждой частью стал управлять старший султан с неограниченной властью.

К каждому султану был прикомандирован отряд в двести уральских казаков. По новому положению родовое деление земель не учитывалось. Лучшие угодья захватила не только феодальная знать казахов, но и старшины соседнего Уральского казачьего войска —

атаманы, писари, судьи. Это порождало недовольство рядовых казахов.

За три года до поездки А. Сузина кочевья Младшего жуза были окончательно реорганизованы по территориальному, а не по родовому признаку — разделены на тридцать две дистанции. Во главе дистанций стояли назначенные правительством, а не выборные начальники, которые подчинялись султанам. Проведенные реформы уничтожили последнюю тень политической самостоятельности и целостности жуза.

А. Сузин ехал к Бай-Мухаммеду Айчувакову — султану Западной части жуза. Один из предков этого султана принес присягу на верность российской императрице Анне Иоанновне из опасения, что восточные соседи казахов — джунгары разгромят его жуз, как они это сделали со Старшим и Средним жузом.

Брат Бай-Мухаммеда — Ширгазы, в прошлом хан Малого жуза, и некоторые другие султаны были недовольны утратой прежнего положения и пытались найти поддержку у ханов Хивы, находившейся к югу от Аральского моря в Хорезмском оазисе Амударьи.

Хивинское ханство переживало в это время подъем в связи с перемещением в сторону оазиса торговых путей. Внутри ханства правители ограничили власть местных феодалов, упорядочили налоги, возвели красивые дворцы и мечети, затем принялись за покорение окрестных туркменских, каракалпакских и казахских земель, в том числе традиционных пастбищ Малого жуза. Отдельные роды ежегодно перекочевывали к Аральскому морю. Хивинские ханы, признавшие хана Ширгазы своим вассалом, требовали от казахов подчинения и настаивали на том, чтобы те не вступали с русскими властями ни в какие отношения.

Столкновение интересов хивинских ханов и царизма побудило оренбургские власти по согласованию с министерством иностранных дел направить на северо-восточное побережье Каспийского моря, к заливу Мертвый Култук, экспедицию под руководством Г. С. Карелина. Экспедиция отправилась из Астрахани и 1 мая 1834 года ее участники высадились в Туманных горах у скалы Кизилташ. Здесь было создано укрепление Александровское. Г. С. Карелин писал в связи с этим: «Хивинский хан рассердился, узнав о нашем нечаянном посещении: приказал узбекам кормить лошадей (для похода — В. Г.), требовал от адаевцев и табынцев (казахских родов — В. Г.) аманатов (задолжников — В. Г.)». Это понятно: Т. Зан в своем письме К. Ходкевичу отмечал, что «новое укрепление должно угрожать Хиве и разбойничьим шайкам».

Бухгалтеру Пограничной комиссии А. Сузину было поручено разведать обстановку, узнать отношение казахов и хивинцев и к основанию крепости, и к ликвидации самостоятельности Младшего жуза.

Секретарь зеленого (математического) союза филоматов, кандидат философии Адам Сузин числился в списке подследственных по делу филоматов под номером третьим. Родился он в декабре 1799 г. в имении Кулиговщина Кобринского уезда Гродненской губернии, недалеко от Бреста. Ныне на месте имения возле деревни Босяч Еремичского сельсовета Кобринского района Брестской области располагается бригадный двор колхоза «Победа». Из «Метрической выписки из книги Буковицкой церкви», хранящейся в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде, мы узнаем, «что 1799 года, декабря 30 дня(был) крещен младенец именем Феофил-Адам-Вогуслав, сын законных супругов капитана Доминика и Эугении Сузиных»¹

Активного филомата А. Сузина его друг А. Мицкевич увековечил в третьей части своей поэмы «Дзяды» под его собственной фамилией. Герой поэмы Сузин, попав в заключение, в ходе следствия встретился со своими друзьями и жалуется им:

— Я без окна живу и все равно, что в яме
Как отличишь там день от ночи, свет от тьмы.

Филомат А. Фрейенд отвечает ему:

— Спроси у Томаша, он патриарх тюрьмы,
Как рыба крупная, попался первым в сети.
И раньше всех других обжил хоромы эти.
Он знает всех — кто здесь, за что и отчего.

Сузин обращается к Томашу Зану:

— Пан Томаш? Это он? Я не узнал его.
Дай руку! Ты меня недолго знал и мало!
Тебя толпа друзей в то время окружала,
Подобно всем и я попасть в их круг хотел.
Но, к сожаленью, ты меня не разглядел.
Ты пострадал за нас. Я знаю, каш оракул,
Как ты, спасая нас, неравный принял бой,
И с той поры горжусь, что был знаком с тобой,
И вспомню в смертный час, как я с Томашем плакал.

А. Мицкевич допустил поэтическую вольность: А. Сузин был хорошо знаком с Т. Заном, вместе с Я. Чечотом был приговорен к максимальному наказанию: ссылке в Оренбургскую губернию с предварительным заключением в тюрьме. Это заключение и дальнейшую

¹ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 29, д. 7733, л. 83-84, 120 об.

ссылку А. Сузин отбывал в Орске. В деле Оренбургского архива «О лицах, состоящих под надзором полиции» за 1826 год отмечалось, что он получал содержание от казны по пятьдесят копеек в сутки, «вел себя скромно и хорошо»¹. В марте 1829 года ему разрешили переехать в Оренбург, где он поселился первоначально вместе с Т. Заном и стал служить в Пограничной комиссии сверхштатным чиновником. Он выполнял работу казначея, а позже архивариуса.

Генерал-губернатор граф П. П. Сухтелен ходатайствовал перед Николаем I о том, чтобы А. Сузину, который получил в Виленском университете ученую степень магистра философии, был присвоен чин коллежского секретаря (10-го класса по «Табели о рангах»). По недосмотру в письмо графа вкралась описка в сведениях о возрасте А. Сузина: канцеляристы сделали его моложе на семь лет. Поэтому император наложил на документе резолюцию, чтобы ссыльному присвоили чин «в общем порядке», то есть 14-го класса, «поскольку в возрасте 16 лет он не мог окончить университета». В Оренбурге уточнили сведения и выяснили, что А. Сузин окончил Гродненскую гимназию в 19 лет, а университет в 23 года. Тем не менее, согласно царской резолюции, А. Сузин получил в декабре 1832 г. только самый низший чин коллежского регистратора 14-го класса². Незадолго до этого он стал исполнять должность бухгалтера Пограничной комиссии.

О том, что А. Сузина арестовали и допрашивали по подозрению в организации заговора в Оренбурге, уже говорилось. После освобождения А. Сузин продолжал служить в Пограничной комиссии. Ему постоянно приходилось встречаться с представителями казахских родов. Как опытного человека его направили с ответственным заданием к Бай-Мухаммеду в степь. В 1871 году А. Сузин поместил свои воспоминания об этой поездке в одном из варшавских журналов под прозрачными инициалами «А. С.», спустя 9 лет расшифрованными в некрологе, который написал его земляк и соученик А. Одынец по случаю кончины А. Сузина в 1880 году³. Благодаря этому в обзорах описаний путешествий, составленных на польском языке, и в биографических словарях авторство А. Сузина в отношении этих воспоминаний всегда отмечалось.

Свой рассказ Сузин начал с описания пути в степь. Из Оренбурга дорога лежала в Илецкую Защиту, где он посетил шахты, в

¹ ГАОрО, ф. 6, оп. 18, д. 26, л. 5 об.

² ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 62, д. 988, 15 л.

³ А. S(uzin). Wycieczka w stepy Kirgizkie odbyta w 1834 roku.— Kronika rodzinna, 1871, N 17-20, 22-24; Odyniec A. E. Suzin A.—Tygodnik ilustrowany, 1880, t. 9, N 215, s. 81-82.

которых добывались каменная соль и алебастр, и Буранный форпост, расположенный от Илецкой Защиты в сорока верстах.

После этого предстояло переправиться через реку Илек и проехать еще пятьдесят верст к кочевью Бай-Мухаммеда. Казалось бы, путь не такой уж далекий, однако А. Сузин попал в совершенно иной мир.

2 июня 1834 г. наш земляк в сопровождении шести казаков отправился из Буранного форпоста в степь. В ту пору она была яркой и многокрасочной. В пути А. Сузин и сопровождавший его урядник взяли встречного казаха в проводники, но тот сам хорошо не знал, где расположена ставка султана. Ехали наугад. В одном из аулов попросили кумыса — особым образом заквашенного кобыльего молока, известного своими лечебными свойствами, но неожиданно услышали ответ:

— Кумыс джок (кумыса нет).

Пасущиеся поодаль кобылицы убеждали А. Сузина в том, что ответ ложен. Путешественник удивился такому приему, так как знал, что характерной чертой казахов было гостеприимство, и понял, что «причиной этой невежливости были вооруженные длинными пиками казаки, на которых киргизы (казахи — В. Г.) поглядывали искоса и недоверчиво».

Под вечер показалось несколько аулов. К которому ехать? Присмотревшись, в одном из них увидели белые юрты казацких офицеров, находившихся при султани, направились туда через речку Утву (иначе ее называли Чунгуртай). Не доезжая аула, встретили султана Бай-Мухаммеда и его родственника султана Махмуда в сопровождении нескольких пожилых казахов. В облике их было больше монголоидных черт — прямые черные волосы, черные, слегка раскосые глаза, небольшой нос, довольно широкие скулы, коренастая фигура.

Султану тогда было сорок три года. Бай-Мухаммед неплохо говорил по-русски. Он поздоровался с А. Сузиным и сопровождавшими его казаками. Каждого султан назвал по имени, расспрашивал, согласно степному обычаю, о подробностях их семейной жизни. Позже А. Сузин убедился, что не только Бай-Мухаммед, но и другие казахи отличались тонкой наблюдательностью, выработавшейся веками в условиях кочевой жизни, когда нужно было запомнить каждого встречного в степи, уметь по едва уловимым приметам выбрать правильное направление, запомнить характер пастбищ, предвидеть изменение погоды. А правителю память и наблюдательность нужны были особые, поскольку в условиях бытовавших среди

казахов обычаев военной демократии невнимание к тому или иному воину могло того обидеть.

Рослый, со склонностью к полноте султан был одет в голубой халат, небольшую барашковую шапку поверх шелковой тюбетейки и зеленые сафьяновые сапоги.

Когда подъехали к юрте султана, ее хозяин и А. Сузин слезли с лошадей. Султан снова пожал руку гостю и повел его к своей юрте. Для них из юрты вынесли два раскладных табурета. Казахи уселись вокруг на коврах. Юрта султана имела деревянный остов, состоявший из двенадцати складывающихся решеток, которые образовывали стенки. К их верхним перекрестиям привязывались семьдесят жердей купольного перекрытия, на которые опирался центральный обод. Стены и купол юрты были устроены из войлока.

Юрта султана отличалась от других, пожалуй, только размерами и белыми кошами. Внутри была богато украшена настенными орнаментированными войлоками, на полу лежали белые войлочные ковры с вваленным и нашитым узором из черной и красной шерсти. Напротив дверей у стены один на другом были нагромождены сундуки, тюки, кожаные матрацы и подушки. Справа от двери, за полотняной занавеской сидели женщины, скорее всего султанша с дочерьми, которые время от времени сверкая любопытными черными глазами давали знать о своем присутствии.

А. Сузин сообщил султану о том, что прислан к нему из Оренбурга с поручением, о котором хотел бы поговорить с ним завтра после того, как отдохнет после непривычного путешествия.

— Что до себя,— добавил наш земляк,— я рад возможности познакомиться с Вашей султанской милостью, пожить некоторое время в Вашей ауле и попить кумыс, который врачи посоветовали мне как единственное средство для поправки моего слабого здоровья.

— А говорили ли врачи,— спросил Бай-Мухаммед,— что лучше всего есть при лечении кумысом?

— По их мнению, здоровее всего баранину.

— Хорошо, но какая именно баранина?

— Признаться, я специально не спрашивал их об этом.

— Вот то-то, мы лучше, чем врачи знаем это. И за кумыс сразу браться не стоит; понемногу привыкать надо, иначе кумыс может повредить, потому-то я вам в первые дни не советую пить много кумыса.

Тем временем тюленгут султана взбалтывал деревянной ложкой «белый нектар» — кумыс в большой кожаной миске, чтобы сделать его лучшим для употребления. Султану и гостю поднесли напиток. Зная

обычаи казахов, А. Сузин отказался взять первым преддосужденный стакан, и увидел, что султану это понравилось. После чего наш земляк, постившийся целый день, с наслаждением выпил кумыс. Гости отвели отдохнуть с дороги в отдельную юрту, а через некоторое время пригласили к султану на чай. В крепкий чай добавляли густых сливок и подавали кусочки кислого теста, варенные в сале — баурсаки. Трапеза завершилась, А. Сузин вернулся к себе. Переполненный впечатлениями, он долго засыпал на непривычной для него кошме.

В своих воспоминаниях наш земляк не касался поручения, которое он выполнял у султана, а отчет о поездке в Оренбургском архиве не был обнаружен. Однако можно установить по другим данным, что А. Сузин со своим поручением справился.

Бай-Мухаммед отличался в высокой степени дипломатическим даром. Автор биографической статьи об этом султанине в дореволюционном «Энциклопедическом словаре» панегирически писал о том, что «миролюбивый от природы Б(ай)-Мухаммед много содействовал умиротворению киргизов (казахов — В. Г.), удерживал от хищнических набегов на нашу линию, возвращал захваченный ими скот и неоднократно освобождал русск(их) пленников. Он убедил киргизов (казахов — В. Г.) возобновить древний, забытый сугум (подать — В. Г.) и добровольно вносить ежегодно по 1 руб. 50 коп. с кибитки (юрты — В. Г.), кибиточный сбор этот предназначался исключительно на нужды киргизов (казахов — В. Г.). Б(ай)-Мухаммед первый подал киргизам (казахам — В. Г.) пример оседлой жизни, устроив для себя при реке Илеке дом, при котором предполагал учредить и земледельческое училище; он также покровительствовал торговле». За верную службу царь произвел в 1847 г. Бай-Мухаммеда в генерал-майоры.

И было за что: он сделал все, чтобы избавиться от руководителя антифеодального и антиколониального восстания 1836-1837 годов в Западном Казахстане поэта-импровизатора Махамбета Утемисова. После поражения восстания М. Утемисов на землях Малого жуза сделал ряд безуспешных попыток вновь поднять массы на борьбу. По повелению Бай-Мухаммеда был убит.

Сохраняя верность царизму, Бай-Мухаммед тем не менее вел самостоятельные переговоры с хивинским ханом. Когда в 1837 г. хивинский посол возвращался из Оренбурга домой через кочевья Младшего жуза, султан поручил одному из своих подчиненных съездить вместе с тем в Хиву.

Вечером того дня, когда А. Сузин посетил Бай-Мухаммеда, тот устроил прием в честь другого своего гостя — султана Иртеня Кара-

таева. Бай-Мухаммед усадил справа от себя Иртена, а А. Сузина — слева, как дорогих гостей. В юрту заходили званые и незваные гости, здоровались за руку с хозяином и рассаживались соответственно своему социальному положению полукругом. «У казахов такой обычай,— писал А. Сузин,— что никому нельзя запретить заходить в юрту». Всего собралось около сорока человек.

А. Сузин заметил, что казахи простого происхождения в беседе с султанами называли их не по имени. Обращаясь к ним, казахи употребляли слово «таксыр». Приветствуя или выражая благодарность султану, они обращались со словом «аддияр», приложив обе руки к груди.

Тюленгуты разносили в больших мисках кумыс, а хозяин и султан Иртен, выпив первыми по стакану напитка, стали угощать гостей, передавали им фарфоровые пиалы. Гости приближались к ним на коленях, чтобы принять чашу. Затем на большом подносе разносили крепкий чай в чайниках, «совсем как у нас», заметил А. Сузин. Гостям подали тазы с водой, чтобы те вымыли руки. Затем около сидящих разостлали цветастые скатерти. Тюленгуты разнесли деревянные блюда с нарезанной тонкими ломтями печенкой, отваренной с бараньим салом, сырокопченой колбасой из конины — казы, жаркое из печени, легкого и мяса — куардак. Но венцом стола был бешбармак — сваренная в бульоне баранина.

А. Сузин уже знал, что бешбармак в переводе означает «пять пальцев», потому что это блюдо было принято есть руками. Большое блюдо с бешбармаком поставили перед хозяином и его главными гостями. Голову барана преподнесли Иртеиу, который отрезал уши и подал их молодым мужчинам, а затем отрезал от головы небольшие кусочки мяса и раздал их. Бай-Мухаммед и Иртен приглашали сидевших далеко гостей, угощали их, клали им в рот лучшие куски мяса, чтобы этим проявить уважение. Приглашаемые подползали к ним на коленях.

Бешбармак запивали сорпой — крепким бульоном, который подавали в больших пиалах.

После еды присутствующие снова вымыли руки. Подали кумыс, который А. Сузин назвал — «единственным напитком моих кочующих друзей, заменяющим им горячительные напитки, с той разницей, что, обладая их хорошими свойствами, кумыс не вызывает тех вредных последствий, которые поражают наших цивилизованных европейцев, избыточно употребляющих их». Путешественник хвалил конину, которой его угощали.

Во все время обеда не прекращалась оживленная беседа между присутствующими.

На следующий день А. Сузин бродил вдоль речки Утвы. Он собирал травы для гербария. Заходил в юрты, с помощью переводчика беседовал с казахами и казашками. Мужчины были одеты в широкие белые рубахи, узкие безрукавки или кафтаны с рукавами и широкие шаровары. Голову покрывала остроконечная войлочная шапка. В отличие от других народов, исповедовавших мусульманскую религию, женщины пользовались у казахов значительной свободой, не закрывали лица перед посторонними. А. Сузин отмечал, что одежда султанши и ее дочерей не отличалась от одежды простых женщин: они были одеты в широкие цветные платья из хлопчатобумажной ткани, бархатные жилеты и собранные у щиколотки шаровары. Казашки украшали себя бусами, серьгами и браслетами, на голове носили шапочки с султаном из перьев филина или высокие тюрбаны. Обувались они в мягкие сапожки «ичиги». Одежда девочек украшалась нашитыми монетами, в косы вплетались ленточки также с нашитыми на них монетами.

Вскоре султан и его аул откочевали в другое место, дальше к юго-востоку. Их сопровождали две сотни казаков. Вслед за ними поехал и А. Сузин. Затем кочевники отправились к местности Будурты, в пятнадцать километрах от Озерного форпоста пограничной линии.

А. Сузин записывал и заучивал чаще всего употребляемые казахские выражения. Это дало путешественнику возможность лучше познакомиться с нравами и обычаями казахов.

Письмоводитель султана Минчирака — татарин с неожиданно русской фамилией Богданов рассказал А. Сузину о красоте казахских песен, которые, по его словам, были лучше татарских и башкирских. Эти песни наш земляк услышал на казахской свадьбе, на которую он поехал вместе с султаном Манбетом. Жених рассказал гостям, что уже семь лет как обручился со своей невестой. За это время он заплатил калым: сорок баранов, пять лошадей, несколько коров и двух верблюдов

— У вас, — сказал он А. Сузину, — гораздо лучший обычай; нет таких расходов, и человек так долго не мучится.

Вскоре отец невесты — местный старшина пригласил А. Сузина и Манбета пообедать. В честь их приезда закололи барана. В юрте наш земляк увидел нарядно одетую невесту. На ней был шелковый халат, подбитый перьями фазана, с меховой опушкой, высокий головной убор, вышитое покрывало.

Гостей угощали кумысом, в это время двое молодых казахов пели попеременно «короткие строфы, как пастухи в эклогах Вергилия», отмечал А. Сузин, воспитанный на античной литературе. О казахских исполнителях песен А. Сузин писал: «Доляшо быть, они вели между

собой спор, и слушатели шумным смехом и громким повторением некоторых пропетых выражений подбадривали то одного, то другого».

Судя по этому описанию, ссыльный филомат был свидетелем так называемого айтыса — состязания акынов (поэтов-импровизаторов). Участники айтыса должны были уметь быстро и выразительно дать ответ сопернику.

После акынов двое музыкантов играли на музыкальных инструментах, которые, по словам А. Сузина, назывались «чибузга» (скорее всего это был кобыз — двухструнный смычковый музыкальный инструмент) или «друмла». Музыкант, игравший на «чибузге», после каждого отрывка добавлял какое-то слово, подытоживая мысль, выраженную музыкой.

На следующее утро А. Сузин и Манбет поехали в соседний аул, в котором в связи со свадьбой были устроены спортивные состязания. Интерес зрителей вызвали скачки на приз — «байга», борьба двух силачей — «курес», поединок двух всадников, пытавшихся свалить друг друга с седла — «сайю», борьба между всадниками, старавшимися вырвать друг у друга убитого козленка — «кокпар». Молодежь участвовала и игре «кыз-куу» («догони девушку») — парень и девушка скакали наперегонки. Если обгоняла девушка, она била парня плетью, а если обгонял парень — он целовал девушку. Долго разъезжались после состязаний возбужденные зрители, горячо обсуждая результаты игр.

На этом опубликованные записки А. Сузина кончались. Как мы убедились, наш земляк был внимательным наблюдателем и сумел донести до читателей своеобразие жизни казахов.

Выполнив поручение Пограничной комиссии, А. Сузин вернулся в Оренбург, продолжал службу. Летом 1837 г. ему было разрешено вернуться домой. Об обстоятельствах дальнейшей жизни А. Сузина его биографы не распространялись. В Центральном государственном историческом архиве СССР удалось обнаружить документы, рассказывающие об интересном эпизоде из жизни А. Сузина после возвращения.¹ Он поехал в имение своего друга графа К. Ходкевича в Млынов на Вольни, привез подарки от их общего приятеля Я. Виткевича — сувениры из Афганистана, где Виткевич был с дипломатическим поручением.

С января 1838 г. А. Сузин был гувернером у племянников К. Ходкевича.

Но злоключения бывшего филомата не кончились. Летом 1838 г. по Вольни, Белоруссии и Литве прокатилась волна арестов.

¹ ЦГИА СССР, ф. 470, оп. 1, д. 159, 1838 г., на 58 л.; д. 160, 1838 г., 57 л.

Жандармы арестовывали людей по подозрению в участии в подпольной организации «Содружество польского народа», возглавляемой революционером Ш. Конарским (об этом подробнее см. главу «На краю тайги»).

20 июля 1838 г. А. Сузина арестовали в имении К. Ходкевича, перевезли в близлежащий город Луцк, а затем — в Киевскую крепость, спустя несколько дней доставили в Вильно в следственную комиссию. После рассмотрения дела А. Сузина комиссия пришла к заключению: «Хотя дворянин Адам Сузин в принадлежности к демократическому обществу не сделал признания, но признавая его как имевшего связи с злоумышленниками и проживавшего по бессрочному и незаконному письменному виду, не токмо сомнительным, но по отысканным письмам подозрительным, препроводить оного на кошт самого его, к господину Киевскому военному генерал-губернатору Бибикову на дальнейшее его высокопревосходительства благоусмотрение и распоряжение согласно данному нам от 20 июля за № 1506 предписанию об отсылке Сузина за строгим надзором по переводимым правам в Киев».

Долго сидел А. Сузин под стражей в казематах Киевской крепости, пока 5 февраля 1839 г. секретная комиссия не предложила генерал-губернатору освободить его от ареста за неимением улик и разрешить отправиться на место жительства с учреждением за ним строгого полицейского надзора.

Сведения о дальнейшей жизни А. Сузина скудны.

Третий признанный руководитель филоматов Ян Чечот был сослан на Урал вместе с Т. Заном и А. Сузиным.

Согласно документу, обнаруженному в деле «О дворянстве Чечотов» в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде, он родился 17 июля 1796 г. в застенке (шляхетском поселении) Малющицы Новогрудского уезда (ныне Малюшичи Кореличского района Гродненской области) в семье мелкого дворянина, арендовавшего чужие имения. Учился он в доминиканской школе в Новогрудке вместе с Адамом Мицкевичем, вместе с ним в 1815 году поступил в Виленский университет.

Это о них вспоминал на склоне лет их земляк и соученик Игнат Домейко: «Двое наших учеников новогрудской школы с малых лет хорошо знали наш литовский (белорусский — В. Г.) народ, полюбили его песни, прониклись его духом и поэзией (...), чему, видимо, способствовало и то, что небольшое местечко Новогрудок мало отличалось от наших деревень и застенков. Школьная жизнь была, по сути, сельской. Друзья ходили по ярмаркам, бывали на крестьянских

свадьбах, дожинках и похоронах. Еще в школе бедная крыша и народная песня зажгли в груди друзей первое поэтическое вдохновение...»

Из-за недостатка денег Я. Чечот проучился в Виленском университете только год и вынужден был поступить работать. Он не порывал связи со своими друзьями по университету и активно участвовал в подпольных обществах. Записывал белорусские песни и был известен сочинением песен по их образцу.

Поэт заявлял: «Ни просвещение страны, ни земледелие не могут двигаться вперед быстрым шагом, пока не будет уничтожено самое позорное, укорененное многими столетиями и предрассудками препятствие — неволя крестьян, столь противоречащая естественному праву, здравому рассудку и даже частым расчетам на прибыли, приводящая в стыд людские сердца, ибо является не оправдывающей усилий для стольких нуждающихся в помощи и ужасной с точки зрения ближних».

Мысли Я. Чечота почти совпадали со сходными мыслями преддекабристских организаций: Союза благоденствия и Общества соединенных славян. Выдвижение на первый план программы моральных преобразований человечества было главной, определяющей чертой всех просветительских конспираций того времени в Российской империи, во Франции, Германии. Однако Я. Чечот и другие в отличие от своих западноевропейских единомышленников воспринимали уравниательные идеи с позиций антифеодальной борьбы собственной страны. В одном из своих трактатов Я. Чечот говорил о необходимости введения конституции и представительного правления: «Счастье народа зависит в равной степени как от сознательности граждан, так и от доброты правительства. Не могут быть добрыми граждане там, где плохое правительство. Настоящее правительство там, где благо народа зависит не от воли, каприза и насилия одного, а от общественных советов».

В 1823 году, когда начались аресты филоматов, был арестован и Я. Чечот. Во время следствия он предвидел печальную судьбу и свою, и своих друзей. Однажды в заключении поэт запел пророчески песню, которую сам сочинил:

— Да летят, летят да дикие гуси,
Да нас повезут до далекой Руси.

Сослали Я. Чечота в Кизил (ныне Кизильское, на крайнем юге Челябинской области). Здесь он провел полгода в тюрьме, а затем его перевели в Уфу. В документах, обнаруженных в Центральном государственном архиве Башкирской АССР в Уфе и в Оренбургском

архиве, встречаются сведения о пребывании Я. Чечота в Уфе под надзором полиции.

В деле «О лицах, состоящих под надзором полиции» за 1827 год есть запись: «Иван Чечот в городе Уфе занимается учением языков». 2 мая ему позволили служить в канцелярии губернатора.¹

В «Ведомости о состоящих под надзором полиции в городе Уфе за майскую треть сего 1830 года» имеется запись: «студент Иван Фадеев сын Чечот, переименованный в канцеляриста прошлого 1828 года июля 14 дня, находится на квартире и продолжает слушание в канцелярии господина Оренбургского гражданского губернатора, занимается письмоводством и от казны уже содержания никакого не имеет, а получает соответственно трудам жалованье.»²

Я. Чечот собирал этнографические и фольклорные материалы и в ссылке. Часть из них он пересылал своему другу по университету, филомату, видному монголоведу Осипу Ковалевскому в Казань. Эти материалы погибли во время разорения варшавской квартиры О. Ковалевского в 1863 г. Об этом О. Ковалевский с горечью писал на склоне лет востоковеду В. В. Григорьеву в письме, обнаруженном в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде: «И эта пачка писем (Чечота), около 200 листов, во время разгрома моего имущества в Варшаве пропала без вести. Тяжело, тяжело об этом писать».³

Согласно делу «О доставлении ведомостей о лицах, состоящих под надзором полиции в Оренбургской губернии 6 сентября 1830 года» Я. Чечот был «освобожден из-под надзора полиции с тем, дабы он не возвращался на жительство в присоединенные от Польши к России губернии, но имел свое пребывание и продолжал службу во внутренних России губерниях».

Сообщавший об этом в Оренбург графу В. А. Перовскому оренбургский гражданский губернатор Дебу добавлял в письме из Уфы от 17 ноября 1832 г.: «А потому он, Чечот, пользуясь сим дозволением и отправился из города Уфы в том же году в столичный город Москву, где он намерен был продолжать службу, и ныне, как мне известно, находится в Твери».⁴

Спустя год Чечоту разрешили перевестись в Лепель в управление инженеров Березинского канала. В 1841 г. он смог переехать на

¹ ГАОрО, ф. 6, оп. 18, д. 26, л. 14.

² ЦГА ВАССР, ф. 6, оп. 1, д. 39, л. 6-7, 21; д. 40 (то же), л. 11-12, 75-76, 109, 144-145, 214-215, 270-272; д. 59, л. 87-88; ГАОрО, ф. 6, оп. 4, д. 10106, л. 33-33 об.

³ ОРК ГПБ, архив И. В. Помяловского, к. 16, л. 1 об.

⁴ ГАОрО, ф. 6, оп. 4, д. 10106, л. 33-33 об.

Новогрудчину, где работал библиотекарем в богатой библиотеке графа Хрептовича в имении Щорсы.

И. Домейко вспоминал на склоне лет, когда посетил Великую Долматовщину: «Ян Чечот прояшл три года в этом самом домике. Со времени своего приезда он был всегда одинаков: спокойный, говоривший немного, строгий по отношению к себе и к другим, но в то же время приветливый, привлекающий к себе детей и трудолюбивый, обучал детей хозяина и его родственников грамматике, истории и т. д. На третий год пребывания у Великой Долматовщине здоровье Я. Чечота ухудшилось. С трудом его уговорили, чтобы он прибегнул к минеральным водам, потому что лекарства ему уже не помогали. Он дал себя вывезти в Друскеники и там закончил свою тяжелую жизнь».

Тяжелая болезнь подтачивала физические силы поэта, но не могла подточить его душевные силы, сломить его волю. Он продолжал главное дело своей жизни — изучал белорусское народное творчество.

В Щорсах Чечот начал, а в Великой Долматовщине продолжил издание пяти сборников белорусских народных песен в переводе на польский язык (только в последнем сборнике песни приведены в оригинальном белорусском звучании). Чечот опубликовал более тысячи песен, чем положил начало белорусской фольклористике. Наряду с обрядовыми и семейными в сборник попали и антикрепостнические песни. Последний сборник увидел свет в 1846 году.

Умер Чечот 11 августа 1847 года в Друскениках (ныне Друскининкай Литовской ССР) в крайней бедности. Друзья похоронили его в селении Ротница (ныне Ратнича под Друскининкаем), где и сейчас можно видеть надгробие на могиле поэта.

Имя Яна Чечота — поэта и революционера — как и имя его друга А. Мицкевича навсегда вошло в белорусскую культуру.

ДРУГ СТЕПНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Полтора века назад один молодой человек писал из бурятской юрты своему брату в далекий Петербург: «На дворе буря не умолкала; порывистые ветры уносят с собою громады снега к цепи гор, идущей по берегу р(еки) Селенги. Мои окна, подобно китайским, заклеены бумагою, едва не вылетают, и я, сидя у маленькой печи, застывающими от холода чернилами пишу к тебе сии строки, разостлав на полу медвежью шкуру и обвязав шею ходаками (священными полотенцами), я чуть дышу и собственным дыханием моим согреваю для тебя замерзшие чернила. Живу здесь среди добрых бурятов, всегда готовых помочь в моих научных занятиях. С ними читаю, разговариваю, а свободное время провожу в блисайших кочевьях..., на молебнах или дружеских беседах... Мой скромный стол не закрыт для степных гостей, с которыми делюсь куском хлеба, лопаткой баранины и чашкой чая». Исследователь так писал о своих беседах с бурятами: «Для разнообразия и из нужды завязывался разговор; что-нибудь скажешь и что-нибудь услышишь..., у кого-нибудь вырвется из уст новое слово или поймаешь новый оборот, выражение и вбросишь в свой дорожный мешок со словарем».

В письме под названием «Игры в бурятских степях» путешественник писал о том, как импровизатор пел в его честь только что сложенную песню, и заключал: «Сегодня под ясным небом южной Сибири, среди бурятской долины, породненный с кочевниками языком, проникнутый характером их местности, живу интересами моих собеседников».

Этим «породненным» с бурятами человеком был исследователь бурятского и монгольского языков Осип (Юзеф-Щепан) Михайлович Ковалевский — в будущем признанный «отцом отечественного монголоведения».

Родился О. М. Ковалевский 28 декабря 1800 (9 января 1801) г. в селении Большая Берестовица под Гродно в семье униатского священника, происходившего из мелкопоместной шляхты.¹ Как известно, в Белоруссии униаты были православными, но признавали власть римского папы.

¹ Биографические сведения об О. М. Ковалевском см. в соч.: Kotwicz W. Jozef Kowalewski, orientalista polski (1801—1878). Wr., 1948, s. 208; Шам о в Г. Ф. Профессор О. М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Каз., 1983. ,113 е.; Мальдзіс А. След, пакінугы жыццём.— Беларусь, 1978, № 6, с. 28; Грицкевич В. Породненный с кочевниками.— Байкал, 1974, № 5, с. 139-144; Грыцкевіч В. Удалечыні ад бацькаўшчы.шп Маладосць, 1977, № 4, с. 176-183.

В 1808 г. Ковалевского отдали в Гродненскую губернскую гимназию, размещавшуюся в местечке Свислочь. Здесь он проучился до конца 1817 г., а после окончания гимназии поступил в Виленский университет и учился там за государственный счет.

Когда в конце 1817 г. было основано тайное Общество филоматов, О. М. Ковалевский не остался в стороне. 25 ноября 1817 г. по предложению Адама Мицкевича его приняли в Общество филоматов девятым по счету членом и сразу же избрали секретарем, а позже председателем первого отделения (литературы и моральных дисциплин). Он выступал с докладами на собраниях отделения около двадцати раз. Когда филоматы создали «Союз друзей», им руководил О. М. Ковалевский. Он был также председателем «Голубого союза» (звена) Общества филаретов.

В 1821 г. О. М. Ковалевский по окончании университета получил степень кандидата философии, был определен заместителем преподавателя словесности в местную гимназию, переводил произведения античных философов и поэтов (в том числе трактат Лонгина «О высоком» и шесть книг «Метаморфоз» Овидия). Ему прочили в будущем успешную карьеру ученого и педагога. Однако жизнь внесла свои поправки в планы О. М. Ковалевского.

Описывая в поэме «Дяды» свое пребывание во время следствия по делу филоматов в стенах базилианского монастыря, А. Мицкевич вывел своего друга О. М. Ковалевского в образе Юзефа.

В своем рапорте от 13 мая 1824 г. цесаревичу Константину Павловичу попечитель Виленского учебного округа Н. Н. Новосильцев писал, будто бы еще до следствия О. М. Ковалевский и двое его друзей «объявили желание обучаться восточным языкам, с намерением вступить в службу по иностранной коллегии». «О них,— продолжал Н. Н. Новосильцев,— полагаю я в особенности, что можно будет снести с г. Министром духовных дел и просвещения, для отправления их в Казанский университет, где могут они усовершенствовать себя по преднамеренной ими цели».¹

14 августа 1824 г. царский указ определил наказание О. М. Ковалевскому и еще девяти его товарищам: высылка во внутренние губернии Российской империи. О. М. Ковалевский и двое его друзей были направлены в Казанский университет в ссылку под предлогом изучения там восточных языков. В октябре 1824 г. они покинули Вильно, а в декабре прибыли в Казань. Накануне их приезда тогдашний попечитель Казанского учебного округа, известный реакционер М. А.

¹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 62, д. 699, л. 2, 15.

Магницкий обязал власти местного университета установить «строжайший за ними надзор». Поселили О. М. Ковалевского и его друзей на квартире инспектора студентов, которому этот надзор и поручили.

Со всем упорством принялся молодой исследователь за изучение тюркских и арабского языков, выучил татарский язык, стал составлять русско-татарский словарь, написал историю Казанского ханства.

В город у впадения Камы в Волгу наш земляк попал тогда, когда в противовес клике М. А. Магницкого начинал свою деятельность в университете передовой ученый, математик Н. И. Лобачевский. Он стал ректором в 1827 г.— после того, как проворовавшийся попечитель учебного округа был изгнан из Казани. Попечителем учебного округа в это время стал статский советник М. Н. МусинПушкин. Он поддерживал передовые начинания ректора. Н. И. Лобачевский решительно взялся за укрепление кафедр университета. При философском факультете был создан восточный разряд с шестью востоковедческими кафедрами, во главе которых стояли крупнейшие ученые страны. В учебном заведении было решено открыть кафедру монгольского языка. Дело было новое. Ректор поручил О. М. Ковалевскому и студенту А. В. Попову отправиться в Иркутск для обучения монгольскому языку.

26 мая 1828 г. коляска увозила О. М. Ковалевского и А. В. Попова из Казани, а в июле того же года в Иркутске их гостеприимно встречал опытный монголовед-практик А. В. Игумнов. В дальнейшем он помогал молодым людям усваивать неизвестный им язык, давал свои рукописи и книги.

В начале 1829 г. О. М. Ковалевскому удалось побывать в центре северной Монголии — Урге (ныне Улан-Батор). После возвращения в Иркутск вместе с А. В. Игумновым и А. В. Поповым он ездил по всей Бурятии «для практических упрояснений в монгольском языке». 20 марта 1829 г. они отправились в Верхнеудинск (ныне УланУдэ). Посетив Чжагалутайские храмы, казанские исследователи (А. В. Игумнов из-за болезни с ними не поехал) прибыли в Гусиноозерский дацан (буддийский монастырь) — в резиденцию главы бурятского ламаистского духовенства с титулом бандидо-хамбо-ламы Данцзан Гавана.

Монголоеды побывали в главных гусиноозерских храмах, откуда отправились к бурятам Хоринского округа — вдоль реки Уды, затем в Агинский округ — вдоль реки Онон и вернулись в Верхнеудинск, проведя в путешествии год.

О. М. Ковалевский помещал свои отчеты, путевые заметки и письма в журналах и газетах Казани, Петербурга, Москвы и Парияса. О бурятах и их стране тогда было известно не так уж много —

преимущественно из описаний путешественников, которые чаще всего изображали жителей этого края дикарями без культуры и традиций. Наш земляк, как и его современники — декабристы, относился к ним не как посторонний наблюдатель, а как друг, стремящийся понять, чем живет этот народ, в чем его особенность.

Без всякого предубеждения, характерного для некоторых его современников, О. М. Ковалевский описывал внешность бурят: «Нередко встречаются лица довольно приятные и благородные; женский пол от природы не лишен прелестей и пленяющего взора. Может быть, не одна бы бурятская девица способна не последнее место занять между красавицами европейскими».

В одном из неизданных дневников, обнаруженных нами в рукописном отделе Вильнюсского университета, О. М. Ковалевский описал праздничный наряд буряток: «Женщины отличались богатством своих нарядов и статностью быстрых иноходцев под красивыми коврами и седлами, осыпанными маржаном¹ в серебряной оправе. Четыре черных косы, как тушь, отпущенные по две в ряд, струятся на румяных ланитах, отягощенные дорогим убором розовых кораллов, а две подобных — вдоль по стану под плоскими перлами и разноцветными шелками... Потупленный взор иногда обращают они на спутников с милой улыбкою простоты и откровенности».²

О. М. Ковалевский, как и другие филоматы, находился под влиянием теории «естественного права» французского мыслителя XVIII в. Ж.-Ж. Руссо. По этой теории на заре своего существования человечество находилось в естественном состоянии с присущими ему свободой и равенством в общественных отношениях. Но с появлением частной собственности и образованием государства «естественные» отношения уступили место неравенству, которое достигает наивысшего развития при деспотическом правлении.

Поэтому среди описаний ученым бурятского быта попадаются утверждения, вроде следующего: «Здесь жители в полной гармонии с природой». Или: «Образ жизни у бурят очень простой, совершенно противоположный нашему... Бурят... дышит чистым воздухом; необмежеванные степи и дикие горы составляют единственное его удовольствие».

Но вместе с тем путешественник отчетливо видел социальное неравенство среди этих людей: «Между бурятами отличить можно четыре класса народа: 1) чиновники, почти на правах дворянства; 2)

¹ Маржан — бусы из черного смолистого вещества.

² ОР БВГУ, ф. Ковалевского, (№ 11), д. 3, л. 152-153.

казачье войско, содержащееся на своем иждивении, освобожденное от податей; 3) духовенство штатное, свободное от податей, и сверхкомплектное; 4) простолюдины, кои платят подати за себя и чиновников, содержат многочисленное духовенство. Чиновники по своему произволу налагают на них количество податей, разделяют пастьбища не по числу душ, а по числу скота. Духовенство, наводняющее страну, несообразно с числом прихожан, содержится коштом их; а честолюбие чиновников еще более угнетает этот несчастный народ...».

Неудивительно, что буряты старались избегать встреч с чиновниками, вымогавшими у них деньги и овец: «Лишь только увидит он (бурят — В. Г.) приезжающего иностранца, тем более чиновника, немедленно скрывается в ущельях гор. Отчего это происходит? Легко отгадать».

Своему учителю по гимназии Я. Крусиньскому исследователь позднее сообщал, как ему приходилось изучать «языки, которые не имели ни грамматики, ни словаря, хотя обладают чрезвычайно богатой литературой. Каждое выражение надо было вырывать из уст яшвого (человека — В. Г.), оценить его, перевести и со всем филологическим аппаратом поместить в словарь. Надо было составить грамматику и научиться всем диалектам живого языка в степях, дремучих лесах без дороги, забираться на скалы, чтобы найти кочевья, и в закопченных юртах искать людей; знакомиться с ламами, ездить с ними на богослужения в святыни и монастыри, везде добывать что-то полезное для себя и переписывать старинные рукописи, корпеть над ними день и ночь. Тем временем, обривши голову и закутавшись в монгольский халат, я должен был довольствоваться тарелкой так называемого кирпичного чая (с бараньим салом и молоком) и куском печеной на огне баранины без хлеба и соли. Сколько же месяцев я должен был спать на обледеневшей земле, засыпанной снегом, среди верблюдов и оленей! Разве можно на этом листке тонкой бумаги перечислить все печальные и веселые приключения?»

Путешественник писал о физической закалке бурят, об остроте их зрения, способности ориентироваться в бескрайних степях с поразительной для европейца легкостью. Он подчеркивал чистоту нравов этого народа: «Буряты, женись в молодых годах, не подвергаются сильным порывам любви и разврата; в беседах не употребляют слов неприличных. Язык их даже включает в себе очень мало нескромных и ругательных слов».

Ученый с удовлетворением отмечал благотворное влияние русских на ведение хозяйства бурят, их культуру — устройство деревянных домов, опрятность и чистоту в жилище, земледельческие навыки.

Биограф О. М. Ковалевского — Г. Ф. Шамо́в, изучив отчеты, статьи и письма ученого, пришел к справедливому выводу, что тот уже в 1829 г. добился больших успехов в изучении монгольского языка и сделал ряд глубоких наблюдений над материальной и духовной культурой бурят и эвенков Забайкалья.

В 1830 г. должна была произойти смена состава русской духовной миссии в Пекине. Еще по договору начала XVIII в. несколько православных миссионеров допускались в закрытую от взора европейцев Поднебесную империю — Китай. Раз в десятилетие состав миссии обновлялся.

Как тут было не попытаться проникнуть в таинственную страну? О. М. Ковалевский попросил попечителя Казанского учебного округа ходатайствовать перед Министерством иностранных дел и Святейшим Синодом, чтобы его прикомандировали в качестве письмоводителя к приставу, сопровождавшему одиннадцатую духовную миссию¹.

Целый год: с 30 августа 1830 г. по 3 сентября 1831 г. О. М. Ковалевский провел в Монголии и Китае. 11-я духовная миссия, которую он сопровождал, была необычной. Вместе с миссией под видом казачьих урядников в Китай направлялись еще трое русских ученых, чья поездка держалась в секрете. Поэтому после публикации статьи О. М. Ковалевского на русском языке о поездке в Ургу в газетах «Санкт-петербургские ведомости» и «Московские ведомости» было запрещено дальнейшее печатание дневников, поскольку раскрывало эту тайну.

...И вот обоз миновал Ургу и пустился в дальнейший путь по Внешней Монголии или Халхе (ныне Монгольская Народная республика). О. М. Ковалевский так писал о тяжелом положении народных масс Монголии: в урочище Холхой «кроме коз в малом числе, никакого скотоводства... не встречаем. Истощенные и оборванные монголы с семьями своими проводят плачевную жизнь, не надеясь никогда ничего лучшего видеть. Толпы их беспрестанно окружают нас, чтобы получить несколько сухарей или кусок баранины... В другой юрте с жадностью дети бросились на несколько русских сухарей. Не было здесь ни молока, ни сыра; один

¹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 40, д. 318, л. 51-59.

черный кирпичный чай служил вместо воды и пищи. Жители же почти наги».¹

Исследователь видел причину обнищания монгольского народа в политике правящей маньчжурской династии, в злоупотреблениях чиновников и в произволе лам. Он подчеркивал, что маньчжурско-китайские власти мешали развитию в стране земледелия, ремесел и торговли, опасаясь того, чтобы «степной житель с течением времени не мог образоваться и подкрепить свои силы. Истощенный дикий зверь делается ручным!» Монгольские чиновники во всем помогали чужеземным завоевателям: «И ныне чиновник монгол, пресмыкающийся пред каждым маньчжуром за ничтожное жалованье и преимущества, ему дарованные повелителем, сделался тираном своих подчиненных».

В начале ноября 1830 г. караван миссии уже приближался к Великой Китайской стене — границе собственно Китая. Он двигался по южной части Монголии — Чахару, ныне входящей в состав Внутренней Монголии — автономной провинции КНР. Населявшие здесь места чахарские монголы, в отличие от монголов Халхи, были уравнены в правах с завоевателями Китая и Монголии — маньчжурами и, как и те, несли воинскую повинность. Одеты они были лучше халхасцев.

5 ноября караван двинулся в дальнейший путь по направлению к собственно Китаю. О. М. Ковалевский отмечал различие между этими двумя краями и естественную границу между ними, которая находилась в нескольких десятках верст к северу от Пекина. 18 ноября 1830 г. караван миссии прибыл в предместье Пекина. Востоковед с теплотой отзывался о трудолюбивых китайских крестьянах и ремесленниках: «После пустоты степей, как очаровывает вежливый, прилежный и опрятный деревенский китаец!»

Несмотря на свое трудолюбие, китайский народ был нищ: «Возле великолепных, золотом украшенных зданий стоят лачужки, логовища бедных. За колесницею богатейшего вельможы, окруженного толпою хорошо одетых всадников, влекутся полчища бесприютных нищих, без рубища, со всклокоченными волосами, покрытых струпьями и грязью», — сообщал О. М. Ковалевский 7 мая 1832 г. в Казань. Об этом же он писал в своем путевом дневнике: «При всем блеске богатств Китая, Пекин преисполнен нищих, которые в рубищах отвратительных или полунагие различными средствами, насилем даже, отыскивают для себя милостыню».

¹ ЦГА ТАССР, ф. 10, № 843, л. 165, 181 (впервые опубликовано Г. Ф. Щамовым).

Путешественник отмечал, что обнищавшие слои китайского населения часто голодали: «Засухи и наводнения часто навещают Китай. Вспомоществование из запасных житниц, переходя через многих чиновников, почти исчезает пред глазами полумертвого крестьянина... В столице Китая, родители (хотя и редко, но) умерщвляют детей своих для уменьшения семейства и облегчения средств пропитания».

Исследователь подчеркивал тяжесть наказаний в китайском суде, осуждал взяточничество и преступления властей: «Горе невинному, подвергнутому суду какому-либо в Китае. Ужаснейшие пытки и нищета его ожидают. Огромные колодки надеваются на него, руки и ноги подсудимого, подрезывают ему подошвы, раскаленным железом или горячею водою испытывают терпение несчастного, лишают его сна и пищи... Нужно ли говорить о наказаниях публичных, законом определяемых, отсечение головы считается благодеянием для преступника. Изрезать тело в части на разных местах города, принадлежит к числу бесчеловечных казней... Китай есть царство взяток, где низший старшему без всяких отговорок обязан платить тяжкую дань за свою целость и спокойствие... Желтопоясные (члены царской фамилии — В. Г.) пользуясь еще милостями, узаконенными государем, нередко находятся в числе преступников, заключаемых в тюрьмах».

В упадке Китая путешественник обвинил его маньчжурских властителей, их разложение и корыстолюбие. Войско было вооружено луками и саблями, фитильными ружьями и старинными пушками. Исследователь писал о Маньчжурской империи: «Нельзя не удивляться, что сие древнее колоссальное здание, снаружи несколько украшенное пестротою, закрывающею все внутренние недостатки, дряхлость, до сего времени еще существует».

В столице Китая О. М. Ковалевский собирал книги и рукописи на восточных языках. Впоследствии он привез в Казань 189 сочинений в 1433 томах, словарей, книг на монгольском, тибетском, китайском, маньчжурском языках по истории, философии, богословию, праву; коллекции костюмов, картин, монет и т. д.

Своим знанием монгольского языка ученый заслужил доверие Минджул Гэгэна, главы основной религии монголов и бурят — ламаизма. Секретарь Минджул Гэгэна по поручению своего начальника три месяца занимался с нашим земляком монгольским языком. Это позволило О. М. Ковалевскому на обратном пути через Монголию служить для своих спутников переводчиком.

Члены сменной одиннадцатой русской духовной миссии отправились в невскую столицу, а казанский адъютант остался в Забай-

кале продолжать изучение языка местных жителей. В 1832 г. он совершил новую поездку по Бурятии. Судя по косвенным данным, именно к этой поездке относится знакомство путешественника с сосланными в Забайкалье декабристами. В его записной книжке появляются автографы декабристов С. П. Трубецкого, С. Г. Волконского, Е. П. Оболенского, В. А. Давыдова, С. Г. Батенькова и еще девяти других.

В начале 1832 г. О. М. Ковалевский снова побывал у Гусиного озера. В его долине он посетил интересное празднество — освящение каменного столпа «обо». Ученый сравнил религиозные праздники бурят с олимпийскими играми у греков, так как в забайкальской степи во время праздника происходили спортивные и поэтические состязания и конные скачки.

Ученый сближался не только с простыми скотоводами — он должен был входить в контакт и с ламами, поскольку те, в силу обстоятельств, были основными носителями книжных знаний среди бурят и монголов. Наш земляк выступал против тунеядства и аморальности большинства лам, предлагал ограничить их власть.

О. М. Ковалевский выступал за немедленное просвещение бурятского народа, которое уже, по его мнению, «начинает действовать на ум и сердце чад степных». Он предлагал расширить приходское училище при Селенгинской бурятской думе (управлении бурятами). С его участием в Троицкосавске в 1833 г. была создана русскомонгольская школа для детей русских и бурятских казаков. Исследователь составил «Проект положения» об этой школе,¹ организовал запись бурятских хроник, известных иод названием «Бичихан — записки о происхождении селенгинцев, хоринцев, тункинцев и прочее, с легендами» (на монгольском языке) и переписку местных летописей и книг. Поэтому закономерна признательность к нему со стороны бурят. 25 сентября 1832 г. восемнадцать бурятских родов преподнесли ему письменную благодарность за успехи в изучении бурятского языка, совершенное знание монгольских книг, искусство, проявленное им при «переводе оных на российский язык и за ласковость в обращении».

Большое значение О. М. Ковалевский придавал народному творчеству — собирал предания и песни бурят. Обо всем этом он писал в отчете Совету Казанского университета: «Хорошему расположению ко мне бурят я обязан настоящим собранием (около сорока) песен, сочиненных в честь бурхансв, в похвалу белому царю и

¹ АВ ЛО ИВАН, ф. 29, оп. 1, № 25, л. 1—7; ЦГА ТАССР, ф. 92, д. 4251, л. 1 -13 (впервые выявлено Г. Ф. Шамовым); ЦГИА СССС', ф. 733, он. 21, д. 184, 67 л.; ОР ВГУ, ф. 11, д. 3, л. 146 146.

степным витязям, отличившимся в скачке или борьбе. Это •—• суть единственные литературные произведения наших монголо-бурят».

О. М. Ковалевский подчеркивал популярность среди бурятского народа героического эпоса «Гэсэр» и улигеров — «повестей о воплощениях различных богов, о героях, коих слава наполнила десять стран света, об остроумных юношах». Ученый отмечал хорошую память бурят: «Для бурята довольно один раз услышать песню или повесть в стихах, чтобы ее повторить».

И вот настало, время отъезда из Бурятии. 14 марта 1833 г. О. М. Ковалевский и А. В. Попов были в Казани, а вскоре поехали в Петербург, чтобы у них проверили знание монгольского языка. Весьма требовательный монголовед академик Я. И. Шмидт не стал принимать экзамен, ограничился беседой. Он 9 июня 1833 г. писал попечителю Казанского учебного округа: «Мне остается только поздравить Казанский университет и отечество с приобретением выходящих из недр одного и другого двух молодых людей, подающих необыкновенные надежды к успешному ходу на почти вовсе новом и довольно трудном ученом поприще».

25 июля 1833 г. Министерство просвещения распорядилось учредить в Казанском университете кафедру монгольского языка во главе с О. М. Ковалевским, с которого был, наконец, снят надзор. 11 сентября того же года он впервые в учебных заведениях Европы начал преподавать монгольский язык.

Спустя год адъюнкт О. М. Ковалевский был избран экстраординарным, а в августе 1837 г.— ординарным профессором монгольского языка. Его занятия со студентами были увлекательными, но готовиться к этим занятиям воспитанникам ученого было трудно: не было общедоступных монгольских учебников, словарей, печатных текстов. Поэтому исследователь издал подготовленную им еще во время странствий по Азии «Краткую грамматику монгольского книжного языка» (1835), затем «Монгольскую хрестоматию» в двух томах (1836-1837). Поскольку наборщиков, знавших монгольский язык, в Казани не было, ученый сам набирал текст своих книг.

Российская Академия наук дважды отмечала труды ученого полной Демидовской премией, а 4 декабря 1837 г. избрала его своим членом-корреспондентом. Через десять лет О. М. Ковалевского избрали и в академики. Но когда список новых академиков дошел до Николая I, тот вычеркнул ученого из этого списка по политическим соображениям.

В 1840 г. О. М. Ковалевский становится действительным членом Общества истории и древностей российских при Московском универ-

ситете, затем его избирают почетным членом Азиатских обществ в Париже и Лондоне. Немецкие востоковеды начинают использовать книги О. М. Ковалевского для изучения монгольского языка.

Несмотря на отдаленность Казани от Забайкалья, ученый продолжал поддерживать связи с представителями этого края — с бурятским общественным деятелем, корреспондентом Вольного экономического общества Тугултуром Тобоевым, с историками-краеведами М. А. Зензиновым и его племянником И. А. Юренским, поэтом Д. П. Давыдовым — автором стихотворения «Думы беглеца на Байкале», которое легло в основу популярной песни — «Славное море — священный Байкал», и другими.¹ Ученый воспитал первого бурятского ученого востоковеда Доржи Банзарова, имя которого сейчас носит Бурятский педагогический институт в Улан-Удэ.

8 апреля 1845 г. М. А. Зензинов благодарил О. М. Ковалевского за содействие в просвещении бурят: «В особенности трогает меня ваше благородное, патриотическое содействие в отношении образования детей кочующих. Я не могу приискать даже слов, чтобы достойным образом благодарить вас за это».

Работая в Казани, ученый заложил основы научного монголоведения в России. Главным трудом его был трехтомный «Монгольско-русско-французский словарь» (1844-4849), который не потерял своего значения и сейчас. Написал он также «Сравнительную грамматику монголо-порко-финскую», «Опыт монгольской семантики», погибшие, к сожалению, в 1863 г. Его рукопись «Опыт монгольского корнеслова», долго остававшаяся неизвестной, попала впоследствии в Улан-Удэ и была обнаружена только в 1947 г. Другая рукопись О. М. Ковалевского «История монголов» в двух томах хранится в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР.

О проведенных в странствиях годах рассказывают дневники ученого, по частям обнаруженные нами в рукописном отделе библиотеки Вильнюсского университета, Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Часть путевых заметок и дневников, правда, увидела свет в публикациях Казанского университета и польской газете «Тыгодник Петербурски», выходящей в столице. Конечно, это была вынужденная и половинчатая мера. В Белоруссии не было возможности печатать что-либо подобное. Кроме тощих «Губерн-

¹ ОР БАГУ, ф. О. Ковалевского, пишем № I, ни сьма № 1-7, 12, 38-78, 220.

ских ведомостей», носивших сугубо официальный характер, периодические издания здесь не выходили.

Большой заслугой ученого было введение в научный оборот множества неизвестных до того монгольских источников. Немало сделал он и для улучшения работы Казанского университета. Востоковед несколько раз избирали деканом философского факультета университета, а в 1844 г. назначили одновременно и директором Второй казанской гимназии, а также управляющим школами Казанской губернии.

Когда в 1854 г. сменивший И. Лобачевского ректор университета астроном И. М. Симонов тяжело заболел, О. М. Ковалевскому поручили исполнять обязанности ректора. На утверждение его в этой должности не давал согласия министр просвещения, не забывавший о том, за что Ковалевского сослали в Поволжье. И все же новый попечитель учебного округа В. П. Молоствов добился того, что император Николай I 3 мая 1855 г. дал согласие на назначение знаменитого востоковеда ректором.

Шли годы. В стране нарастали революционные выступления, углублялся политический кризис. Студенты Казанского университета не оставались в стороне. Новый ректор не предотвратил волнения среди студентов университета и был уволен с должности ректора.

Только в 1862 г. О. М. Ковалевский вернулся к преподавательской деятельности. Его пригласили на должность профессора всеобщей истории в Варшавскую Главную Школу (с 1869 — университет). На беду ученый перевез часть своего архива в Варшаву накануне восстания 1863 г.

19 сентября 1863 г. мимо дома, в котором жил ученый, проезжал царский наместник граф Ф. Ф. Берг, известный своими расправами с подпольщиками и повстанцами. Из окна здания в сатрапа полетела бомба. Уцелевший от возмездия граф приказал сжечь дом. Казаки выполнили приказ.

О. М. Ковалевский умолял, чтобы пощадили его богатый архив, и частично его удалось спасти. Но большая часть архива и библиотека исчезли в огне, как и фортепиано Ф. Шопена, которое хранила жившая в этом же доме сестра прославленного композитора. Это была четвертая по счету потеря О. М. Ковалевского: в 1812 г. имущество разграбили наполеоновские солдаты в местечке Свислочи; спустя одиннадцать лет рукописи пострадали во время новосильцевского следствия; переводы истории Геродота и «Параллельных жизнеописаний» Плутарха пропали со смертью одного из виленских друзей, приехавших вместе с ним в Казань,— именно ему были переданы на

хранение рукописи при отъезде в Забайкалье; о потере же 1863 года ученый с горечью писал востоковеду В. В. Григорьеву в Петербург.

Ученый скоропостижно скончался 9 октября 1878 г.— спустя полгода после того, как был отмечен пятидесятилетний юбилей его научной и педагогической деятельности. О. М. Ковалевский и в зрелом возрасте душой оставался с друзьями молодости. В письме одному из них он признавал в 1856 г.: «...Часто делаю отчет перед своей совестью, чтобы все сосчитать, что сделал на этой земле. Впрочем, ты нашел бы меня таким же, каким ты меня видел двадцать три года тому назад».

...В одной из записных книжек ученого, хранящихся в рукописном отделе Вильнюсского университета, обнаружен двадцать первый по счету список известного письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю, а вместе с ним — выписки из журнала «Современник» эпохи Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, из статей А. И. Герцена и Н. П. Огарева в «Колоколе». Вспомним, что подданные его величества за чтение запрещенной литературы подвергались преследованиям.

Исследовательница филоматского поколения Алина Витковская, отмечала, что О. М. Ковалевский «сохранился как классический человек века Просвещения». Он прожил исключительно трудную, полную лишений и утрат жизнь, но никогда не изменил идеалам своей молодости, не потерял веры в торжество справедливости, в победу разума над невежеством. Все свои силы, знания, опыт он отдал развитию отечественного востоковедения и образования в целом.

ПО КАЗАХСТАНУ

В мае 1846 г. в сибирский город Омск прибыл посол казахского рода уйсунув Большого Жуза Мауке. От имени пяти племен Жуза он просил власти принять их в русское подданство, чтобы избежать притязаний султана Кенесары на главенство над уйсунами. Султан потребовал, чтобы уйсуну прекратили торговлю и всякие другие связи с «урусами» (русскими). А в степи хорошо знали, как скор на расправу с непокорными султан Кенесары.

По просьбе уйсунув к ним была направлена экспедиция под командованием генерала Н. Ф. Вишневецкого. В июне 1846 г. она пересекла солончаки и пески и спустилась в долину реки Лепсы. Здесь, в урочище Ой-Джайлау был подписан окончательный договор о переходе уйсунув в русское подданство.

Экспедицию сопровождал чиновник Адольф Янушкевич. До этой поездки путешественник дважды выезжал в казахские степи, участвовал в переписи населения и скота. В Омск А. Янушкевич вернулся спустя пять месяцев. В пути он вел дневник и писал письма к родным в Белоруссию, откуда был родом.

Дневник и письма А. Янушкевича были дважды изданы — в Париже (1861) и Берлине (1875)¹ Уже 28 сентября 1863 г. Иван Сергеевич Тургенев откликнулся на первое их издание в своем письме из Баден-Бадена в Россию к своему лучшему другу критику П. В. Анненкову: «Узнайте, пожалуйста, (это очень нужно) не были ли переведены с польского и помещены в каком-либо журнале «Письма с Киргизской степи» Адольфа Янушкевича». Исследователи предполагают, что великий писатель сам хотел переводить или редактировать эту книгу.

Однако русский перевод этой интересной книги вышел только столетие спустя. Его сделала и издала в 1966 г. в Алма-Ате литературовед Фаина Ивановна Стеклова. В 1979 г. там же вышел перевод этого издания на казахский язык, сделанный М. Сарсекеевым². Благодаря этому советский читатель познакомился с ярким описанием путешествия нашего земляка по малоизвестному тогда Казахстану. Книга А. Янушкевича и сейчас имеет успех,

¹ Żywot Adolfa Januszkiewicza i jego listy ze stepów kirgizkich. P., 1861, tt. 1-2; 2-e wydanie: B., 1875, tt. 1-2.

² Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966; Янушкевич А. Кунделіктер мен хаттар немесе Казак даласына жасалган саяхат туралы жазбалар. Орыс тілінен аударған Мукаш Сарсекеев. Алматы, 1979. 272 с.

поскольку в ней как на старинной фотографии запечатлен быт и обычаи казахов тех времен.

Имя Адольфа Янушкевича обычно упоминают биографы двух поэтов — Адама Мицкевича и Александра Одоевского. Большинство комментаторов поэмы Мицкевича «Дзяды» считает, что в ее третьей части в сцене в варшавском салоне А. Янушкевич выведен под именем Адольфа,

Как свидетельствует обнаруженный в одном из ленинградских архивов документ, А. Янушкевич родился 28 мая 1803 года в Несвиже в шляхетской семье¹. Отец его, межевой судья Михаил Янушкевич, в войске Речи Посполитой был подполковником, а мать Текля Соколовская приходилась Тадеушу Костюшко близкой родственницей.

Детство Адольфа Янушкевича прошло в имении Уово около Копыля. Учился он вместе со своим братом Евстахием в школе доминиканцев в Несвиже. Одним из их учителей был Михаил Зелёнко (см. о нем в главе «Ташкараган ищет золото»). Позже А. Янушкевич переехал к дяде в деревню Красное на Подолье, с 1819 г. учился в Виницкой гимназии. В 1821-1823 гг. А. Янушкевич — студент литературного факультета Виленского университета, член «Голубого (литературного) отделения» филоматов. В 1823-1824 гг. находился под следствием, после окончания которого уехал в Каменец-Подольск.

Весною 1829 г. А. Янушкевич едет лечиться за границу в Карлсбад (Карловы Вары), затем в Италию, Германию, Францию. В Риме он встретил А. Мицкевича, с которым был знаком еще в университетские годы. Стоксовавшийся по родине поэт сдружился со своим земляком.

В сентябре 1830 г. А. Янушкевич вернулся на родину. При первом известии о народно-освободительном восстании против царизма, он поехал в Литву, а оттуда пробрался в Варшаву, где был членом комитета по организации легиона Литвы, Волыни, Подолья и Украины. Когда был создан повстанческий Литовско-Волынский легион, А. Янушкевич внес в его кассу тысячу золотых и бриллиантовый перстень, позже стал адъютантом командира легиона.

В начале апреля 1831 г. А. Янушкевич под Мацеёвицами во время патрулирования был ранен и взят в плен. Пленника выслали по этапу в Вятку, оттуда в Киев и бросили в тюрьму.

¹ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 34, д. 2581, л. 75-77 об. О А. Янушкевиче см. также ст.: Грицкевич В. Польский друг декабристов. (Название статьи дано редакцией журнала вопреки воле автора. Оригинальное название этой статьи: «Белорусский друг декабристов». ссыльный революционер иронически называл царских чиновников, объезжавших казахские степи с целью личного обогащения.) — Сибирские огни, 1973, № 7, с. 189-192.

Ф. И. Стеклова случайно обнаружила в архиве III отделения интересный документ, в котором управляющий Главным штабом граф А. И. Чернышев писал: «Усмотрев из препровожденных ко мне от вашего высокопревосходительства списков польских пленных, собранных в Вятку, что в числе их находится подпоручик Адольф Юлиан Янушкевич, который будучи российским подданным и жителем Подольской губернии в январе 1831 года отправился в Варшаву и добровольно вступил в ряды мятежников,— я истребовал от него через флигель-адъютанта Тренера дополнительно о происхождении его показание. По соображении всех обстоятельств до сего Янушкевича относящихся, открывается, что он тот самый, который писал еще из Варшавы в Вильно родному брату своему Евстафию, сообщая ему самые дерзкие суждения о нашей армии и превознося похвалами мятежников...»

В ходе следствия А. Янушкевич гордо заявил: «Как поступил, так поступил, рассудив, добровольно, исходя из неизменного убеждения». Военно-полевой трибунал приговорил 4 марта 1832 года А. Янушкевича к повешению, но главнокомандующий генерал Д. Е. Остен-Сакен решил, «лишив носимого звания и дворянского достоинства, сослать его в Сибирь на поселение».

В мае 1832 г. А. Янушкевич прибыл в Тобольск, откуда в декабре 1833 г. его выслали в деревню Желяково, отсюда в сентябре 1835 г. был переведен на поселение в Ишим. Он надеялся на лучшее, был полон сил, переводил «Историю завоевания норманнами» О. Тьерри, читал русские и иностранные журналы, которые передавались из рук в руки ссыльными.

Известно, что Янушкевич очень много читал. «Не было ни одного из самых известных и наиболее важных произведений, которое не прошло бы через его руки. Некоторые читал по многу раз, иные — в первый и последний. К некоторым делал примечания, которые показывают, какой имел он богатый запас ранее полученных знаний, как постоянно старался узнать больше», — так писал о нем первый его биограф Феликс Вротновский.

В Ишим спустя одиннадцать месяцев перевели из Забайкалья поэта-декабриста Александра Ивановича Одоевского. К этому времени всей мыслящей России был известен его стихотворный ответ А. С. Пушкину. Строка из этого ответа: «Из искры возгорится пламя» стала впоследствии эпиграфом к первой пролетарской газете «Искра».

Долгое время два стихотворения А. Одоевского, созданные в Ишиме, были зашифрованы посвящениями «Я-у». Первое из них

носило такое посвящение: «Я-у, разделившему со мною ветку с могилы Лауры».

Поэт писал в нем:

В странах, где сочны лозы виноградные...
Ты был!.. — принес пылливый посох странника
Туда, где бьет Воклюзский ключ...
Где ж встретил я тебя, теперь изгнанника?
В степях, в краю снегов и туч!
И что же осталось в память сердца южного?
Одну лишь ветку ты хранил
С могилы Лауры — поаный чувства дружного
И ту со мною разделил.

А. Одоевский призывал своего друга:

Так будем же печальями заветными
Делиться здесь, в отчизне вьюг,
И крыльями, для мира незаметными:
Перелетать на чудный юг.

Поначалу таинственного «Я-у» пытались расшифровать как «Якушкин» — так звали одного из декабристов, а в газете «Гражданин» (1873 г., № 49), было даже рассказано о том, при каких обстоятельствах кипарисовая ветка с могилы Лауры (ей посвящено стихотворение «В странах, где сочны лозы виноградные...») была подарена Якушкиным поэту. Однако Якушкин был сослан не в Ишим, а в Ялуторовск, и никогда не был на юге Франции, где была похоронена возлюбленная поэта Ф. Петрарки Лаура.

Но вот товарищ Одоевского А. Е. Розен издал в 1883 г. первое собрание сочинений А. И. Одоевского, и все стало на свои места. Таинственный «Я-у», которому были посвящены оба стихотворения, оказался Адольфом Янушкевичем.

Объяснение А. Е. Розена относительно «Я-у» — Янушкевича подтвердил в своих записках и другой курганский ссыльный декабрист Н. И. Лорер, который писал, что в Ишиме, А. И. Одоевский «сошелся с одним из поселенцев ... Янушкевичем, очень образованным человеком, много путешествовавшим, сдружился с ним, полюбил, и они были неразлучны».

Другое стихотворение А. Одоевского от 3 октября 1836 г. Посвященное тому же «Я-у», передавшему привет от курганских товарищей, то есть декабристов, звучало так:

Ты знаешь их, кого я так любил,
С кем черную годину я делил...
Ты знаешь их! Как я, ты жал им руку
И передал мне дружный разговор

Душе моей знакомый с давних пор
И я опять внимал родному звуку,
Казалось, был на родине моей,
Опять в кругу союзников — друзей...

И в этом стихотворении поэт явно отделяет «Я-у» от себя и от своих друзей-декабристов, находившихся в курганской ссылке. Янушкевич упоминал в одном из своих писем, что в сентябре 1836 г. он действительно ездил лечиться на небольшое соленое озеро: «принял еще двадцать восемь ванн в соседнем с Ишимом озере... народ называет его «горьким озером» и при всех болезнях и ранениях прибегает к его воде». В Курганской области и теперь есть курорт Горькое Озеро. А. Янушкевич не мог не воспользоваться случаем и не заехать в Курган, где были сосланные участники восстания 1830-1831 гг. — друзья Янушкевича и декабристы — друзья А. Одоевского: М. Г. Нарышкин, М. И. Лорер, А. Е. Розен и другие. А. Е. Розен называет фамилии живших в Кургане, сообщая, что «кроме товарищей моих жили в Кургане несколько ссыльных поляков за восстание в 1830 году: Важинский, Раевский, (князь) Воронецкий...». А Н. И. Лорер в воспоминаниях говорит: «Скоро после нашего водворения в Кургане были присланы туда же несколько поляков... Мы с ними познакомились и сошлись.» Воронецкий перед тем долго жил в Ишиме вместе с А. Янушкевичем. Все эти подробности дополняют представления о той обстановке, в которой прозвучали стихи А. И. Одоевского, посвященные нашему земляку.

Корни дружбы А. Одоевского и А. Янушкевича глубоки: вспомним связи филomата М. Рукевича с рускими офицерами Литовского корпуса, сорвавшими в Браньске присягу на верность Николаю I. В тюрьме Петровского завода в Бурятии А. Одоевский откликнулся стихотворением на известие о восстании 1830-1831 гг., где подчеркивал, что повстанцы отслужили молебен в память о повешенных царем пяти декабристах.

Впервые обстоятельства дружбы А. Янушкевича и А. Одоевского описал польский литературовед Рафал Блут в варшавской газете «Вядомосьци литератке» августа 1926 г.¹, первый биограф нашего земляка Феликс Вротновский, издавший в XIX веке письма и дневники А. Янушкевича, о дружбе двух революционеров не сказал ни слова.

¹ R. Bliith. Dekabrysta Odojewskij a Polska.— Wiadomości literackie, 1926, Sierpnia, 1, № 31 (135); С Т Е К Л О в а Ф. И. А. И. Одоевский и Адольф Янушкевич.— Сов. славяноведение, 1968, № 3, с. 58—62.

Через некоторое время пути друзей разошлись: поэта в августе 1837 года направили служить солдатом на Кавказ, где спустя два года он умер от малярии. А. Янушкевич остался в Сибири. Царь каждый раз вычеркивал его имя из списков лиц, подлежащих помилованию.

В августе 1841 г. А. Янушкевича перевели в Омск, где он поступил на службу в окружной суд, а с января 1842 г.— в «Пограничное управление сибирскими киргизами», в июле 1842 г. перевели секретарем в «Комитет по уложению киргизских законов»¹.

А. Янушкевич вспоминал свою первую поездку в Казахстан: «Я преодолевал огромные горы, покрытые лесами и заселенными медведями, маралами, лосями и оленями; ...переправлялся вплавь через речки без мостов, никому не известные в Европе, а над их берегами впервые за двенадцать лет слышал милое пение соловья; ... видел киргизские (казахские — В. Г.) племена, кочующие в количестве тысяч и более юрт, на пространстве каких-нибудь двадцати пяти или тридцати верст, усеянных косяками коней, верблюдов, баранов и рогатого скота чудесной красоты; ... встречал купеческие караваны, шедшие из Ташкента и Коканда, стада сайгаков, диких коней, которых называют куланами; ... наконец, вынужден был лететь узкой степной дорогой сквозь пламя горящей вокруг степи... Разве это менее интересно, чем вид немецких полей, засеянных картошкой, или неаполитанских лаццарони (босяков — В. Г.), поедавших макарон? Тут я нигде не видел ни стебля ржи, ни заборов, всюду пространство без границ».

Больше всего впечатлений у А. Янушкевича осталось от его последнего путешествия летом 1846 г. Из Омска экспедиция, которую сопровождал А. Янушкевич, двинулась на юго-восток — в Семипалатинск, последний городок на границе с казахской степью. В Семипалатинске, построенном на развалинах старинной джунгарской крепости, по словам А. Янушкевича, «киргизский (казахский — В. Г.) язык употреблялся почти всеми. Даже прекрасная половина русского населения бегло говорит на нем, как наши дамы пофранцузски».

Путешественники миновали озеро КараванКоль. В урочище Как А. Янушкевич и его спутник В. Ивашевич разбирали дело волостного правителя Бийсеке и богатого казаха Койчубая, который претендовал на должность правителя. Во время разбора дела, по словам нашего земляка, «каждую минуту выступали ораторы, и некоторые из этих степных демосфенов захватывали своими выразительными и

¹ ЦГИА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 1750, л. 2, 5; д. 4174, л. 824-827; д. 867, л. 2-20 об.; д. 1415, л. 3-6, 14-17; д. 58, л. 1-5.

полными энергии речами. Старшина Тоукумбай и сам Бийсеке сгибались бы под тяжестью лавров, живи они в Древней Греции или Риме...» В ответ Койчубаю, который хвалился тем, что его знают царские чиновники, Бийсеке гордо бросил: «Обнимайся, братайся со своими полковниками, генералами, князьями; я киргиз (казах — В. Г.) и хочу им быть всегда».

Вскоре путешественники прибыли в окружной центр Среднего Жуза Аягуз. Здесь им пришлось составлять решение суда биев по поводу аренды казахских урочищ Аркат и Альджан узбекскими скотоводами.

А. Янушкевич познакомился с султаном племени найманов Бараком и бием Кунанбаем Ускенбаевым — отцом будущего поэта Абая Кунанбаева. Барака А. Янушкевич называл «степным Геркулесом» с выдающимися умственными способностями, сильным характером и неукротимым мужеством, человеком величественной осанки, необыкновенной силы, с благородными чертами лица. Своей фигурой и лицом Барак напоминал ему старых гетманов Запорожья. Автор писем считал султана найманов воспитанным в рыцарских обычаях подобно европейскому барону феодальной эпохи: не было никого, кто лучше его стрелял из лука, быстрее укрощал дикого жеребца, поднимал большой камень. Байга — «этот киргизский (казахский — В. Г.) турнир», по словам путешественника, охота и барымта¹ далеко разносили славу Барака. Во главе своих дружин он неоднократно разбивал превосходящие отряды противника. Набеги Барака, по мнению путешественника напоминали налеты шотландских горцев на равнины и прославили имя Барака в народной поэзии, как имена шотландских героев в романах Вальтера Скотта.

Барак рассказывал, как был однажды в городе Чугучак, в отличие от своих товарищей, не упал перед китайским комендантом на колени, а ограничился тем, что положил руку на сердце в знак приветствия. Комендант приказал молодому казаху пасть на колени, но Барак отказался, и тогда «чурчут» (китаец) оказал султану уважительный прием. «Вот в слабой обрисовке байронический образ, образ мужа со всеми зародышами, мощного духа, способного подчинить своей воле массы и принуждать их выполнять свои цели», — заканчивает А. Янушкевич свою похвалу казахскому батыру.

¹ Барымта — экономическая месть у кочевых народов в период феодализма. В случае отказа обидчика возместить ущерб потерпевшему последний совершал барымту — вооруженный набег для захвата имущества и отгона скота. Барымта обычно присуждалась по суду бая.

«Не менее большей знаменитостью в степи», по словам А. Янушкевича, был бий Кунанбай, сын простого казаха, «наделенный от природы здравым рассудком, удивительной памятью и речью, дельный» человек. А. Янушкевич сравнивал его с дворянским деятелем французской революции Мирабо. Беглое знакомство путешественника с Кунанбаем вызвало некоторую идеализацию этого бия, которого современники рисуют жестоким и коварным. Любопытно, что в своих письмах путешественник упоминал о маленьком сыне Кунанбая, которого он помог лечить. Судя по всему А. Янушкевич лечил именно будущего великого казахского поэта Абая. О султанине Большой Орды Али А. Янушкевич отзывался так: «Али проявил во время совещания большой ум, красноречие, опыт и такт. Виктор (Ивашкевич — В. Г.) и Бурхан рассказывают, что не слышали никого из киргизов (казахов — В. Г.), кто бы говорил лучше». Свободолюбие казахов и их южных соседей киргизов, которые расправились с деспотичным султаном Кенесары, наш земляк подчеркивал и в своих дневниках, и в письме другу по ссылке П. Цеилииёкому, где и характеризовал киргизов так: «...В их сердцах горит огонь мужества, достойный героев страны маратхов¹. У этого народа нет вообще султанов; родами их руководят выборные манапы. Во время войны наиболее способный и решительный из манапов, избранный всем народом и имеющий диктаторскую власть возглавляет общее выступление... Кодекс их наказаний строг. Настоящее название этого народа «киргизы». Один из манапов Бурунбай, прислал недавно просьбу к России об опеке». Напомним, что киргизов тогда неверно называли «кара-киргизами», но А. Янушкевич приводит настоящее название этого народа.

В. Ивашкевич и А. Янушкевич присутствовали на празднике в честь выборов старшего султана Аягуского округа Буленя и его заместителя Барака. Во время праздника А. Янушкевич услышал народных певцов оленши — «трубадуров, бардов степи, великих поэтов, импровизации которых, как и талант исполнения, часто встречаемый у киргизов (казахов — В. Г.) великолепно свидетельствует о больших умственных способностях этого народа».

Песни оленши, по словам А. Янушкевича, пеперенесли его «в средние века, ибо там только, под каменными сводами готического замка, какого-нибудь владетельного барона, пирующего среди своих вассалов, я мог бы найти то, чему был свидетелем сегодня, под

¹ Маратхи — народ на западном побережье Индостанского полуострова, князья которых завоевали в XVIII веке значительную часть Индии.

войлочной крышей киргизской (казахской — В. Г.) юрты». Сперва выступил оленши Орынбай — «молодой менестрель, красивый, с черными усами и быстрыми глазами». Он ударил «по струнам своей неблагодарной бренчалки, и смелым, мужественным, полным приятной гармонии голосом начал импровизировать».

В конце импровизации Орынбая на середину юрты вышел оленши — Джанай, пожелавший соперничать с ним: «Немая тишина вновь объяла юрту. Как на Олимпийских играх, два поэта состязались между собой. Едва один выстрелит строфой, другой сразу же отстреливается; первый смело нападал, другой мастерски защищался; страсть у обоих все время усиливалась и разжигала острую борьбу; это было захватывающее зрелище!»

Джанай упрекал соперника: «Ты прославлял наших султанов, потому, что любишь их халаты и коней, а я никому не люблю льстить, как несчастный мусапир (ниций — В. Г.)... Почему ты не прославляешь наших отцов, наших предков, что когда-то жили в нашей степи?, а знаешь ли ты, чем была степь в давние времена? Кем был киргиз (казах — В. Г.) во время хана Аблая?.. и т. д.» А. Янушкевич записал о состоянии: «Действительно, это было что-то прекрасное, раз и я, не зная языка, был под большим впечатлением».

Позже А. Янушкевич слушал песни жившей в Кереевской волости молодой женщины-импровизатора Джазык, слепой от рождения. Джазык с удовольствием пела ему свои песни. В песне «АлаТау денсу», посвященной пребыванию рода поэтессы в горах, она рассказывала о свободной жизни казахов в Каркаралинских степях, откуда их вытеснил Джамантай — «этот ненасытный богатствами корыстолюбец». Род Джазык перекочевал в Алатау — «печальную страну изгнания», но тоска по родным местам принудила кочевников вернуться.

А. Янушкевич писал о пении Джазык: «Нас немало заинтересовал ее талант. Все ее песни и импровизации рифмованные. В ней видна большая легкость владения своим языком, а в голосе слышится какая-то чудесная чувствительность, свойственная только женщине. Я слушал ее с волнением, которого мне не доставило бы пение самой знаменитой примадонны».

Здесь в казахской степи А. Янушкевич писал: «Я все более убеждаюсь в том, что у киргизов (казахов — В. Г.) большие умственные способности. Что за легкость речи! Как умеет каждый объяснить свое дело и умело отвести обвинения противника! Даже у детей разум очень быстро развивается. Сегодня, когда я был занят работой, один мальчик, сын местного богатея, все время сидел около меня и заглядывал в книгу. Мне было интересно, чем это закончится;

наконец он попросил у меня перо и что-то написал по-татарски, чтобы показать, что и он умеет писать».

В другом месте путешественник отмечал: «Нас удивила память одного киргиза (казаха — В. Г.), который продиктовал более ста коров и ни разу не ошибся, что показала сверка с записанной цифрой в реестре последней ревизии». Гимном казахскому народу звучат его слова в письме к брату о соревновании акынов: «И все это слышу я своими ушами в степи, среди народа, который мир считает диким и варварским! Несколько дней тому назад я был свидетелем столкновения между двумя враждующими партиями и с удивлением рукоплескал ораторам, которые никогда не слышали о Демосфене и Цицероне; а сегодня передо мной выступают поэты, не умеющие ни читать, ни писать, однако поражающие меня своими талантами, ибо песни их так много говорят моей душе и сердцу. И это дикие варвары? И это народ, которому вовек предназначено быть только никчемными пастухами, лишенными всякого иного будущего?»

13 июня экспедиция Н. Вишневого двинулась из Аягуза по дороге в Чугучак берегом реки Нарын. А. Янушкевич сожалел, что караван отдалялся от реки Аягузки, у которой находилась могила степных Ромео и Джульетты — Козы-Корпеша и Баян-Слу. На третий день пути путешественники увидели одновременно Тарбагатайские горы и Алатау.

Караван обошел камышовые дебри и вышел прямо к озеру Алаколь. А. Янушкевич пишет о первом своем впечатлении: «Какое захватывающее зрелище: весь наш отряд воскликнул хором в восхищении. Есть ли что-нибудь более великолепное на свете? Можно ли представить себе в воображении более монументальное? Перед нами зеркало вод, не объемлемых оком, ранее не виданное, заслоненное непроходимой чащей камышей, охраняемое от любопытства путешественника страшной пастью тигра море киргизов — Алаколь! Над его волнами, дрожащими в огне лучей солнца, возвышается гордо один остров, на плечах своих несущих дикую, мрачную остроко-нечную гору — это Арал-Тобе. Слева, в сумеречной дали величественные колоссы Тарбагатая, справа — достигающая небес хрустальная стена вечных льдов Алатау: это рамы пейзажа! А надо всей этой пустыней и суши, и воды, прозрачная, ясная голубизна неба... Было время, когда я с вершин Апеннин смотрел одновременно на два моря: это действительно величественная картина и мое сердце чувствовало это; но мне кажется, что если бы я взлетел даже на самую высокую вершину Кордильер на крыльях кондора и оттуда каждым взглядом бы увидел у своих ног по одному океану, я не почувствовал бы

столько, стоя здесь, на небольшом взгорье* и видя вокруг себя такие пустыни, перед собой такие воды, рядом такие горы, а над собой такое небо!»

Экспедиция двинулась через безводную пустыню Дала. Тяжелый путь протянулся на семьдесят верст. Люди ехали через солончаки и пески под палящим июньским солнцем. На пятый день экспедиция стала подниматься в горы и въехала в долину реки Чинжалы. 18 июня она спустилась в долину реки «Пенсы и стала лагерем в долине Ой-Джайлау. За шесть дней караван прошел от Аягуза 342 версты.

Долина Ой-Джайлау была прекрасной. А. Янушкевич писал о ней матери: «Чтобы дать Вам представление о несравненной красоте этого места, я скажу, что если бы даже я пришел сюда из Омска пешком, то не пожалел бы о затраченном труде. Ни один король в свете не живет в такой прекрасной, романтической местности, как наш киргиз (казах — В. Г.)). Но и здесь путешественник тосковал по родным местам и писал семье: «Этот прекрасный край был бы для меня прекраснее, если бы с Немана прилетело хоть одно слово, чтобы успокоить мои волнения относительно вашего здоровья».

Как упоминалось выше, в этой долине было заключено соглашение о мире и согласии между представителями Большого и Среднего Жузов, о русском подданстве, в которое они переходили.

Под конец пребывания экспедиции в Ой-Джайлау казахские наездники устроили новый праздник — «байгу». Сперва перед султаном проезжали отряды всадников отдельных родов. Был устроен массовый турнир, «во время обеда старейшины родов в главной юрте, как собрание сенаторов Древнего Рима, сидело с достоинством», слушая импровизации певца Орынбая. За конскими скачками следовала борьба силачей и доставание зубами монет из таза с кумысом.

Из лагеря над Лепсой А. Янушкевич отправился на вершины горного хребта Тарбагатай к рекам Урджар и Карасу для переписи кочевников и их скота. «В свободные от работы минуты мы посещаем окрестные горы, реки, источники, могильники, аулы и на каждом шагу находим предметы и виды, которые навсегда останутся в моей памяти», — писал он, — «...Какая прелесть, когда пережив сто опасностей, выедешь на какую-либо гору, более высокую, чем другие, и с ее вершины увидишь у своих ног пейзаж, достойный Альп и Апеннин».

А. Янушкевич рассказывал своим корреспондентам о быте казахов. В письме другу по ссылке, польскому поэту Г. Зелинскому он описывал живописные костюмы богатых казахов: «Там киргизская (казахская — В. Г.) аристократия, одетая в самые богатые халаты или

маньки с золотыми и серебряными драконами, в чамбарах, расшитых с помощью кармазинового шелка разнообразным орнаментом, цветами и зигзагами, в остроконечных, наподобие сахарной головы шапках, важно прогуливающаяся среди толпы народа, сидящей на земле, около групп лошадей, равнодушно смотрящих на всю эту пышность...»

Закончив перепись А. Янушкевич проехал через Тарбагатайские горы на Аягуз. Из Аягуза он продолжал путь на северо-запад к горам Чингизтау, где гостил у старого знакомого Барака.

В свободное время путешественник ездил в ближайшие аулы, чтобы «лучше познакомиться с жизнью, которое воображение рисовало в ярких красках. Но не все золото, что блестит! В каждой юрте я рассчитывал найти счастливых аркадских пастушков... Увы. Редко в которой мой взор не встретил печальных картин нужды и болезней, поражающих бедных жителей. Почти во всех черных юртах (ибо зажиточные живут в белых) лихорадка и более страшный сифилис насчитывают свои жертвы, а пораженные им лица обоего пола выглядят как призраки или скелеты; у детей оспа, чешотка, нарывы и все это собственными только силами должно бороться со страданием, так как наука эскулапа, отданная в руки глупых и невежественных баксы¹, употребляет способы лечения, на которых лежит по большей части печать шарлатанства и знахарства».

А. Янушкевич не оставался безразличным свидетелем страданий казахов: «Сердце разрывается при виде стольких мучеников, просящих помощи».

А. Янушкевич писал, что посещал «ободранные, дырявые как решето лишенные всяких удобств жилища беднейшего класса местных киргизов (казахов — В. Г.). О клане богатых в этот раз ничего не скажу, ибо не имел возможности заглянуть в белые юрты: во-первых, потому что их всего лишь несколько сверкает среди множества черных...» А. Янушкевич имел основания утверждать, что «видел (поскольку это мне грызло душу) киргизскую (казахскую — В. Г.) беду во всем значении этого слова, еще увеличенную в моих глазах при виде пищи, которой бы ни один твой пес не позавидовал».

Наш земляк, который сам испытывал притеснения со стороны властей, искренне сочувствовал и, чем мог, помогал казахам. Он отмечал, что казахи «приносят множество жалоб на своих братьев — богатых, которые не только не помогают им, но еще и угнетают их,

¹ Баксы — казахские знахари, лекари, искусство которых передавалось в роду из поколения в поколение.

как только могут». Путешественник писал о социальном расслоении среди казахов: «Удивительно ленивы эти люди, а именно богачи, которые все тяготы, даже казенные повинности, как например, обязанность возить на подводах тех, кого им укажут, сваливают на низших. Бедняк вынужден целое лето, как негр работать на богача, обрабатывая землю, питается козым молоком, солнце жжет его, почти нагого, (ибо он) боится, чтобы разбойники, не содрали с него одежду,— и что же он за это имеет? Какойнибудь старый потертый халат, несколько десятков сырков и горсть проса, чтобы посеять его для себя на будущий год».

Представляют интерес отзывы А. Янушкевича о своекорыстии большинства казахских султанов: «Султаны сразу же оправдали характеристику, какую им дала поэзия. Как только дошло до переписи, за обязательство с нашей стороны, что мы за ними запишем столько скота, сколько они скажут, они обещали нам строго следить за другими, просили только, чтобы киргизы не слышали, какие цифры они назовут. Что же удивительно, что народ их так не любит, когда эти аристократы всюду и всегда заботятся лишь о себе».

Писал А. Янушкевич и о ходжах — муллах, приехавших из Ташкента в казахскую степь, чтобы заклинаниями, молитвами и обманами грабить кочевников. Эти обманщики ссорились между собой за право собирать дань с казахов и очень напоминали ему итальянских аббатов иезуитов, действовавших в его юности в Белоруссии и на Украине.

Нелестную характеристику давал наш земляк и царским чиновникам: «Ну и правда, что за чиновники тут бывали. Настоящие хищники!... Много дел проходило через мои руки, и я мог убедиться в том, что они здесь выдывали! Как болело мое сердце, когда я слышал рассказы о том, как здесь проводились первые переписи... Почти каждый из этих проконсулов¹ считал порученное ему дело только средством приобретения себе богатств. Прилетал, окруженный казаками, повергал в страх все окрестности и не брезговал никакими способами вымогательства».

Неудивительно, что казахи гор Чингизтау, пригоняя в волостные аулы свои стада на перепись, которую вместе с А. Янушкевичем проводил его спутник Виктор Ивашкевич, вспоминали его предшественника, другого чиновника, которого наш земляк зашифровал как «ассессора В.» Тот бывало запирал по несколько

¹ Проконсул — в Римской империи полномочный правитель покоренной провинции. Таким термином

десятков человек в одной юрте, заставляя их завышать число своего скота, приписывал ноль к цифре «9 коней» и тогда получалось, что у такого-то казаха девяносто коней. Матери, по словам А. Янушкевича, пугали детей именем жестокого вымогателя, а степные певцы посылали в своих песнях ему проклятия.

Поэтому, увидев, что ожидаемая с трепетом перепись прошла спокойно и справедливо, без вымогательств и оскорблений, кочевники отзывались о В. Ивашкевиче: «Это первый такой русский чиновник, не кричит, не ругается, не ставит у своей юрты казаков с камчой (плеткой — В. Г.), чтобы те отгоняли (просителей). Другой, тот поступал иначе. Со времени, как родились, мы не видели, не слышали и не представляли себе такого российского чиновника».

Казахская беднота чувствовала в А. Янушкевиче друга и отвечала ему доверием. Поэтому он мог говорить, что «киргиз (казах — В. Г.) непомерно отзывчив на доброе обхождение с ним кафира (неверного, не мусульманина — В. Г.)... Сравнивая тех псевдоцивилизованных обитателей одной из европейских столиц, с этим полудиким народом, что меня окружает сегодня, чувствую — увы!, что не так легко было моему сердцу в раю Италии, как в Киргизской (казахской — В. Г.) пустыне!»

Под конец путешествия он отмечал в дневнике: «В письме к Януарию (брату), я должен был снова защищать репутацию киргизов (казахов — В. Г.)... Смело могу поручиться, что моя жизнь в здешних степях настолько безопасна, особенно со стороны киргизов (казахов — В. Г.), как и среди каждого другого самого цивилизованного народа. Откровенно говоря, даже я с большим опасением ходил по улицам Неаполя, чем по здешним пустыням. Со времени нашего отъезда из Омска наши глаза не видели ни малейшей тени опасности. Отдалившись от китайских границ, где кочуют независимые племена, мы не имеем даже более четырех казаков в охране, да и присутствие их скорее необходимо для передачи приказов, чем для наших персон. Сперва мои пистолеты и двустволка были всегда заряжены и находились под рукою, а теперь первые лежат в саквояже, чтобы не ржаветь, а вторая покоится в футляре. Возле нашей юрты никогда не стоит стража, кроме голодных собак, никто в нее ночью не заглядывает. На протяжении стольких месяцев у нас ничего не пропало ни на грош. Словом, несмотря на свои недостатки, происходящие частично от недостатка просвещения, частично от религии, засоренной предрассудками и суевериями, это народ ничем не хуже других. Наши низшие классы по сравнению с киргизами (казахами — В. Г.) выглядели бы значительно хуже».

Исследователи не ограничивались только тем, что отмечали несчастья угнетаемого народа. Янушкевич обсуждал с Виктором Ивашкевичем способы улучшения жизни казахов, предлагал завести в каждой волости скот для разведения, устроить советы при волостных управителях. Многие больные из соседних аулов приезжали к ним за порохами, помогающими лучше «молить мулл и заклинаний баксы».

А. Янушкевич интересовался прошлым Казахстана. В начале поездки он писал из Семипалатинска, что хотел бы «отыскать в киргизских (казахских — В. Г.) степях вторую Ниневию», то есть вторую столицу древней Ассирии, которую незадолго до этого открыл археолог О. Г. Лейард. Наш земляк имел в виду не обнаруженную исследователем столицу Чингисхана, ошибочно полагаясь на предания казахов, называвшими горы восточнее нынешней Караганды Чингизтау. При этом А. Янушкевич не учитывал, что у народов Востока многие местности, носящие имя известного средневекового завоевателя, ошибочно считаются его бывшей столицей.

А. Янушкевич посетил гору Хан-Чингис, надеясь обнаружить следы ханской ставки, но нашел всего только остатки сгнивших балок старинной башни. Он взял на себя смелость приписать эти руины к местам пребывания знаменитого полководца прошлого.

Спустя три года после возвращения из Казахстана в Омск А. Янушкевич подал в отставку. Его мучила болезнь глаз. Незадолго до этого он получил титул «коллежского регистратора» — один из самых невысоких чинов в царской России. Только в 1853 г. ему удалось выехать из Омска. Этому содействовал уральский горнозаводчик Анатолий Демидов, с которым Евстахий Янушкевич — брат Адольфа — познакомился в Карловых Варах. Демидов добился перевода ссыльного в Нижне-Тагильский завод (ныне Нижний Тагил Свердловской области). Здесь А. Янушкевич работал в библиотеке Демидова, составляя каталог и коллекции для музея.

Сын известного писателя Николая Михайловича Карамзина — Андрей Николаевич был связан с Демидовыми семейными узами. В 1853 г. он приезжал в Нижне-Тагильский завод и, будучи адъютантом шефа жандармов, хлопотал о всемилостивейшем прощении А. Янушкевича и разрешении ему вернуться на родину. Жена А. Н. Карамзина — Аврора с помощью секретаря мужа Иосафата Огрызко (земляка Янушкевича, занимавшегося революционной деятельностью) целых три года добивалась освобождения нашего земляка. Лишь в июне 1856 г. Адольф Янушкевич, безнадежно больной, смог выехать в родные места. Он обработал и оставил в нижнетагильской библиотеке письма родных А. Н. Карамзина, проливающие свет на обстоятельства

последних дней жизни А. С. Пушкина, о которых рассказал известный советский литературовед Ираклий Андронников.

Умер наш земляк от туберкулеза спустя год после освобождения — 18 июня 1857 г. в деревне Дзягильня под Минском.

Так завершился жизненный путь Адольфа Янушкевича — друга «униженных и оскорбленных» в царской «тюрьме народов», человека, который в далекие от нас годы николаевской реакции проповедовал идею доверия и сотрудничества между народами России и Казахстана.

Лишь в наши дни сбылось пророческое предсказание А. Янушкевича о казахах: «Народ, который одарен творцом такими способностями, не может остаться чуждым цивилизации, дух ее проникнет когда-нибудь в киргизские (казахские — В. Г.) пустыни, раздует здесь искорки света, и придет время, когда кочующий сегодня номад займет почетное место среди народов, которые нынче смотрят на него сверху вниз».

НА КРАЮ ТАЙГИ

Деятнадцатое столетие прошло под знаком постоянных выступлений участников революционно-демократического движения против царского самодержавия. В Белоруссии и Литве на смену молодежным обществам Виленского университета пришли повстанцы 1830-1831 гг. Их в 1838 г. сменили члены тайного общества под руководством Шимона Конарского. Спустя десять лет власти раскрыли заговор братьев Далевских. А в 1863 г. вспыхнуло новое восстание, одним из руководителей которого был Константин Калиновский. Затем эстафету подхватили белорусские народники, а в конце века развилось массовое рабочее движение.

У каждого поколения борцов против царизма были свои герои. Первой женщиной революционеркой из числа наших землячек была Ева Фелинская, уроженка селения Узнога под Клецком (ныне Минская область)¹ Родилась она 26 декабря (по новому стилю) 1793 г. в семье обедневшего шляхтича юриста Зыгмунта Вендорфа. Отец Евы умер, когда она была совсем маленькой. Девочка воспитывалась у родственников в Гольнке под Клецком и Боратычах под Игуменом (ныне г. Червень Минской области).

В детстве зародились в ней воля, трудолюбие, умение довольствоваться в быту малым. Жизнь в деревне научила ее глубоко разбираться в человеческих взаимоотношениях.

Когда Еве исполнилось восемнадцать лет, она вышла замуж за небогатого дворянина Герарда Фелинского и уехала вместе с ним в его имение — село Воютин недалеко от Луцка, на Волыни. Насколько малым было это имение, можно судить по такому факту: Воютин принадлежал шести владельцам.

Е. Фелинская провела в этом селении долгие годы. Правда, во время восстания 1830-1831 гг. семья Фелинских вынуждена была уехать в Галицию — ту часть Украины, которая после первого раздела Речи Посполитой отошла к Австрии. Там Е. Фелинская по подозрению в пособничестве повстанцам находилась под полицейским надзором. Когда нашей героине исполнилось сорок лет, она овдовела. На ее попечении остались парализованная старушка-мать и шестеро детей. Надо было одной заботиться о них, думать о том, как дать детям образование.

¹ Биографические сведения о Б. Фелинской см. в кн.: Мальдзіс А. Подарожжа ў XIX стагоддзе. Мн., 1969, с. 188-191; Грыцкевіч В. Першая ластаўка. — Беларусь, 1983, № 9, с. 19.

Казалось бы, теперь все мысли Е. Фелинской должны были сосредоточиться на семье. Однако случилось по-иному. Она вошла в состав руководства подпольной организации «Содружество польского народа», охватившего своей деятельностью Украину, Белоруссию и Литву. О деятельности «Содружества» стало известно из дел Киевской секретной комиссии о тайных обществах от 1838-1839 гг., хранящихся в Центральном государственном историческом архиве УССР в Киеве¹.

Организацию возглавил уроженец Литвы Шимон Конарский (1808-1839). Он принимал участие в восстании 1830-1831 гг., в Белоруссии и Литве, а затем — в безуспешном предприятии, известном под названием экспедиции Ю. Заливского, когда в 1833 г. группа революционных эмигрантов пыталась поднять народ на вооруженную борьбу против самодержавия. Трагическая ошибка участников экспедиции 1833 г. заключалась в том, что они считали, будто достаточно лишь призвать крестьян к борьбе за освобождение — и всеобщее народное восстание начнется немедленно. На деле же оказалось, что правительство и помещики, мобилизовав свои силы для борьбы с этой, по их словам «антишляхетской» экспедицией безумцев, добились того, что крестьяне не пошли за патриотами, а в некоторых местах, на Гродненщине, даже выдавали их властям.

Ш. Конарский на личном опыте убедился, что крестьяне безразличны к восстанию шляхты. Он понял, что в будущих революционных выступлениях необходимо учитывать интересы обоих классов. После неудачи экспедиции он перебрался во Францию, где сблизился с радикальными эмигрантами И. Лелевелем, который в 1830-1831 гг. предлагал предоставить крестьянам гражданские права и наделить их землей, и Я. Чиньским, проповедовавшим идею братства народов и союза с революционными силами России в борьбе за освобождение.

Ш. Конарский тайно пересек границу Австрии с Россией и укрылся в Воютине у человека, известного своей болтливостью и неспособностью к конспиративной деятельности. Полиция искала его на основании сведений, полученных из царского посольства в Париже. Е. Фелинская узнала об угрожавшей опасности и направила его в безопасное место. Ш. Конарский укрылся в пинском Полесье среди непроходимых лесов и болот.

Он привлекал людей прямоотой характера, личным обаянием. Ему удалось охватить конспиративной сетью земли между Вильно и

¹ ЦГИА УССР, ф. 470, оп. 1, д. 134, л. 48а.

Одессой и вовлечь в подпольную организацию около трех тысяч человек, преимущественно шляхты.

Большую помощь Ш. Конарскому оказала Е. Фелинская, которая, по словам конспиратора, «заменяла ему мать, брата, семью и друга». Волевой характер Е. Фелинской повлиял на выбор ее подпольного имени: в организации ее звали «Скалой». Отважная женщина стала секретарем организации и вместе с жительницей Кобрин Плотницкой возглавила филиал «Содружества», который назывался «Женским обществом». Это была первая женская подпольная организация, борющаяся против самодержавия в Белоруссии и на Украине.

Насколько демократичной считал Ш. Конарский Е. Фелинскую, можно судить по его высказыванию о том, что он «никому бы не поручил руководства (Женским обществом — В. Г.), а только Фелинской, потому что у ней шляхетства уже нет». Ш. Конарский, Е. Фелинская и их друзья учились на уроках предыдущих выступлений. Одними из первых дворянских революционеров России члены «Содружества» начали вести пропаганду среди крепостных и обратились к идеям христианского и утопического социализма.

В начале «Правил Женского общества» говорилось, что «женщины своим влиянием, которое они имели на мужчин, должны стараться, чтобы с крестьянами как можно более кротко обходились и телесно не наказывали». И далее давался совет, чтобы они «были заботливыми при их (крестьян — В. Г.) болезнях и всяких нуждах, и внушали, что они равны помещикам и что придет, может быть, время, когда они будут иметь равное им значение».

Идея юридического равенства в период борьбы с крепостничеством содействовала пробуждению протеста крестьян против крепостных отношений и социального неравенства.

Ш. Конарский и Е. Фелинская в составленных ими «Правилах» конспираторов осуждали угнетение «многолюдного класса» «любимцами судьбы, которые исключительно для себя сосредоточили все выгоды общественного состояния: политические права, богатство, важность».

Члены «Женского общества» призывались «уничтожать предрассудки, касающиеся разности классов». Составители «Правил» указывали: «Нет необходимости, как нам кажется, задаваться трудом приводить доводы, что разница между классами не существует ни в глазах разума, ни в глазах бога».

Е. Фелинская была связной между Ш. Конарским и его единомышленниками за границей, передавала корреспонденцию. Чтобы лучше управляться с подпольной работой, она переехала в город Кременец

(ныне Тернопольской области), где ее хорошо знали. Брат покойного мужа писатель Алоизий Фелинский (1771-1820) был там директором лицея, который для западных районов Украины являлся таким же культурным центром, как Виленский университет для Белоруссии и Литвы. И закрыли лицей одновременно с университетом, за то, что многие воспитанники этих учебных заведений пополнили ряды повстанцев в 1830-1831 гг. Предлогом переезда в Кременец послужило для Е. Фелинской желание дать образование детям. По крайней мере, так пишет ее биограф Т. Турковский. Дети Евы не только учились в школе, но и обучались наборному делу, чтобы работать в тайной типографии «Содружества», которая была создана в фольварке Кошары под Пинском. В Кременце Е. Фелинская основала тайную школу для бедных девочек, которых воспитывала в демократическом духе.

Однако власти вскоре напали на след заговорщиков. В мае 1838 г. Ш. Конарский был схвачен жандармами на почтовой станции Крыжовка поблизости Вильно. Вскоре последовал арест Е. Фелинской. Адъютант вольнского губернатора Н. И. Мамаев был послан для этого из Житомира в Кременец.

«Придя к Фелинской,— вспоминал он позже,— мы застали ее спящей в постели. Нечего делать, пришлось разбудить очень неприятным для нее образом. Фелинская была вдова, лет под сорок (Н. И. Мамаев ошибся в этом — В. Г.), но еще прекрасно сохранившаяся, с правильными, красивыми чертами лица; имела шестерых детей, из которых старшей дочери не было еще семнадцати лет. Поднялся плач, вой!.. Мне было очень жаль их, но мое поручение было такого рода, что не допускало даже самого проявления участия. Поручив городничему увести детей к себе на квартиру, я в присутствии самой Фелинской и квартального (надзирателя Сташевского — В. Г.) занялся разбором ее бумаг и писем, но скоро наскучив чтением,.. все бумаги по описи сдал последнему и, запечатав все двери и самую квартиру печатами, своей и Фелинской, отправил последнюю в Вильну, в сопровождении Сташевского».

21 ноября 1838 г. Е. Фелинскую перевели из Вильно в Киевскую цитадель и поместили «под строгий секретный надзор». Теперь в каменных склепах, где томилась Е. Фелинская и ее друзья, размещен «Косой капонир» — музей героев революционного движения. Так называлась часть цитадели, надежно укрытая от посторонних глаз, расположенная в самой глубине.

Тогда же в цитадели работала местная следственная комиссия, которую учредил киевский генерал-губернатор Д. Г. Бибииков. Это его

и харьковского генерал-губернатора Н. А. Долгорукова вспоминал с чувством горечи Т. Г. Шевченко, который писал:

Во дни фельдфебеля-царя
Капрал Гаврилович Безрукий
Да унтер пьяный Долгорукий
Украиной правили. Добра
Они изрядно натворили,—
Немало в рекруты забрили
Людей сатрапы-унтера.

Стойко держались на допросах Ш. Конарский, Е. Фелинская и большинство их друзей. Однако не всем удалось выдержать пытки на следствии. Нашлись слабые люди. Они-то и выдали других.

«Сатрапы-унтера» расправились с членами организации жестоко. Ш. Конарского расстреляли. Многих сдали в солдаты. Других бросили в тюрьму. Девятерых женщин во главе с Е. Фелинской приговорили к ссылке. «Скалу» разлучили с детьми. Самой младшей из ее дочерей тогда было всего семь лет.

Местом жительства руководительнице «Женского союза» определили Березов — уездный городок Тобольской губернии (ныне Березово Тюменской области)¹. Березов был известен более всего тем, что здесь в ссылке завершил свои дни «полудержавный властелин» — А. Д. Мещников. Территория уезда охватывала земли от Ледовитого океана до севера теперешней Омской области, захватывая нынешние Ямало-Ненецкий и ХантыМансийский автономные округа. Обитали в уезде коренные жители лесного Приобья ханты и манси, а к северу от них — кочевые оленеводы — ненцы. Целый месяц под стражей добиралась Е. Фелинская до Тобольска, откуда ее отправили по скованному льдом Иртышу к месту ссылки. Но начался ледоход, пришлось вернуться. Спустя сорок дней ее все же доставили лодкой по Иртышу и Оби в Березов. Для этого пришлось проплыть тысячу семьсот верст по воде на север.

Местность, где очутилась Е. Фелинская, была глухой. Вокруг Березова на огромном расстоянии не было ни одного села, из него не вела ни одна дорога, все поездки и перевозки осуществлялись летом по воде, а зимой на санях. Поселили Еву у местного казака Козлова.

Чтобы скрасить свое пребывание в ссылке, женщина вела дневник². Туда она заносила наблюдения за людьми и природой. Дневник этот до сих пор не был использован в отечественной литературе.

¹ ГАОМО, ф. 3, оп. 13, д. 18079, 18080, 18111.

² Felińska E. Wspomnienia z podróży do Syberii, pobytu w Berezowie i Saratowie spisane, t. X. Wil.: 1852. 348 s.

Из дневника Е. Фелинской мы узнаем, что Березов находился на высоком берегу притока Оби — Северной Сосьвы. К северу от него расстилалась до самого Ледовитого океана бесконечная тундра, с юга подступала тайга. Городок получил свое название от хантыйского селения СумчутВож (Березовый город), на месте которого первопроходцы построили острог.

Автор дневника обратила внимание на суровый местный климат. Почва была сырой, но не такой бесплодной, как можно было бы на первый взгляд подумать. Здесь росли репа и редька, но капуста вырастала только в лист, кочанов не давала. Картошку сажали понемногу. Березовчане еще не привыкли к ней.

Незадолго до приезда Е. Фелинской в Березов местный купец Нижегородцев с успехом засеивал зерном выкорчеванные участки земли и получал урожай. Но березовчане вытаптывали посевы, опасаясь, что при успехе дела из сословия казаков их переведут в государственных крестьян — заставят засеивать пашни и сдавать казне зерно.

Е. Фелинскую интересовала «северная заря», как она называла Полярное сияние. Но в ее описании нет тех романтических преувеличений, которые придал рассказу о Полярном сиянии Ю. Копоть. О лете в Березове автор дневника писала как о чудесной поре года, во время которой природа быстро оживала: «Вчера только топили печь, сегодня же чрезмерно горячо. Вчера еще земля была серой, деревья нагими, сегодня трава зазеленела, на деревьях начали распускаться почки, черемуха зацвела. Чары, настоящие чары! Едва можно поверить, что восемь часов, которые мы проспали, совершили такую перемену. Куда только подевалась зима?»

В те два месяца, которые составляли здесь жаркое лето, улицы городка становились настоящей топью. Тогда переходить из дома в дом можно было только по дощатым подмосткам. Неисчислимые комариные тучи затрудняли жизнь в Березове летом. От насекомых не помогали ни волосяные сетки, ни перчатки. Гулять по окрестностям было невозможно.

Е. Фелинская познакомилась с жителями Березова. Местные казаки были потомками «товарищей» Ермака. «Эти товарищи,— говорится в дневнике,— были добровольцами с Днепра, Дона, даже из Литвы (и Белоруссии — В. Г.), которых привлекали сюда случай или любовь к приключенческой жизни». Несли казаки необременительную службу: охраняли «присутственные места» — немногочисленные административные учреждения. Свободного времени было достаточно, чтобы вести натуральное хозяйство и торговать с аборигенами. Летом

ловили рыбу, нанимая для этого подсобных рабочих — хантов, и плавали вниз по Оби для меновой торговли с ненцами.

Чтобы предохранить жилье от сырости, его устраивали в верхнем этаже дома, а нижний оставляли для кухонь и кладовых.

Жили березовчане зажиточно. На меновой торговле с хантами и ненцами они хорошо зарабатывали, приобретая на одном обмене минимум четыреста процентов. На протяжении года такой обмен осуществлялся несколько раз. Жители тайги и тундры отдавали меха и шкуры за муку, ножи, топоры, свечи, табак, бусы, медные бляхи для украшений, ситец и сукно. Рыбы и шкур зверя у казаков было много. К тому же они держали коров, а зерно им привозили по Оби и ее притокам с юга Сибири.

По наблюдениям Е. Фелинской, жителей города не изнурял непосильный, чрезмерный труд, но и не расслабляло пустопорожнее времяпровождение, как многих ее земляков шляхтичей.

Автор дневника хвалила домовитость местных женщин, ставила их в пример белорусским и украинским шляхтянкам и богатым горожанкам. При заключении брака у русских жителей Березова не было обычая давать за невестой приданое. Е. Фелинской нравилось благожелательность и гостеприимство березовчан, их честность. Краж в городе не было, коров и лошадей на лето свободно выпускали на выпас, никто не посягал на чужую собственность. Когда одна ссыльная монашка подняла с земли и спрятала упавший с чужих плеч платок, ее ославили на весь город и запретили посещать церкви (их в Березове было две).

Е. Фелинская отчасти идеализировала жителей городка. Путем сравнения живущего в довольстве сибиряка и забитого крепостного крестьянина Украины и Белоруссии, она, надо полагать, стремилась морально оправдать свое участие в подпольной борьбе против феодально-крепостнической системы и самодержавия.

Вместе с тем автор дневника видела социальные контрасты сибирской жизни, примечала у богатевших за счет аборигенов березовских казаков черты набравшего силу буржуазного класса.

Много места в дневнике Е. Фелинской уделено жизни коренных жителей края. По ее наблюдению не только хантыйские женщины, но мужчины заплетали волосы в косы и носили на шее бусы. Одевались ханты в длинные рубашки из оленьих шкур, шерстью внутрь. Такие рубашки назывались «мальца». Поверх них носили «парку» — длинную, неразрезанную спереди одежду с капюшоном. Капюшон делали из головы оленя, сохраняли уши зверя, что делало одетого в парку человека похожим на оленя. С паркой соединялись рукавицы.

В морозы поверх парки одевали третью такую же одежду — «гусь». Обувью служили чулки из шкуры с ног оленя или «чижи». На чижи натягивали сапоги, поднимавшиеся выше колен — «пимы», которые ремешками привязывались к поясу. Сходную одежду и обувь носили ненцы, которые время от времени приезжали в Березов.

«Чем же являются кожух — лучшая одежда нашего крестьянина, дающая всюду доступ холоду, или сапоги, плохо выстланные соломой и тряпьем, по сравнению с одеждой остяка (ханта — В. Г.)?» — задает вопрос Е. Фелинская.

В праздники ханты надевали цветные и белые сорочки с черным воротом, расшитым разноцветными бусами и бляшками, и обували сапоги из цветного сукна. Попы крестили язычников хантов, но аборигены сохраняли дохристианские религиозные верования и использовали полученные от священников медные кресты для украшения одежды. Женщины носили нарядные юбки, расшитые по низу галуном, и цветные кафтаны. Лица замужних женщин прикрывала завеса из платка, поскольку свекру и старшему брату мужа не полагалось видеть его. Ханты татуировали свои тела.

Летом аборигены жили в шалашах из бересты. Внутри на землю настилались шкуры оленей, а в углу ставилась нехитрая посуда из бересты.

Е. Фелинская побывала и в зимнем жилище хантов — деревянном домике, до половины вкопанном в землю. Деревянную крышу утепляла наложенная сверху земля. Через крышу проходил дымоход. Свет попадал в полуземлянку через отверстие и полуприкрытые двери. В углу тлел огонь, дым которого отпугивал комаров. Над очагом висел железный котел. В нем варилась обычная пища аборигенов — похлебка из рыбы, заправленная мукой.

У стен размещались отесанные бревна, покрытые шкурами. На них хозяева и гости дома сидели и спали. В одном углу стояли ящики со скарбом хозяев, а в другом — берестяные ведерца, черпаки, чашки и ложки.

Отличная приспособленность хантов и ненцев к условиям севера была настолько очевидной, что березовчане охотно перенимали от них наиболее рациональные обычаи, часто носили одежду и обувь по образцу коренных жителей. Хантыйским влиянием можно объяснить и то, что на зиму в Березове рамы окон затягивались прозрачной рыбьей кожей, которая обладала меньшей теплопроводностью по сравнению со стеклом. А о таких средствах передвижения, как езда на оленях, запряженных в нарты, или об использовании упряжных собак для перевозки, и говорить не приходится. Е. Фелинская

каталась на оленьих нартах и признавала быстроту и выносливость оленей, несших ее быстро, как ветер.

Немало места в дневниках Е. Фелинская уделила вопросам духовной культуры хантов: их свадебным обрядам, верованиям, шаманству, культу медведя и другим. Охотник шел здесь на медведя с одним ножом. Убив зверя в единоборстве и освеживав его, хант просил у погибшего медведя прощения за свою «дерзость». Медвежьи лапы он помещал в жилище рядом с домашними божками и поклонялся им. Е. Фелинская не знала, что у хантов существовала группа Пор, считавшая своим предком медведя.

Был распространен обычай выкупа за невесту, который платил ее семье жених. Но это было больше обрядом, проявлением уважения к невесте, чем экономической сделкой. Хотя богатые родители невесты и брали этот калым, но одновременно снабжали дочь оленями и мехами в виде приданого.

Е. Фелинская отметила богатство народного творчества у коренных жителей лесов. Она записала две хантыйские сказки, а однажды попросила исполнить танец в ее доме. Танец представлял собой пантомимическое изображение охоты. Когда автор дневника хотела за доставленное ей удовольствие отблагодарить хантов деньгами, те наотрез отказались, заявив: «Мы танцевали не для тебя, а по собственному желанию. Спасибо тебе за то, что ты разрешила танцевать у себя. Денег не надо. Когда мы приедем в другой раз, привезем тебе уток».

Е. Фелинскую удивило это инстинктивное благородство «народа дикого и бедного в сравнении с нами. Размышляя, я задала себе вопрос: облагораживает ли чувства высшая степень цивилизации, промышленность, развитие потребностей или нет? ...Я не сказала бы ничего нового, утверждая, что ограничение желаний — мать всякого благородства».

Исключительную честность хантов и ненцев Е. Фелинская отмечает неоднократно: «Они неспособны обмануть ни для какой личной выгоды. Они уплачивают долги и обязательства с аккуратностью, тем более достойной уважения, что кочевая жизнь дала бы им возможность избежать любых поисков. Эта же честность руководит ими при уплате податей или дани мехами... Только неудачная охота бывает причиной недоимок, недобросовестность же никогда. Эти племена не знают уловок и уплачивают подати при первой возможности».

Честь аборигенов проявлялась и при меновой торговле с русскими купцами. Охотники добросовестно выполняли обязательства,

ни за какие деньги не отдавали другим то, что обещали своим кредиторам. Только смерть должника и его семьи могла оставить кредитора неудовлетворенным. Но если оставался в живых хотя бы один родич должника, он рано или поздно отдавал долг.

Автор дневника отмечала, что ханты не признают принятой в Европе иерархии: «Они уважают своего начальника, если он дельный, но это — дань, основанная на уважении, а не привилегия».

Е. Фелинской рассказали, что за несколько лет до того, как она поселилась в Сибири, на ярмарку, которую устраивали каждый год в устье Оби, в селении Обдорск (ныне Салехард), приехал тобольский губернатор. Многие ханты и ненцы пришли в дом, в котором тот остановился, «чтобы повидать такое редкое явление». Некоторые аборигены, устав стоять, уселись на полу. Сопровождавшие губернатора чиновники принялись расталкивать усевшихся, поясняя им, что в его присутствии нельзя сидеть.

— Разве это мешает ему? — спросили ханты.— Мы же не отнимаем у него места. Если у него тоже устанут ноги, есть еще место, где он может сесть.

В отношении Е. Фелинской к коренным народам Сибири ощущается влияние теории «естественного права» Ж.-Ж. Руссо. И хотя Е. Фелинская согласно учению этого мыслителя относила хантов и ненцев к народам, находящимся в «естественных» отношениях, она ясно видела, как ханты и ненцы делились на богатых и бедных. Обнищавшие аборигены голодали, нанимались батрачить к березовчанам за ничтожную плату. О бедных хантах и ненцах автор дневника писала с сочувствием, с гуманных позиций, с уважением к их внутреннему миру и человеческому достоинству. Для примера можно сослаться на описание отца и сына хантов, возвращавшихся с рыбной ловли. С любовью автор дневника описывает их доброжелательную беседу, представляет, как они вернутся домой и в семейном кругу проведут вечер. Е. Фелинская видела органичное взаимопонимание и естественность отношений среди коренных жителей тайги.

В условиях николаевской цензуры, руководствовавшейся известным «чугунным» уставом, Е. Фелинская не могла открыто писать об угнетении коренных народов Сибири. Бесправными там были не только хантская и ненецкая беднота, но и лица, занимавшие среди аборигенов видное положение. Возглавлявшего Обдорскую инородческую управу хантского князька (имени его Е. Фелинская не назвала, но тогда им был Иван Тайшин) уездный лекарь избил только за то, что тот не обеспечил его бесплатным проездом по тундре на оленях. Князек ссылался на то, что всем чиновникам

выдавались для этой цели прогонные деньги, которые лекарь хотел сэкономить, и пожаловался посетившему Обдорск губернатору. Но подкупленный лекарем переводчик неправильно перевел жалобу, и губернатор так и не узнал, что князек жаловался на обидчика.

Е. Фелинская описывает массовое выступление ненцев и хантов под руководством Ваули Пиеттомина, свидетельницей которого она была.

Вот как Е. Фелинская начала помеченный 1 декабря 1840 г. рассказ о руководителе восстания Ваули Пиеттоmine (иначе — Вавлѣ Ненянге): «За два или три года до этого ненец по имени Вауль, начальник своей ватаги, когда она голодала, совершал вместе с ней вооруженные набеги на другие ватаги, накладывал на них контрибуции в виде оленей и съестных припасов, допускал насилия и грабежи. Вауль, однако, не был простым разбойником. Местные жители признавали за ним определенную дельность, и вскоре уверенность в нем, уважение к его силе и энергии собрали вокруг него значительное число сторонников. Одни нуждались в его покровительстве, другие присоединялись к нему из боязни преследования».

Уже из этой записи рассказа видно, что автор дневника вынуждена была из цензурных соображений следовать официальной трактовке событий. Одновременно она находит оправдания для «грабежей и насилий» Ваули, которые тот совершал лишь потому, что голодали представители его племени. Е. Фелинская подчеркнула, что Ваули не был «простым разбойником», а соплеменники верили ему и уважали его за силу и энергию.

Противники Ваули во главе с насильником и пьяницей И. Тайшиным помогли властям схватить его и увезти на суд в Березов. Борца против несправедливости сослали в Сургут — маленькое селение на Оби в восьмистах верстах от Березова. Но Ваули бежал из ссылки. Несколько сот семейств кочевников снова стали собираться под его руководством. Ваули повел борьбу против обдорского заседателя — второстепенного члена земской полиции, пьяницы и вымогателя, который вершил дела в Обдорске и прилежащей тундре. Его фамилии Е. Фелинская не называет, но им был тогда некий Соколов. Ваули потребовал смещения с должностей заседателя и князька.

«Общее отвращение, которое возбудил к себе заседатель, вечно пьяный и несправедливый, привели к тому, что угроза (аборигены не будут платить ясак, пока не будут смещены заседатель и князек — В. Г.) возымела результаты. И хотя березовский капитан-исправник (глава полиции в уезде — В. Г.), как обычно приехал в Обдорск получить ясак, внесено было только небольшое его количество».

Приближалась традиционная ярмарка в Обдорске, на которую собирались оленеводы с низовьев Оби, с полуостровов Ямал и Гыдан. Ваули с отрядом в несколько сот ненецких семей расположился на расстоянии в день дороги от Обдорска — «как для облегчения взаимного обмена, так и для сношений с другими ватагами». И власти не знали примет ли он участие в ярмарке или будет наступать на Обдорск и Березов. «Не только по Обдорску, но и по Березову распространился большой страх». Среди богатых березовчан ходили слухи, будто Ваули будет мстить им за то, что его держали в тюрьме и судили в уездном городе. Одни говорили, что Ваули поддерживает триста семейств, другие — что пятьсот, третьи — что тысяча вооруженных семей, готовых на все. Березовская полиция приказала каждому жителю вооружиться, а по ночам усилить охрану домов. Ночную стражу удвоили. «Таких военных предосторожностей не помнил никто из живущих».

Спустя полтора месяца Е. Фелинская описала в дневнике, как власти расправились с восставшими. Оказывается, исправник распустил слухи, будто император помиловал Ваули и назначил его на наследственную должность старшины. Но вождь движения, догадываясь об измене или предчувствуя ее, держался осторожно и не приближался к Обдорску. Е. Фелинская писала: «Увидев, что Вауль не попадает в сети распространившихся слухов, обдорский купец по фамилии Нечаев, снесясь с исправником, предложил свое посредничество». Здесь автор дневника неточно приводит фамилию и происхождение купца — его звали Николаем Нечаевским, он был родом из Березова. Купец состоял в давних торговых отношениях с Ваули, оба гостили друг у друга, не раз вместе ездили по ненецким кочевьям: «А у диких народов,— добавляет Е. Фелинская,— права гостеприимства святы».

И вот Н. Нечаевский поехал к Ваули, повторил провокационные слухи, удивился, почему тот не спешит в Обдорск и добавил, что исправник ожидает прибытия вождя кочевников, чтобы публично огласить извинение перед ним и вручить высочайший рескрипт и подарки. Затем Н. Нечаевский сказал:

— Все это будет сделано при условии, что ты сперва внесешь ясак от своей ватаги.

— Ты лжешь,— ответил недоверчиво Ваули,— и знай, что твоя голова ответит за измену.

— Если бы я лгал,— возразил Нечаевский,— разве отдался бы добровольно в твои руки, приезжая в твой чум? Я знаю, что гнев Ваули страшен, но не для друзей.

Ваули поверил лживому купцу, но сказал, что не поедет в Обдорск, пока не снимут с должностей заседателя и князька. Н. Нечаевский заверил, будто эти условия будут приняты, если вождь движения приедет в Обдорск.

В намеченный день Ваули двинулся в сторону Обдорска в сопровождении ста двадцати нартов. Остановился в двух верстах от селения на реке Пални. И. Тайшин выехал навстречу, оказав ему этим знаком уважения. Ваули оставил свою свиту на Пални и отправился к жилищу на пир. С ним ехали его друзья на восьми нартах. Тем временем казаки и мещане получили тайное распоряжение исправника схватить вожаков движения и вооружились. Они подкрались к нартам сторонников Ваули, перерезали постромки и отогнали оленей, чтобы не дать возможности Ваули бежать.

Требовалось выманить вождя ненцев и хантов из юрты, где его сторонники могли защитить своего начальника. Исправник послал заседателя просить вождя придти к нему на утешение.

Ваули увидел своего врага, входящего в юрту, и закипел гневом. Заседатель пригласил вождя от имени исправника. Ваули в ответ плюнул в лицо заседателю. Тот вернулся ни с чем.

Исправнику довелось самому пойти к Ваули. Он уговорил ненца принять приглашение, взял его под руку и вывел из юрты. Во дворе исправник крикнул:

— Вот Ваули!

Переодетые по-хантыйски казаки и мещане бросились на Ваули. Тот побежал к нартам, но их не оказалось на месте. Тогда враги схватили его.

Товарищи Ваули, которые остались в юрте, услышав шум борьбы, бежали, добрались до своих чумов и откочевали в тундру. Только четверо друзей Ваули, которые не хотели его покинуть в беде, попали в руки властей. Всех их во главе с руководителем отослали под стражей в Березов.

На этот раз Ваули отправили в губернский центр Тобольск. Е. Фелинская видела, как его увозили из тюрьмы на телеге под конвоем казаков: «он был плечистый, коренастый, со смелым взглядом».

Какую ценность представляет описание движения Ваули, сделанное Е. Фелинской? Во-первых, насколько известно, это единственное описание восстания коренных народов Сибири, сделанное сыльным революционером в XIX веке, причем рассказ очевидца событий. Во-вторых, ее рассказ пронизан сочувствием к руководителю восстания и его участникам. Самое главное — это наиболее раннее по времени опубликования описание восстания ненцев и хантов.

Рассказ о Ваули Е. Фелинская поместила в своем дневнике и виленском журнале «Атенеум» в 1846 г.¹ и перепечатала его в расширенной публикации дневника там же спустя три года². В 1850 г. дневник вышел в Вильно, в виде оттиска из журнала³, а в 1852 г. отдельным изданием⁴. Следовательно, в 1846-1852 гг. автор четырежды публиковала сведения о восстании Ваули.

В изданиях на русском языке о Ваули впервые было упомянуто лишь спустя 11 лет после Е. Фелинской. Первая специальная работа о восстании — да и то с неверной датировкой событий — появилась только спустя 35 лет после выхода в свет дневника нашей землячки.

Авторы дореволюционных статей называли Ваули и его друзей разбойниками и грабителями, допускали неточности в изложении событий. Документы о восстании были изданы только в советский период накануне Великой Отечественной войны. На их основании советские историки и этнографы В. Денисенко, В. И. Стрельский, А. В. Хомич и другие описали движение Ваули. Однако полный ценных бытовых деталей и психологического объяснения действий героя ненецкого народа дневник Е. Фелинской остался за пределами внимания всех авторов, которые интересовались восстанием. Почему? Скорее всего, в силу традиции, по которой для освещения событий в глуби России, привлекаются местные источники, написанные, естественно, на русском языке. А дневник нашей землячки был издан вдали от Сибири, в Вильно, да еще на польском языке. И хотя в заголовке дневника ясно говорится, что они посвящены пребыванию автора в Березове, исследователи не ввели его в научный оборот.

Благодаря дневнику Е. Фелинской о восстании жителей тундры за пределами нашей страны узнали раньше, чем в России. В 1852-1854 гг. отрывки из ее сочинения (как раз с рассказом о Ваули) тремя изданиями вышли в Лондоне в английском переводе К. Ляха-Ширмы. В 1855 г. в Копенгагене был издан датский перевод воспоминаний Е. Фелинской, сделанный К. Сёренсеном с английского перевода⁵.

¹ Felińska E. Dziennik.— Athenaeum, 1846, t. 3, 227-235

² Felińska E. Wspomnienia z podróży do Syberii i pobytu w Berezowie — Ibidem, 1849, t. 6, s. 155-168, 172-173.

³ Felińska E. Wspomnienia z podróży do Syberii i pobytu w Berezowie. Odbitka z «Athenaeum». Wil., 1850.

⁴ Felińska E. Wspomnienia z podróży do Syberii, pobytu w Berezowie i w Saratowie spisane, Wil., 1852, t. 1, s. 324—338.

⁵ Felińska E. Revelations of Siberia by a banished lady. Translated by K. Lach-Szyrma. Ed. 1, L., 1852; ed. 2, L., 1853; ed. 3, L., 1854; Felińska E. Sibirien, skildret of en forviist polsk dame. Oversat efter det tredie engelscke C. Sorensen. Kobenhavn: 1855.

Дневники Е. Фелинской ценны не только описанием восстания народов Севера. Этнографические и фольклорные записи нашей землячки представляют интерес для исследователей жизни хантов и ненцев и до сих пор, поскольку прежде: их не использовали в научной литературе.

Е. Фелинская была наделена наблюдательностью, рассудительным умом, серьезностью и трезвостью. Жизнь Сибири она отобразила полнее и ярче своих предшественников. В то время, как в рассказах Ю. Копотя и Ф. Тетерского преобладает описание переживаний авторов, Е. Фелинская проявляла больше интереса к жизни других людей, больше сочувствия к «униженным и оскорбленным». И это можно понять. От Ю. Копотя и Ф. Тетерского отважную революционерку отделяли четыре десятилетия. И какие десятилетия! Наполеоновские войны, подъем освободительного движения, возникновение социалистических учений, пока что утопических, восхождение на европейском горизонте непреходящих литературных величин романтизма и реализма — все это повлияло на понимание Е. Фелинской причин социального угнетения.

Летом 1841 г. Е. Фелинской «всемиловитейше» разрешили сменить место ссылки на Саратов. Тепло распрощавшись с поддержавшими ее в тяжкую годину березовчанами, она покинула Сибирь. Ссылка в Саратов длилась три года. И здесь Фелинская была окружена вниманием и уважением. Местный губернатор А. М. Фадеев называл ее «женщиной отлично образованной и очень скромной». В городе над Волгой она продолжала вести дневник, занося в него по сути чисто этнографические описания увеселений в сельской местности. Е. Фелинская описала добычу соли в степных уездах Саратовской губернии, дивившиеся по месяцу ярмарки, быт татар, башкир, калмыков. В те времена, когда в Европе интересовались российской жизнью, дневники Е. Фелинской с добросовестным описанием любопытных фактов обращали на себя внимание европейской общественности, о чем свидетельствуют их переводы на западно-европейские языки.

Исследователи творчества Льва Толстого обратили внимание на то, что именно дневники Е. Фелинской легли в основу его рассказа «За что?». Именно наша землячка в дневниках рассказала о неудачной попытке побега ссыльного повстанца Мигурского, организованной его женой, также и о трагической смерти мужественной женщины.

Л. Н. Толстой прочитал книгу публициста С. В. Максимова «Сибирь и каторга», в которой тот изложил рассказ Е. Фелинской об этой трагической истории, и с исключительным художественным

мастерством реконструировал его. В действительности, Мигурские до ссылки жили в Галиции и Польше, но Л. Н. Толстой перенес завязку рассказа в Гродненскую губернию, назвав местом жительства жены Мигурского до их брака имение Ружанку (ныне Брестской области).

После возвращения в родные места Е. Фелинская делила свое время между хозяйством, воспитанием детей и писательской работой. Она выпустила в свет несколько повестей. В них описывалась серая, будничная жизнь белорусской шляхты в начале XIX века, отмечался распад феодальных общественных и семейных отношений. Фелинская опубликовала дневники времен ссылки, а затем приступила к воспоминаниям юности и довела их до 1821 г. Работу над воспоминаниями, пять томов которых вышли в свет в 1856-1860 гг., прервала смерть. Е. Фелинская умерла в Воютине 20 декабря 1859 г.

В воспоминаниях юных лет Фелинская занимательно рассказывала о жизни белорусского общества (преимущественно мелкой и средней шляхты), выступала за равноправие женщины с мужчинами. Сочувственно относилась она к положению крепостных белорусских крестьян, показывала, как передовая часть шляхты стремилась облегчить положение крестьянства, с увлечением читала произведения 5К.-Ж. Руссо, Ф.-М. Вольтера, прогрессивного писателя Ю. Немцевича. Она весьма точно заметила, что погоня за деньгами, развивающиеся новые капиталистические отношения разрушающе действуют на нравы людей.

Уже в XIX в. воспоминания нашей землячки были высоко оценены как документ эпохи. В историю славянской культуры Е. Фелинская вошла как одна из первых в XIX веке писательниц родом из Белоруссии. Известный «Энциклопедический словарь» издательства Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, спустя полвека после смерти писательницы, назвал ее одной из выдающихся женщин запада России в XIX столетии. Демократизм Е. Фелинской, ее вклад в изучение прошлого народов Сибири заслуживают доброго слова о писательнице, пристального внимания к ее творчеству и в наши дни.

БЕЛОВЛОСЫЙ КОНСУЛ

В середине XVII века управлявшие Японией от имени императора «сегуны» (главнокомандующие) из династии Токугава, опасаясь вторжения европейских колонизаторов, и желая сохранить нетронутыми феодальные порядки, запретили японцам под страхом смерти покидать страну. Любой иностранный корабль, прибывший к берегам Японии, подлежал уничтожению, а его экипаж — смертной казни.

Два с лишним столетия страна была изолирована от всего мира. С развитием капитализма державы Запада все более настойчиво стремились покончить с самоизоляцией Японии, желая расширить свои рынки сбыта.

Когда в 1853 г. угроза пушечного обстрела с американской эскадры вынудила японское правительство открыть свои порты для чужеземцев, в страну хлынули американские, английские, французские моряки, купцы и просто авантюристы. Они не считались с обычаями, оскорбляли женщин, оскверняли святыни, словом, вели себя, как в своей колонии. Нередко они грабили японцев. Так, 2 мая 1865 г. семь американских матросов ворвались в городе Хакодате (на острове Хоккайдо) в баню и утащили кассу с выручкой¹ Поэтому бывали случаи убийства европейцев в японских портах.

Посещавшие Японию русские люди отличались от этих пришельцев, и отношение японцев к ним было совсем иным. Русские моряки встречали благожелательный прием благодаря «строгому соблюдению всех обычаев японских и заботливости не затрагивать их мелких предрассудков».

И, если официальные представители США и Англии были неприятны японцам из-за своей грубости и заносчивости, первые русские официальные представители встречали там понимание. Это неудивительно, если учесть, что, скажем, американский торговый агент в Хакодате Илиша Райе, малограмотный купец, которого за неуживчивость ненавидели японцы, даже дрался... с американским капитаном, разносил по домам сплетни², а американский консул в Японии содержал в 1865 г. публичный дом³. Английский посол Р. Олжок высокомерно считал, что «для японцев, как и для всех полудивилизованных рас

¹ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3156, л. 191.

² Tilley H. A. Japan, the Amoor and the Pacific; with notices of other places comprised in a voyage of circumnavigation in the imperial Russian corvette «Rynda» in 1858-1860. L., 1861, p. 120.

³ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 3156, л. 189.

Востока ничто, кроме насилия, не свидетельствует о мощи и не внушает уважения»¹

Западные державы посылали в Японию вооруженные эскадры и спекулянтов, чтобы выкачивать оттуда золото. Это вызвало резкое повышение цен, которое сильно ударило по малоимущим слоям населения. В отличие от Франции и Англии Россия старалась не вмешиваться во внутренние дела Японии.

Первым русским консулом в этом государстве, хорошо знавшим его условия, был опытный востоковед Иосиф Антонович Гошкевич. Именно он и его сотрудники открыли в Хакодате русскую школу и больницу, издали первую русскую азбуку для детей, обучали японцев морскому делу и медицине. И. А. Гошкевич подарил японцам не известные им до этого маячный фонарь и барометр, обучил портного Кидзу Кокити фотографии и передал ему свой костюм, чтобы тот научился шить европейскую одежду. Портной открыл в Хакодате фотоателье и мастерскую пошива европейского платья². Позже И. А. Гошкевич написал о жителях Страны восходящего солнца: «Японский народ, недавно почти насильно втолкнутый в семью цивилизованного европейского мира, давно имел право на это место по внутреннему родству; не потому ли и проявляет он ту удивляющую всех энергию, то стремление к цивилизации...»³.

Родился Иосиф Антонович Гошкевич в 1814 г. в Минской губернии в семье небогатого священника. Возможность получить образование у юноши была одна: поступить в духовную семинарию в Минске. Как лучшего ее выпускника, Гошкевича направили в Петербург в духовную академию⁴. Там педагоги заметили у одаренного воспитанника способности к иностранному языку. Знания этих языков чуть не довели Гошкевича до беды. Он выступил инициатором литографирования перевода Ветхого завета на русский язык. Святейший Синод счел это крамолой, доложил о сем «преступном мероприятии» царю и сделал обыск в академии. Найденные экземпляры книги конфисковали. Переводчика — известного восто-

¹ Alcock R. The capital of the tycoon: a narrative of a three year's residence in Japan. L., 1863, v. 1, p. 228-229.

² Файнберг Э. Я. И. А. Гошкевич — первый русский консул в Японии (1858-1865 гг.).—В кн.: Историко-филологические исследования: Сб. статей к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967, с. 509.

³ Гошкевич И. А. О корнях японского языка. Вильна, 1899, с. 109.

⁴ Биографические сведения об И. А. Гошкевиче см.: Грицкевич В. Беловолосый консул.— Неман, 1973, № 1, с. 179-183; Грыцкевич В. Аўтар першага японска-рускага слоўніка.— Беларусь, 1969, № 9, с. 29. В 1969 г. в Минске вышла книга В. Гузанова «Одиссей с Белой Руси», где содержатся существенные погрешности и ошибки в освещении фактов жизни И. Гошкевича и других персонажей.

коведа Г. Г. Павского судил Синод. И. А. Гошкевича решили выслать за пределы страны. Способность языковеда решили использовать в русской православной духовной миссии в Пекине, состав которой менялся раз в десять лет. 9 августа 1839 г. молодого человека зачислили кандидатом очередного, 12-го состава миссии в Пекине. Среди ее членов было трое будущих китаеведов — Паладий (Кафаров) — позже глава 13-й миссии, будущий академик В. П. Васильев и врач А. А. Татаринов, ставший впоследствии консулом в Синыцзяне¹.

Миссия должна была обслуживать «духовные потребности» так называемых албазинцев, т. е. совершенно окитаившихся потомков защитников русской крепости Албазин, уведенных маньчжурскими захватчиками в плен с Амура в XVII веке. Многие члены миссии занимались изучением природы и жизни Китая. За девять с половиной лет пребывания в Пекине И. А. Гошкевич проделал интересные астрономические и метеорологические наблюдения, собрал коллекцию насекомых. После возвращения в Петербург в 1850 г. он в «Трудах» миссии издал статьи о разведении риса и картофеля, о шелководстве, приготовлении туши, белил, румян, о китайских счетах. Эти статьи были положительно оценены передовыми русскими журналами «Современник» и «Отечественные записки». Впоследствии И. А. Гошкевич в своей статье «Хонкон» вспоминал жуткие картины обнищания и голода трудового китайского люда, изнывавшего под игом маньчжурских угнетателей.

Осенью 1852 г. для заключения договора в Японию был послан на фрегатах «Паллада» и «Диана» адмирал Е. В. Путятин. К нему были прикомандированы переводчик И. А. Гошкевич и секретарь И. А. Гончаров, автор известного к тому времени романа «Обыкновенная история».

В очерках «Фрегат «Паллада» И. А. Гончаров неоднократно иронизировал над завзятым фотографом и собирателем насекомых, лягушек, крабов, камней И. А. Гошкевичем, которого назвал происходящим «из малороссиян». Видимо, сблизиться востоковеду и писателю не удалось, иначе бы уроженец Белоруссии И. А. Гошкевич рассеял заблуждение писателя относительно своего мнимого украинского происхождения. «Паллада» обогнула Африку и Азию с юга. И. А. Гошкевич принял активное участие в переговорах с японскими властями. Е. В. Путятин ценил нашего земляка и просил руководство Министерства иностранных дел поощрить его. Перего-

¹ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 19, д. 3765, л. 2.

воры закончились 7 февраля 1855 г. заключением в Симоде первого русско-японского договора.

И. А. Гошкевич стал свидетелем мощного цунами у берегов Японии, о котором писал: «Вода со дна моря буравила и словно в котле кипела, волны ее клубились, и, вздымаясь, рассыпались брызгами; валы с моря один за другим... напирала воду, захватывали берега, мгновенно заливали местность все далее... Натиск воды, быстро распространяясь, добрался скоро до самого города (Симода), залил улицы, покрывал строения.., уносил с собою обратно в морскую пучину и разломанное строение, и самых людей! Скоро весь залив наполнился сплошной массой бревен, джонок, соломы, платья, трупов человеческих и людей еще живых, сохраняющих пока жизнь на какой-либо доске или куске дерева. Стон, крики, вопль гибнущих японцев, шум воды..,— это был такой хаос, приблизительно которому видим картины, с величайшим ужасом и содроганием, читаем описания... последнего дня Помпеи!»

Русские моряки помогали японцам, спасали потерпевших бедствие. Когда же спустя пару месяцев фрегат «Диана» во время бури затонул, японцы тоже пришли его экипажу на помощь. Объясняться им помогал И. А. Гошкевич. Кстати, во время кораблекрушения погибли коллекции и фотоаппарат востоковеда.

Во время пребывания русских моряков в городе Хэда с И. А. Гошкевичем сблизился японец Татибана Косай из рода Какэгава, бывший воин и священник секты «нитирэн». Русские моряки укрыли его от кары японских властей, запрещавших своим подданным общаться с иностранцами. Покидали Японию тремя группами. В последней, отплывавшей 14 июля 1855 г. на немецком бриге «Грета», были и; Гошкевич с Татибана Косаем, которого тайно принесли на корабль.

Участник перехода на «Грете» Н. Шиллинг вспоминал, что дожди и туманы замедлили плавание брига. Один раз бриг наткнулся на спящего кита. 1 августа у северного побережья Сахалина туман рассеялся, и моряки увидели английский пароход, с которого приказали остановиться. В это время шла Крымская война. Встреча русских с англичанами была нежелательной, поэтому моряки вынуждены были укрыться в трюме. Но их обнаружили. Напрасно офицеры Н. Г. Шиллинг и А. С. Мусин-Пушкин доказывали, что они безоружны, не принимали участия в военных действиях, и, следовательно, не являются военнопленными. Протест И. Гошкевича против пленения его как гражданского лица, также не был принят во внимание. Его вместе с другими пленными отправили в Гонконг.

Вместе с Татибаи Косаем И. А. Гошкевич прибыл туда 29 сентября 1855 г. Председатель местного отделения Лондонского Азиатского общества гонконгский губернатор сэр Джон Боурин пригласил нашего героя, известного своим знанием Востока, на заседание отделения. Там И. А. Гошкевич опроверг утверждения одного из выступивших о неподготовленности членов Русской духовной миссии в Пекине к востоковедческой деятельности.

Он критиковал колонизаторский режим в торговых китайских городах. «Что на первый раз особенно бросается в глаза в Гонконге и в других торговых городах Китая, так это совершенное почти отсутствие лошадей; их заменяют китайцами... В каждом доме есть обыкновенные крытые носилки... и несколько открытых... И в те, и в другие впрягают по два китайца, что обходится без сомнения дешевле лошадей, а в нравственном смысле они здесь унижены до скотского состояния и ничем не лучше любого невольника. Не раз бедный кули получал побои от встречного денди, за то, что не успел во-время посторониться или потому что последнему просто захотелось употребить в дело свою тросточку... В бытность мою здесь случилась на «Королевской дороге» небольшая сцена, в которой главную роль играл молодой офицер с фрегата ее величества «Нанкин». Кажется, молодой человек, бывший в веселом расположении духа, вздумал покушать плодов из корзинки разносчика, и китаец, не принимая шуток, потребовал платы, но не получив, взял за куртку джентльмена... Г(-н) офицер... нанес «мужику» сильный удар, раскrojивший ему лицо... На следующее утро дело представлено на суд нашего просвещенного помощника надзирателя, который... посоветовал уладить дело полюбовно и наемкнул на пять долларов, как на приличное вознаграждение обиженному».

Из Гонконга И. А. Гошкевича переправили в английский порт Портсмут и поместили в плавучую тюрьму—транспорт «Эмператрис». После подписания мира между Англией и Россией И. А. Гошкевич с Татибана Косаем, которого первоначально называли «Владимиром Прибыловым», а позже окрестили в честь Гошкевича Владимиром Иосифовичем Яматовым, в начале мая 1856 г. вернулся в Россию.

С помощью японца И. А. Гошкевич составил японско-русский словарь, вышедший в 1857 г. и удостоенный Демидовской премии.

В. И. Яматов стал чиновником Азиатского департамента, затем преподавателем Петербургского университета, а позже вернулся на родину.

Царское правительство готовилось открывать свое консульство в Японии в Хакодате. Министр иностранных дел А. М. Горчаков писал

об этом городе: «...Хакодате, по самому положению своему, вблизи от наших владений и на севере, где единственно сосредотачиваются все наши политические интересы, имеет, по моему мнению, неоспоримые для нас преимущества».

По рекомендации Е. В. Путятина консулом был назначен И. А. Гошкевич. Адмирал так характеризовал первого русского консула в Японии: «Не могу довольно нахвалиться его способностями, многосторонней образованностью и строгой точностью исполнения всех поручаемых ему дел. Нельзя было избрать чиновника с большими достоинствами и притом столь скромного, который бы до такой степени удовлетворял цели своего назначения».

В инструкции Министерства иностранных дел от 20 февраля 1858 г. первому русскому консулу и всем русским в Японии предлагалось придерживаться строгого невмешательства во внутренние дела страны: «Мы желаем единственно упрочения и распространения нашей торговли с Япониею. Всякие другие виды, всякая мысль о вмешательстве во внутренние ее дела чужды нашей политике. Старайтесь убедить в том японское правительство и наблюдайте, чтобы неприязненные внушения не дали ему превратного понятия о наших намерениях»¹.

Первоначально штат консульства предполагалось укомплектовать только двумя сотрудниками — консулом и секретарем. Но затем функции единственного дипломатического представительства России в Японии были расширены, в состав консульства были еще введены морской офицер, который должен был «сообщить японцам полезные сведения в астрономии, мореходстве и по искусству кораблестроения и корабельной механики», и врач. Последнему предписывалось открыть больницу, обучать при ней японцев медицине, изучать гигиену местных жителей и особенности характерных для них заболеваний.

5 ноября 1858 г., после переезда через сибирскую тайгу и дальневосточные сопки, члены консульства прибыли на клипсере «Джигит» в Хакодате. И. А. Гошкевич добился того, чтобы для консульства был отведен земельный участок

Рамиемитё (ныне Мономатн). Здесь на вершине сопки были построены двухэтажный дом консула, дома секретаря, морского офицера, врача. На другой стороне бухты располагались баня для моряков, пекарня, склады. Невдалеке располагались дома консулов других государств, что в дальнейшем послужило причиной несчастья:

¹ ЦГАВМФ, ф. 283, оп. 3, д. 316, л. 27 об.

13 февраля 1865 г. загорелся дом английского консульства. Пожар перекинулся на здания русских представителей и уничтожил их. В огне погибли ценные коллекции И. А. Гошкевича.

Возвращаясь с малогостеприимных дальневосточных берегов, русские моряки считали консульство в незамерзающей гавани Хакодате своим «домом», устраивали здесь маскарады, пикники, ставили любительские спектакли. Русские дипломаты и моряки оживляли культурную жизнь небольшой европейской колонии в Хакодате.

Что же представляло собой место, в котором приходилось жить консулу и его сотрудникам? Морской офицер П. Н. Назимов характеризовал город так: «Город Хакодате расположен на берегу бухты и в гору, на трех террасах; постоянно расширяется по берегу и в гору. Жителей считают до 6000. Строения города низки и легки... Зима в Хакодате действует разрушительно на здоровье, потому что весьма непостоянна; после большого мороза делается оттепель... северо-западные холодные ветры дуют четыре месяца». Ежемесячно происходили землетрясения. На острове Хоккайдо было четыре действующих вулкана.

Священник консульства И. В. Махов подчеркивал, что для Хакодате была типичной «бедность народная». Эту бедность трудового люда, вынужденного за гроши выполнять тяжелую работу, видел И. А. Гошкевич и в поездках по острову. 20 мая 1859 г. он посетил свинцовые рудники за рекой Аригава. Его спутник моряк Н. Казнаков писал о них: «Коридоры очень низки, обделаны досками и бревнами, между которыми просачивается вода и ручьем бежит по дну... В глубине коридоры поднимаются кверху, по просеченным в камне ступеням, с которых также падает вода... РУДУ ломают кирками... голые японцы в воде... Отломанную руду толкут молотами и несколько раз промывают руками...»

Еще в худшем положении находились аборигены острова — айны: «На полуострове Итомо живут несколько семейств айнов или мохнатых курильцев. Они в рабстве у японцев и обязаны уделывать дань японским чиновникам от своего рыбного лова или охоты за оленями... Тут же находится большое заведение для вываривания рыбьего жира. Айны обязаны заниматься промыслом и в вознаграждение имеют жилища, очень грязные, одежду и продовольствие из собственного же промысла и рис. Денег никогда не получают».

Бедности народа противостояла «роскошь и обыкновение окружать себя баснословным количеством раблепной свиты» феодальной знати. Лейтенант Корнилов писал: «Однажды нам случилось видеть въезд в Хакодате чиновника Матсмайского князя. Его окружала свита

человек в двести, составленная из копейщиков, ружейных солдат, носильщиков, бесчисленных знаменщиков и другого совершенно ненужного люда». Власти препятствовали сближению народных масс с русскими: «Они чуют, что иноземное влияние рано ли, поздно ли подточит их благосостояние».

И действительно, простые японцы благожелательно относились к русским. Жена врача М. П. Альбрехта свидетельствовала: «Простой народ, вследствие существенных выгод, приобретаемых от сношений с иностранцами и приветливого с ним обхождения, не питает к нам глупые предубеждения японского чиновничества; напротив, всегда встречает нас с добродушными и улыбающимися лицами, а в поездках за город в японских гостиницах нас всегда ожидает самый радушный прием».

Доброму отношению японцев к русским способствовало и бескорыстная медицинская помощь в госпитале при консульстве. Врач М. П. Альбрехт писал 31 июля 1859 г.: «С апреля месяца сего года, когда из Эдо я получил позволение заниматься практикою, меня часто посещают больные японцы. Мне удалось снискать доверенность их двумя случаями излечения водяной (водянки — В. Г.) у больных, которые без успеха были лечимы японскими врачами».

В 1859 г. недалеко от консульства был открыт временный лазарет, а позже постоянный госпиталь. Здесь лечили до сотни японцев ежегодно. Врачи Альбрехт и Залесский обучали японских врачей, бесплатно посещали больных на дому.

При консульстве в 1861 г. была открыта вторая в Японии русская школа, а ее педагог И. В. Махов составил и с помощью резчика по дереву Дзюкити и типографа Тайкити издал русскую азбуку («Россия но ироха»). Книгу рассылали по всей стране. Позже, в 1865 г. в Петербург по предложению И. А. Гошкевича были направлены для обучения шесть молодых самураев. В 1867-1868 гг. И. А. Гошкевич помогал им в Петербурге.

В 1868 г. член консульства и один из его японских учеников стали преподавать в правительственной Хакодатской школе русский язык, а также математику, географию и историю — все на русском языке. Поэтому школу переименовали в Хакодатскую русскоязычную школу. Практически все члены русского консульства преподавали русский язык. Ничего удивительного не было в том, что из всех иностранных языков, которые в то время французу В. де Мару довелось слышать в Хакодате, самым распространенным был русский, а ученики русской школы были носителями европейской культуры в городе.

И. А. Гошкевич был одним из первых иностранцев, которому разрешили проникнуть внутрь Японии. Ему приходилось ездить в столицу страны Эдо (ныне Токио) ко двору сёгуна для урегулирования различных вопросов. Однако до нас не дошли его записи о Японии. Он работал в условиях враждебного отношения местных властей к чужеземцам. Представители других государств плели против него интриги. Когда И. А. Гошкевичу удалось добиться постройки домов для консульства, упомянутый выше американец Райе и английский консул Пембертон С. Ходжсон «с завистью смотрели на создание домов, и эта зависть (зависть ли? — В. Г.) заставила их пустить слух, что эти здания строятся не для консула, а для будущего русского губернатора острова Эдзо (Хоккайдо).» Подобные слухи английские посланники Р. Олок и Г. Парке распространяли и позже, в 1860 г., чтобы отвлечь внимание японцев от захватнических замыслов самой Великобритании.

Тщетно западноевропейские и североамериканские дипломаты пытались втянуть И. А. Гошкевича в свои конфликты с Японией. «В столкновениях Японии с Англией, Голландией, Францией и Америкой Россия участия не принимала», — преимущественно благодаря умению и такту «беловолосого русского консула», как прозвали японцы И. А. Гошкевича за цвет его шевелюры. Историк А. А. Пеликан писал: «В то время, как эти державы держали в Эдо своих посланников и генеральных консулов, Россия ограничивалась посылкой в Хакодате простого консула, постоянно проживавшего там в качестве лишь наблюдателя, не принимавшего участия в иностранной политике. Вообще, за все время сношений, Россия высказывала Японии полное доброжелательство, а пребывавшие там русские поводов к озлоблению на них не давали».

Шли годы. В апреле 1865 г. И. А. Гошкевич выехал с семьей на Родину. Высокую оценку его деятельности в Японии дал 5 октября 1865 г. министр иностранных дел А. М. Горчаков в своем письме в Морское министерство: «В продолжение восьмилетнего (следовало: семилетнего — В. Г.) существования русского консульства в Хакодате, сношения с японским правительством и с туземными жителями были самые удовлетворительные. При переговорах, неоднократно происходивших между консульством, местными властями и центральным правительством (например, по поводу вопроса о размене монеты, об уступке земли для консульских зданий и т. п.) представления и требования консула были постоянно удовлетворяемы... Достаточно заметить, что Хакодате порт есть единственный, в котором не совершалось ни одного из тех ужасных злодеяний, которыми ознаме-

новалась жизнь в европейских факториях других портов... Известно также, что в Хакодате европейцы совершенно безопасно могут делать довольно дальние поездки за город, тогда как во всех прочих портах они почти не выходят из дому без сопровождения значительного японского конвоя».

В Петербурге И. А. Гошкевич провел два года, после чего был уволен с пенсией в 1500 рублей в год. Он приобрел имение Мали (в нынешнем Островецком районе Гродненской области), где продолжал заниматься восточной филологией. Посмертно вышла его книга «О корнях японского языка» (Вильна., 1899).

Скончался И. А. Гошкевич 5/17 октября 1872 г.,¹ как свидетельствует надпись на могильной плите на Евфросиниевском кладбище Вильнюса. Его именем были названы описанные им неизвестные ранее виды насекомых (часто он посылал свои коллекции в зоологический музей Академии наук в Петербурге), залив Чосанман (иначе Тздиньмань) в Корее (вблизи русско-корейской границы). Трудно переоценить вклад нашего земляка в дело налаживания контактов России и Японии.

¹ Дату смерти И. А. Гошкевича «1875 г.» приводит его сын И. И. Гошкевич в своем предисловии к кн.: Гошкевич И. А. О корнях японского языка (Вильна, 1899, с. 1-2). В «Азбучном указателе имен русских деятелей для РБС» (Сборник императорского Русского исторического общества, 1887, т. 60, с. 170) и в кн.: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей (СПб., 1910, т. 2, с. 76) указано, что И. А. Гошкевич умер 5 октября 1871 г. Дата смерти И. А. Гошкевича «1872 г.» выбита на памятнике над его могилой на вильнюсском православном кладбище св. Евфросинии (сообщено составителем рукописного каталога памятников кладбища и ответственным за кладбище Л. В. Савицким. См. также его письмо к автору книги от 5 декабря 1974 г.).

СОБИРАТЕЛЬ ГЕРБАРИЕВ

В своей книге «Остров Сахалин» Антон Павлович Чехов не раз ссылался на работы врача Томаша Матвеевича Августиновича (1809—1891), который в 70-е годы прошлого века изучал жизнь на этом дальнем острове.

Точное место его происхождения неизвестно. По сведениям историка и краеведа Г. А. Кохановского, фамилия «Августинович» часто встречается в районе местечка Кривичи ныне Мядельского района Минской области.

Отец Томаша Матвей Августинович был «вольным крестьянином» Виленской губернии. Больших трудов стоило сыну попасть в гимназию в Свислочи, а затем — на медицинский факультет Виленского университета. В 1832 г. университет был закрыт в связи с тем, что несколько сот его студентов примкнули к восстанию 1830—1831 гг., но медицинский факультет университета просуществовал еще десять лет под названием Виленской медико-хирургической академии. Т. М. Августинович окончил в ней курс с золотой медалью в 1835 г. Он издал учебное пособие для студентов, но власти не дали ему возможности заниматься наукой и направили на военную службу. Выпускников академии посылали служить подалее от родных мест, справедливо опасаясь их революционного духа. Спустя несколько лет академия всетаки была закрыта.

Когда Августиновичу удалось выйти в отставку, он стал работать в Полтавской, затем в Курской и Пермской губерниях, а в январе 1871 г. его перевели в Петербург.¹

На седьмом десятке лет развернулась деятельность Т. М. Августиновича по сбору растений на дальних окраинах России.² В 1871-1872 гг. ему поручили изучить условия быта поселенцев Сахалина. Преодолев бескрайние просторы Сибири, он спустился по Амуру и прибыл в порт Дуэ на западном побережье острова. Порт Дуэ вырос на речке Ходже вблизи залежей каменного угля, которые использовались для снабжения пароходов топливом. Здесь Т. М. Августинович провел девять месяцев, собирал растения, видел заросли бамбука в рост человека, высокие сосны, железную лиственницу, исполинский папоротник в речных долинах.

¹ ЦГИА СССР, ф. 1297, оп. 79, д. 610, 21 л.

² ЦГА ЯАССР, ф. 7, оп. 1, д. 357, л. 1—2; ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 16, д. 240, л. 5 об., 7 об., 13 об.

Исследователь вел дневник, который позволил ему написать статью «Жизнь русских и инородцев на острове Сахалине».¹ Он рассказал о полной драматизма жизни людей на сахалинской каторге.

Немало места врач отвел описанию коренных обитателей острова — нивхов (гиляков), орочей и айнов. В своей статье он привел подробные сведения о рыбной ловле, оленеводстве, одежде, питании, жилище аборигенов, изменениях в быту, которые произошли после появления на острове русских. С возмущением писал исследователь о рабстве, в котором находились трудолюбивые айны у немногочисленных японцев, появлявшихся время от времени на юге острова.

В 1874 г. Т. М. Августиновича направили в Якутию для борьбы с заразными заболеваниями. Он объездил сперва Вилюйский округ, а в 1875-1876 гг. Колымский округ — вплоть до побережья Ледовитого океана. Ученый лечил людей, описывал их быт, собирал растения. Слава о нем быстро распространилась по этому суровому краю. К добродушному доктору везли больных за сотни верст, веря в чудотворство его рук. В первую очередь Августинович оказывал помощь простым людям и детям.

В очерках «Три года в Северо-Восточной Сибири за Полярным кругом»,² он описал бурную жизнь золотоискателей на Лене и Витиме. Витим он назвал «Сибирским Сан-Франциско». Исследователь ночевал в жилищах якутов и чукчей — промерзлых «поварнях», то есть домиках для проезжающих на безлюдных дорогах Якутии. Он рассказывал о гостеприимстве народов Севера, их жизни, одежде, приговорах еды, о шаманах, их ритуалах.

Перед читателями раскрывались картины жизни коренного населения Сибири — якутов, юкагиров, чуванцев, омоков, эвенков (тунгусов), эвенов (ламуты), чукчей, перемены в их быту, происшедшие вследствие связи с русскими поселенцами, например, замену кожаной одежды одеждой из сукна, замену деревянной и берестяной утвари посудой из фаянса и металла. В очерках отмечены лучшие черты характера местных жителей: трудолюбие юкагиров, честность и кроткий нрав чуванцев и омоков, исполнительность эвенков и т. д. Эвенов он называл лучшими селками в тамошних местах. Из записок Т. М. Августиновича можно было узнать, что юкагир Востряков вводил грамотность среди своих соплеменников еще в

¹ Августинович Ф. М. Жизнь русских и инородцев на острове Сахалин.— Всемирный путешественник, 1874, № 2, с. 42-84.

² Августинович Ф. М. Три года в Северо-Восточной Сибири за Полярным кругом.— Древняя и новая Россия, 1880, т. 18, № 12, с. 641-733.

начале XIX в., что в жилище эвенов всегда соблюдались «безукоризненная чистота и порядок».

Большое место в рассказе отведено описанию ярмарки в Анюйской крепости, на которую собирались жители окружающей тундры. Здесь путешественник познакомился с представителями различных отличающихся друг от друга по быту групп чукчей — «носовых» (с Чукотского «Носа» или полуострова), «оленных», «шалагских», «каргаулей». Одни чукчи были зверобоями на морском побережье, другие — оленеводами. Во время ярмарки чукчи сдавали в казну ясак, устраивали состязания в беге, прыжках на натянутой шкуре, борьбе.

Аборигены не доверяли царским властям, стараясь по мере возможности не обращаться в официальные судебные органы. Они больше доверяли традиционному местному судопроизводству, основанному на старинных обычаях. Полицейская власть, по свидетельству автора, находилась в руках чиновников, хорошо знавших якутский язык: «И потому сношения их с якутами, покрытые по большей части таинственностью, ускользают от бдительного надзора областного управления, до которого почти никогда не доходят жалобы якутов на полицию».

Для исследователя характерны конкретность и краткость. Все сведения он точно датировал и отмечал, где он их собирал.

Последнюю большую поездку наш земляк совершил в 1880 г., когда проплыл пароходом из Одессы через Индийский и Тихий океаны вновь на Сахалин.¹ Во время путешествий Т. М. Августинович собрал немало образцов растений, рыб, пресмыкающихся, насекомых. Летом 1871 г. в Сибири он собрал двадцать тысяч растений, спустя девять лет на Сахалине — еще четыреста образцов местной растительности. Всего из Сибири исследователь привез в Петербург, в Ботанический сад и Ботанический институт Академии наук сорок тысяч экземпляров растений Сибири и Дальнего Востока. Его коллекциями широко пользовались видные отечественные ботаники. Как отмечал президент Академии наук СССР В. Л. Комаров, эти коллекции составили основу для изучения растительного мира Северо-Востока Азии.

Изучению быта чукчей и юкагиров особое внимание удедали в 90-е годы прошлого столетия ссыльные революционеры В. И. Иохельсон, В. Г. Богораз-Тан и другие. Наблюдения Т. М. Августиновича

¹ Августинович Ф. М. Извлечение из путевых записок пребывания на острове Сахалине.— Правительственный вестник, 1879, № 276 (перепечатано под загл.: «Несколько сведений о Сахалине» в газ. «Современность», 1880, № 1); он же. Заметки об острове Сахалине (из путевого журнала ...).— Правительственный вестник, 1880, № 284, 285, 286.

были сделаны за два десятилетия до начала работы этих исследователей, когда о жизни народов тундры Северо-Востока Азии знали чрезвычайно мало. Поэтому работа путешественника об этом крае не утратила значения и сегодня.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СИБИРСКОЙ ФАУНЫ

Летом 1873 г. в селении Старый Цурухайтуй в Степной Даурии трое ссыльных строили лодку. Власти разрешили им проплыть на ней вниз по Аргуни и Амуру, чтобы изучать природу Приамурья. Возглавлял экспедицию Бенедикт Дыбовский, известный к тому времени исследователь животного мира Байкала.

Жительница Хабаровки (как тогда называли Хабаровск) Рома фризе, оставившая интересные воспоминания о городе, так писала много лет спустя о прибывшем туда по Амуру Бенедикте Дыбовском: «Зимой 1874 года, в нашу жизнь вносил разнообразие приезжавший к нам в гости известный ученый, орнитолог¹ Дыбовский, который поселился с научной целью в сорока верстах от Хабаровки, со своими двумя товарищами. Он был один из самых интересных когда-либо виденных мною людей. Всегда скромно и чисто одетый, довольно высокий, здоровый шатен, красавец в полном смысле слова, он производил такое впечатление, точно никогда в жизни не видел себя в зеркале и потому не знал своей красоты. Спокойный, уравновешенный философ, высоко образованный, Дыбовский как бы не чувствовал своего превосходства над теми, кого встречал и охотно принимал участие во всяком пустом разговоре. А когда рассказывал о своих изысканиях, то казалось, будто читаешь самую интересную книгу. Он был доктор медицины, профессор Варшавского университета, вследствие беспорядков в 1863 (г.) его сослали в Сибирь, сначала жил в Забайкалье, а в 1874 г. переехал на Амур, чтобы исследовать его фауну и флору. Жизнь в тайге без всяких удобств не тяготила его нисколько. В случае надобности Дыбовский мог курить маньчжурский табак и есть пельмени из мяса енота с кунжутным маслом, не находя в этом ничего особенного, считая, что все в природе божий дар. Наука и помощь больным инородцам да окрестным казакам заменяли ему все в жизни. Я ни разу не видела его грустным, не слыхала, чтоб он пожаловался на судьбу. После беседы с ним становилось легче на душе и казалось, что все в жизни пустяки и тлен, кроме идеи, руководящей человеком. Получив разрешение вернуться на родину,

¹ Орнитолог — ученый, изучающий птиц. ² Биографические сведения о Б. Дыбовском см.: Винкевич Г.(А). В. Дыбовский (основные этапы жизни и деятельности). Ирк., 1961. 60 е.; Выдающийся географ и путешественник. Мн., 1965. 106 с. Мальдис А. Неутомимый исследователь Сибири.— В кн.: Рассказы о наших земляках. Мол., 1959, с. с. 83-86. Голенкова А. И. Следопыты Байкала. М., 1973, с. 70-108. Domaniewski J. Benedykt Dybowski. Warsz., 1954. 176 s., Trepka A. Benedykt Dybowski. Kat., 1979,- 496 s.; Грицкевич В. С берегов Свислочи и Припяти к Тихому океану.— Дальний Восток, 1974, № 1, с. 134-137.

Дыбовский уехал в европейскую Россию, но через два года мы снова увидели его в Хабаровке. На этот раз он ехал в Камчатку уездным врачом и предлагал, живя между прокаженными, заняться изучением проказы¹.

Бенедикт Дыбовский действительно был интересным человеком, видным ученым, прошедшим долгий жизненный путь — только трех лет он не дожил до своего столетнего юбилея.

Родился Б. Дыбовский 30 апреля 1833 г. в имении Тонвы Минского уезда Минской губернии, а по другим сведениям — в Адамарине той же губернии². Закончил Минскую гимназию, в которой в 30-40-е гг. учились: будущий композитор С. Монюшко; друг Т. Шевченко по ссылке, участник национально-освободительного движения Б. Залеский³; исследователь природы Южной Америки К. Ельский⁴. В гимназии тогда работали опытные преподаватели, прививавшие своим воспитанникам любовь к языкам, истории, естественным наукам. На склоне лет Б. Дыбовский в своем письме непременно секретарю Академии наук СССР С. Н. Ольденбургу от 30 января 1928 г. вспоминал с теплотой свои «гимназические студии в Минской губернской гимназии, касающие(ся) языка Державина, Лермонтова, Пушкина»⁵. Еще на гимназической скамье Б. Дыбовский полюбил природу, стал заниматься изучением рыб и птиц. После окончания гимназии поступил на естественно-медицинский факультет университета в Дерпте (Тарту). Затем обучался в университетах в Бреслау (Вроцлаве) и Берлине. В Дерпте в 1862 г. была подтверждена докторская степень, полученная Б. Дыбовским за границей после представления диссертации по зоологии⁶. В 1862 г. молодой ученый переехал в Варшаву в местную Главную школу, в которой стал адъюнкт-профессором зоологии и сравнительной анатомии.

Одним из первых в Российской империи Б. Дыбовский стал преподавать эти предметы с позиций новой тогда материалистической теории и исторического развития всего живого на Земле, основанной на воззрениях Чарлза Дарвина.

Общественные взгляды Б. Дыбовского складывались под влиянием революционного движения в стране. Он был знаком с Н. Г. Чернышевским, видным деятелем национально-освободительного движе-

¹ Dybowski B Pamiętnik od. 1862 do r. 1878. Lw.; 1930, 509-510.

² ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 20, д. 3949, я. 51.

³ О Б. Залеском см.: Грицкевич В. Друг Кобзаря по неволе.— Урал, 1977, № 3, с. 162-165.

⁴ О К. Ельском см.: Грицкевич В. П. Путешествия наших земляков. Мн., 1968, с. 120-137.

⁵ АО ААН, ф. 2, оп. 1928 г., д. 18, л. 155.

⁶ ЦГИА ЭССР, ф. 402, оп. 2, д. 4898, оп. 8, д. 848, д. 4899.

ния З. Сераковским и будущим генералом Парижской коммуны Я. Домбровским. Молодой ученый принял активное участие в подпольной деятельности. До переезда в Варшаву за участие в манифестации против властей в Вильно его арестовали и выслали в Дерпт. В Варшаве Б. Дыбовский быстро установил контакт с революционерами, готовившими восстание 1863 г.

По своей программе и движущим силам, это была буржуазно-демократическая революция, в ходе которой крепились революционные связи белорусского, польского, литовского и русского народов. Восстание проходило в период углубления революционной ситуации в России и было составной частью общероссийской борьбы против царизма.

Международный характер восстания подчеркивали Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Владимир Ильич Ленин. Восстание 1863 г. в Белоруссии и Литве развивалось в тесной связи с польским освободительным движением, носившим тогда дворянский характер. В. И. Ленин подчеркивал, что «пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобрело гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»¹.

В 1861 г. в Польше, Белоруссии и Литве, организационно оформились два политических лагеря — «белые» и «красные». «Белые» представляли интересы крупной и средней шляхты и буржуазии, выступали против социальных реформ, ориентировались на вмешательство западных государств и хотели возглавить движение, чтобы только вырвать у царизма ряд уступок. «Красные» представляли интересы мелкопоместной и безземельной шляхты, разночинной интеллигенции, ремесленников, а левое крыло «красных» выражало интересы крестьян. Социальная программа восстания предусматривала буржуазно-демократические свободы, равноправие всех граждан, республиканские формы правления, хотя окончательно не решала аграрный вопрос и не была последовательной в национальном вопросе. Несмотря на это, Ф. Энгельс высоко оценивал программу: «Страна, которую искромсали на куски и вычеркнули из списка народов за то, что она была революционной, не может уже нигде искать спасения, кроме как в революции. И поэтому во всех

¹ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 297.

революционных боях мы встречаем поляков. Польша поняла это в 1863 г. и провозгласила во время того восстания, годовщину которого мы сегодня чествуем, самую радикальную из всех революционных программ, когда-либо выдвигавшихся на востоке Европы¹.

И «белые», и «красные» были сторонниками восстановления государства Речи Посполитой, ликвидированного в результате грабительских разделов соседними монархиями. Для революционных демократов-«красных» лозунг Речи Посполитой 1772 г. олицетворял ликвидацию исторической несправедливости, совершенной разделениями Речи Посполитой. При этом они представляли себе отношения между польским народом и украинским, белорусским, литовским народами, построенными на началах равноправия и свободного слова. Вот почему идеи польского национально-освободительного движения нашли отклик среди многочисленных помещиков, мелкой шляхты, чиновников, однодворцев Белоруссии, в значительной степени подвергшихся полонизации.

Восстание началось в ночь на 23 января 1863 г. «Центральный Национальный комитет», стоявший во главе восстания, призвал народ к оружию и объявил свободными и равноправными гражданами страны всех «без различия веры, племени, происхождения и сословия». Одновременно были изданы два декрета. Первый — о переходе земли крестьян в их собственность без выкупа, второй — о наделении землей всех безземельных, которые вступят в повстанческие отряды.

Б. Дыбовский был активным участником создания «Литовского провинциального комитета», который возглавил революционное движение в Белоруссии и Литве и в котором принимал активное участие Константин Калиновский. «Центральный национальный комитет» поручил ученому отправиться во время каникул на Украину, чтобы ускорить там восстание. Б. Дыбовский отправился в Киев под предлогом участия в конкурсе на освободившееся место профессора в университете.

Перед революционером стояла задача преодолеть сопротивление местных «белых», сдерживавших порывы «красных», которые стремились привлечь к восстанию украинских крестьян и наделить тех землей, естественно, за счет помещиков. Ученый встретился в Киеве у губернского предводителя дворянства Хорватта с группой «белых» и прочитал им текст сообщения о восстании в Польше. Присутствовавшие на призыв к восстанию не откликнулись, и Б. Дыбовский покинул их ни с чем.

¹ Энгельс Ф. За Польшу.— К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. 2-е изд., т. 18, с. 554.

В эту же ночь на квартиру к Б. Дыбовскому, явилась полиция и приказала ученому без задержки по дороге возвращаться в Варшаву. Это говорило о том, что «белье» встали на путь доносов властям на представителей «красных».

На обратном пути в почтовый дилижанс, который следовал из Люблина в Варшаву, подсел Виктор Годлевский, делегат повстанцев Белосточкины. Попутчики разговорились. У них оказались общие знакомые, общий интерес к зоологии. Они не могли предположить, что им обоим предстоит попасть в ссылку в Сибирь и стать известными исследователями природы этого края.

В Варшаве жизнь Б. Дыбовского шла прежним чередом. Он читал лекции, руководил зоологическим музеем и продолжал участвовать в подпольной работе.

В самый разгар восстания, с июня по сентябрь 1863 г., когда царские ищейки рыскали по всей Варшаве в поисках революционеров, руководство восстания во главе с уроженцем Белоруссии Р. Траугуттом собиралось на квартире Б. Дыбовского и в его зоологическом кабинете Главной школы.

Властям удалось раскрыть роль ученого в подпольном движении. Жандармский офицер Н. Юган писал в 1866 г. в секретном донесении: «Из ... следственного дела видно, что он обратил аудиторию свою в революционный секретариат, за что и сослан в каторжную работу»¹.

Б. Дыбовского арестовали, в тюремном заключении он тяжело болел. Ученого приговорили к смертной казни, которая была заменена ссылкой в Иркутскую губернию на двенадцать лет. О своем пребывании в Сибири Б. Дыбовский написал обстоятельные воспоминания, которые были изданы на польском языке в 1912 и 1930 гг.²

Сибирь произвела на Б. Дыбовского большое впечатление. Он увидел широкие возможности для изучения малоизвестного животного мира отдаленного края. Этому не смогли помешать даже тяжелые условия пересыльной тюрьмы и поселения.

В декабре 1864 г. ученый прибыл в Иркутск. Здесь тогда работал Сибирский отдел Русского географического общества. Вокруг него сосредоточивалась научная жизнь необъятного края. Секретарем отдела, или, как его называли здесь, «министром просвещения Восточной Сибири», был зоолог Рихард Маак. С помощью Р. Маака

¹ ОРК ГПБ, ф. 629, архив В. Ф. Ратча, д. 194, л. 1 об.

² Dybowski B. O Syberii i Kamczatce. Podróż z Warszawy na Kamczatce. Kr.; 1912, 562 s.; Pamiętnik (...)tan że, 628 s.

ссылный ученый стал членом общества, получал книги из библиотеки отдела в тюремную камеру. Позже Б. Дыбовский вспоминал: «Трудно было работать (над этими книгами — В. Г.). Шум, плохое питание и освещение, движение в переполненной камере мешали чтению, но нужно было привыкать».

Из книги зоолога Г. Радде Б. Дыбовский сделал вывод, противоположный выводу автора. Г. Радде писал, будто восточносибирские птицы не имеют отличия от европейских, что Байкал беден беспозвоночными животными организмами. Б. Дыбовский решил изучить новые виды животных, сравнить сибирские их популяции (совокупности особей одного вида, проживающих в данной местности) с европейскими. Он полагал, что фауна Байкала не может быть бедной хотя бы из-за богатства озера разными видами рыб. Значит, в озере должны были водиться разные виды низших животных: чем же иначе питаются рыбы?

Сперва ученого и находившихся вместе с ним в Иркутской пересыльной тюрьме его старых знакомых — тоже участников восстания — В. Годлевского и работавшего в прошлом под Варшавой мастера по изготовлению чучел швейцарца Альфонса Парвекса направили за Читой на судоверфь в селение Сиваково на реке Ингоде. Здесь Б. Дыбовский валил лес, пилил деревья, помогал строить речные суда. Познакомился с участником восстания на Могилевщине, студентом земледельческого института в Горках Могилевской губернии Михаилом Янковским, который быстро научился плотницкому делу и усовершенствовал строительство барж. Он был умелым стрелком и под руководством Б. Дыбовского научился препарировать птиц и грызунов¹.

В 1866 г. пришла весть о переводе каторжан на положение ссыльнопоселенцев. М. Янковский отправился на север — на золотые прииски на реке Олёкме, а Б. Дыбовский, В. Годлевский и А. Парвекс — в местность Дарасун к югу от Читы, где у традиционных бурятских лечебных источников устраивался курорт. Здесь ученый стал врачом больницы, часто ездил по окрестностям Дарасуна, посещал больных — русских и бурят. Он заслужил любовь населения, потому что помогал ему бесплатным лечением и лекарствами.

С первых же дней знакомства с бурятами ученый подчеркивал свое уважение к этому народу, отмечал те положительные черты бурятского народа, которые, по его мнению, утратили европейцы в ходе развития: природное крепкое здоровье, хорошее воспитание детей.

¹ М. И. Янковскому посвящена повесть его внука В. Ю. Янковского «Нэнунуи-четырёхглазый». Яр., 1979, с. 239.

Б. Дыбовский поехал из Дарасуна в заселенную бурятами Агинскую степь тропинкой вдоль Дарасунской долины и первую остановку сделал у юрты своего друга Тумура. Б. Дыбовский описал строение и внутреннее устройство юрты и подчеркивал ее хорошие гигиенические качества: «Как к ней привыкают, может служить следующий факт, который я наблюдал: образованный бурят, когда закончил курс медицины в Петербургской медицинской академии, вернулся в Забайкалье, жил в большой юрте летом и зимой, и говорил, что лучше всего чувствует себя в юрте».

Местные жители охотно помогали Б. Дыбовскому. Они передавали экземпляры животных, в частности кабарги, на которую охотились в Алханайских горах. Бурят Татауров был проводником ученого во время охоты в долине реки Туры. Многие о нравах и обычаях бурятов исследователь почерпнул из постоянного общения с Тумуром, которого принимал у себя дома и у которого неоднократно гостил.

Чтобы лучше изучить жизнь бурятского народа, Б. Дыбовский учил бурятский язык и отмечал в дневнике: «Я записывал выражения, фразы, даже целые рассказы. В моем представлении язык каждого народа выражает его так называемую душу». В своих дневниках ученый приводил бурятские термины. В его записях можно насчитать более шестидесяти бурятских слов в их оригинальном звучании (с переводом). Это термины, обозначающие животных, их масти, растения, детали быта, продукты питания. Б. Дыбовский тщательно записывал легенды о прошлом бурятского народа, интересовался и археологическими памятниками. У южной части Бальзинского озера, недалеко от Дарасуна, он обнаружил каменные строения типа дольменов¹. Рисунки на этих строениях Б. Дыбовский зарисовал и отослал О. М. Ковалевскому в Варшаву.

Отмечал Б. Дыбовский стремление бурятского народа к знанию: «Сблизившись с бурятским народом, как врач, и узнал его и вынес убеждение, что это народ, способный к прогрессу и достойный, чтобы заниматься им с братской любовью».

Ученый-демократ видел имущественное расслоение среди этого народа и не мог обойти молчанием отношение трудящихся бурятов к ламам: «Мне приходилось слышать нарекания на общины лам, а их злоупотребления, их вымогательства и т. д. уже тогда осуждались». Вместе с тем, ввиду недостаточной лечебной помощи бурятам со стороны европейски образованных врачей и ветеринаров, «ламы были

¹ Дольмен — древнее погребальное сооружение из огромных каменных глыб и плит, поставленных вертикально и покрытых сверху.

там почти единственными врачами, которых приглашали к больным». Претензии духовенства на монополию в деле врачевания характерны для ранних периодов развития всех народов. Успеху лам, как мы знаем теперь, способствовали рациональные методы индо-тибетской медицины, которые они применяли.

Ценность воспоминаний Б. Дыбовского велика, но они, к сожалению, пока не использованы исследователями прошлого бурятского народа.

Основной сферой интересов ученого была зоология. В Дарасуне он собрал и изготовил более пятисот чучел ста пятидесяти видов птиц, много птичьих яиц, более сорока препаратов двадцати шести видов рыб рек Ингоды и Онона, впервые описал местные виды рыб. Исследователь смог опровергнуть мнение о том, будто бы восточносибирская фауна не имеет отличий от центральноазиатской и европейской.

Изучив животный мир Забайкалья, Б. Дыбовский решил перебраться ближе к Байкалу и добился в 1868 г. перевода в село Култук на берегу озера. Вместе с В. Годлевским и А. Парвексом он на собственные средства устроил метеорологическую станцию и обсерваторию для изучения колебаний уровня воды Байкала, сделал приборы для измерения глубин.

Ученый изучал Байкал более трех лет. Он и его товарищи проводили по несколько недель на льду озера без палаток. Вдоль обозначенной линии Б. Дыбовский и В. Годлевский кирками вырубали проруби, в них с вечера опускали зонды, а наутро вынимали. После таких экспедиций исследователи возвращались в Култук с обмороженными лицами и покрасневшими глазами.

В результате было доказано, что дно озера кишит низшими организмами, что животный мир богат видами, что Байкал является очагом возникновения новых видов. Был изучен рельеф дна, дана характеристика температуры, химического состава воды и льда, а также климат и животный мир озера Хубсугул-гол и хребта Хамар-Дабан.

Б. Дыбовский пользовался любой возможностью, чтобы узнать новое о неизведанной природе Сибири и Дальнего Востока. Он с радостью принял приглашение работать врачом в комиссии генерала И. Г. Сколкова, объезжавшего летом 1869 г. Приамурье и Приморье. Когда генерал спросил ученого, какую плату тот хотел бы получить за свою работу, то услышал ответ: «С меня достаточно, что я получил возможность путешествовать и работать над коллекциями, которые мне удастся составить».

В экспедиции И. Г. Сколкова принимал участие известный уже тогда путешественник Н. М. Пржевальский, с которым наш земляк сблизился. Комиссия проплыла по Амуру в Николаевск, который тогда был административным центром Дальнего Востока, оттуда в бухту Де-Кастри, а затем вдоль Сахалина во Владивосток. По пути завернули в бухту Находка, о которой Б. Дыбовский записал: «Перед нами открылось скалистое побережье, мы медленно приближались к нему, обозревали окрестности, и в скорости приплыли к тихому, ангельского вида порту. Каким красивым все казалось нам здесь. Со стороны моря охраняют залив достаточно обширные скалы, высящиеся над берегом. Открыли этот порт за несколько лет до этого случайно, поскольку со стороны моря его не видно. Отсюда и название «Находка». Залив и его окружение красивые, растительность богатая, деревья редкие, но пышные, трава по лугам такая высокая, что достигает плеч человека».

Вскоре пароход прибыл в «Королеву заливов Маньчжурского (Японского — В. Г.) моря», как называли бухту, на берегу которой находился Владивосток. «Когда мы находились там,— вспоминал позже Б. Дыбовский,— почти вся поверхность (Муравьевского полуострова — В. Г.) была еще покрыта прекрасным лесом, спускающимся во многих местах до моря. На вырубленном пространстве было построено уже много домов, тут же находились казармы для солдат и моряков, часть побережья использовались как огороды...»

Дорог на полуострове тогда еще не было, ходить надо было по протоптаным в густой траве тропинкам. Комиссия, с которой прибыл в Приморье Б. Дыбовский, должна была решить, можно ли строить доки во Владивостоке или же для этой цели использовать другие бухты. Решено было обосноваться во Владивостоке. Через озеро Ханка, по рекам Сунгача и Уссури экспедиция вернулась в Хабаровку. По пути туда, в селе Никольское (ныне Уссурийск) Б. Дыбовский познакомился с архимандритом Палладием — Петром Ивановичем Кафаровым (1817-1878), русским ученым, который провел сорок лет в Пекине, где успешно изучал прошлое Дальнего Востока. Палладий составил большой китайско-русский словарь и издал много научных работ о народах Тихоокеанского побережья. Он проводил летний отпуск в Никольском, климат которого напоминал ему родные русские места. Б. Дыбовский называл востоковеда «светлым и добрым человеком».

Во время поездки наш земляк смог ознакомиться с животным миром новых мест и собрать ценный гербарий. На материалах экспедиции он написал работу о рыбах бассейна Амура.

После поездки в Приморье ученый провел еще четыре года в Култуке, где закончил изучение Байкала. Б. Дыбовскому и В. Годлевскому было разрешено поехать изучать животный мир степной Даурии. Исследователь выхлопотал также позволения взять с собой Михаила Янковского.

Отсюда Б. Дыбовский и его друзья отправились в Приамурье на построенной ими самими лодке (ее символично назвали «Надеждой»), Гостеприимные забайкальские казаки проводили Б. Дыбовского и его друзей в путь по полноводным рекам Аргуни и Амуру.

Путь был нелегким: водовороты, мели, ураган. Иногда приходилось поднимать над лодкой парус. Несколько раз встречали беглых каторжников; одного, плившего на плоту к морю, они обогнали и снабдили табаком и чаем; другого, менее удачливого, везли им навстречу на лодке казаки.

После шести недель плавания путешественники достигли Благовещенска. Там получили бесплатные билеты на проезд пароходом до Хабаровки.

Отсюда Б. Дыбовский и его спутники выехали в станицу Казакевичеву; она стала базой их дальнейших экспедиций по Уссури. Здесь натуралисты собирали коллекцию чучел птиц и зверей и приняли участие в охоте на тигра. В станице они провели зиму 1873-1874 гг.

Активно включились друзья в работу местного кружка передовой интеллигенции: «Устраивались лекции, мы принимали в них участие. Михаил (Янковский) читал лекцию о золотых приисках и долинах рек Лены и Олёкмы. Виктор (Годлевский) преподавал способы прививок роз и фруктовых деревьев, я прочел пару лекций о истории Амура и его заселения, и о научных работниках, имеющих своей целью изучение флоры и фауны этого. Фадей Чаплеевский¹ прочел лекцию о русских писателях, госпожа Порозова² о Добролюбове; словом, можно смело утверждать, что Казакевичева стояла тогда во главе просветительских занятий в Амурско-Уссурийском крае».

Как и в Забайкалье, Б. Дыбовский лечил местных жителей, причем отказывался от гонорара. Его приглашали и в станицы по Уссури, и в Хабаровку, где не было на то время ни одного врача. Из Казакевичевой Б. Дыбовский и его друзья переехали на озеро Ханка, а оттуда на остров Аскольд. Косность и непонимание научных задач, решаемых учеными, были характерны для местных властей. Несмотря на предписание иркутского генерал-губернатора об оказании Б.

¹ Адъютант части, размещенной в станице.

² Акушерка, работавшая в Казакевичевой.

Дыбовскому помощи, командующий Тихоокеанской эскадрой адмирал Афанасьев, который враждебно относился к генерал-губернатору, не предоставил ученому судна для плавания по Японскому морю.

Невежественный адмирал заявил ученому: «Мы не стыдимся плавать по нашим морям с помощью английских морских карт, а еще должны стыдиться, что не знаем растительного и животного мира. Приедут англичане, немцы, французы, они исследуют и опишут их, без всяких расходов с нашей стороны. Что до морских глубин, то морякам нет надобности знать о них, они только должны знать морские мели».

С горечью исследователь подчеркивал нежелание местных властей заботиться о просвещении жителей Приморья. Когда он посетил вторично село Никольское, оказалось, что там «появилось много больших домов, а вместо малороссийских (украинских — В. Г.) крыш, видны теперь крыши, покрытые досками. Большие окна заместили старые маленькие окошки неправильной формы, в деревне появились лавки и склады, в лавках можно достать товары, о которых никто не слышал раньше, как например, здесь есть разнообразные американские консервы, французские бисквиты; на полках стоят бутылки с араком, ромом, винами, вплоть до шампанского; на широких прилавках лежат голландские сельди, вестфальская ветчина, поморские гусиные полотки, голландский, швейцарский и даже лимбургский сыр; здесь есть конфеты в коробочках, стеклянных банках и элегантных коробках; конфитюр и всякие другие деликатесы. Как мы видим, в удовлетворении потребностей желудка есть большой прогресс, но о потребностях духа никто до сих пор не заботился, поскольку ни книжной лавки, ни библиотеки, ни школы здесь нет».

Ученый критически относился к царской администрации, насаждавшей дух обскурантизма и двоедушия. Полно сарказма описание лицемерного поведения царских чиновников во время молебна: «Около одиннадцати мы идем в церковь, чтобы посмотреть, как русские немцы бьют низкие поклоны и познать все религиозное лицемерие местной интеллигенции. Присматриваемся к этому. Наиболее ревностны в проявлении набожности, конечно те, которые вышучивают все православие, называя его примитивным язычеством. На молебне по обязанности должны быть все чиновники, православные они или нет. Для «украшения» картины присутствуют и нарядные барыни. Церковь полна людей, в ней достаточно формальностей. Отец Михаил читает горячую проповедь верующим, и комедия закончена. Если бы не официальное принуждение, если бы не уверен-

ность, что за хорошо разыгранную набожность будет получена соответствующая награда, ручаюсь, что церковь осталась бы полупустой».

Будущее Дальнего Востока ученый связывал с деятельностью передовых людей края, таких, как Н. М. Пржевальский и П. Кафаров. Сам Б. Дыбовский, несмотря на нежелание властей помогать ему, продолжал исследования на острове Аскольд и на берегу залива Стрелок вблизи Владивостока. Он помог местным жителям, прививая им во время вспышки оспы вакцину, которую приготовил на месте сам. Продолжая исследовательскую работу, он составил карту местности, открыл более сорока новых видов птиц, собрал коллекцию губок, моллюсков, ракообразных.

Во Владивостоке наш земляк «рассматривал план будущего города, начерченный каким-то фантастом. На нем были нарисованы улицы с названиями, взятыми из европейских столиц, были обозначены места для театров, для железнодорожных вокзалов, для университета, публичной библиотеки, для памятников великим деятелям и героям — когда эти мечты смогут осуществиться? Разве тогда, когда народам (России) будет дана конституция...»

Мечты фантастов середины XIX в. о будущем центра Приморья осуществлялись только при Советской власти.

В 1875 г. Б. Дыбовскому, В. Годлевскому царские власти разрешили вернуться на родину. Однако формальности, связанные с их возвращением, продлились до 1877 г. Ученого радушно встретили в Петербурге в Академии наук и Географическом обществе, которое избрало его действительным членом и наградило золотой медалью. Он не оставил мысли снова вернуться на Дальний Восток, чтобы продолжить исследование природы. В 1878 г. Дыбовский в третий раз посетил Хабаровку. Экспедиция должна была подтвердить отличие животного мира Восточной Сибири от фауны Западной Сибири. Он хотел найти пути, которыми морские животные могли попасть в Байкал. Ученый по своему ходатайству был зачислен на должность врача Петропавловского округа. На Камчатке он проработал четыре года, часто по бездорожью въезжал в деревни, пять раз объехал полуостров, трижды посещал Командорские острова. Б. Дыбовский сочетал работу врача и естествоиспытателя, боролся с эпидемиями, основал больницу для прокаженных и венерических больных.

В письмах к генерал-губернатору Восточной Сибири и в Русское географическое общество Б. Дыбовский отмечал, что высокая заболеваемость и смертность жителей Камчатки и Командорских островов — следствие их плохих материально-бытовых условий: «Не могу смотреть на бесчеловечное отношение администрации, купцов и

священников к местному населению Камчатки... Для ограждения народонаселения Камчатки от голодной смерти никаких мер до настоящего времени не принято, молитвы и богослужения, которыми их угощают в настоящее время, мало действуют». Наш земляк показал, что на Камчатке нет животных из соседних земель, а следовательно, фауна полуострова носит характер островной.

В 1883 г. Б. Дыбовского пригласили занять кафедру зоологии во Львовском университете. Там он организовал музей, используя для этого дальневосточные экспонаты, продолжал обрабатывать добытые им в экспедиции материалы, пропагандировал научные знания, противопоставляя их религиозной вере, активно выступал против расистских ажеучений, выступал за равноправие и братство народов на территориях со смешанным этническим населением. Он был убежденным противником национального и религиозного угнетения.

В начале нового академического 1885 г. в университете только и говорили о вступительной лекции ученого. В знак протеста против антирелигиозной направленности лекции представители католического духовенства покинули аудиторию. Зато прогрессивно настроенные студенты устроили профессору длительную бурную овацию. Это происшествие весьма характерно для Б. Дыбовского — активного пропагандиста научных знаний. Он с иронией писал в 1907 г.: «Мы и сейчас еще не доросли до вершин правды, для нас правда — это то, что «Пшеглэнды католицкие» преподносят как правду, а из уст высших представителей церкви мы слышали приказ руководствоваться только католической правдой. Что, однако, означает тахся правда, это мы знаем из истории той тысячи мучеников, которые погибли в борьбе за свободу мысли, свободу слова и за свою личную свободу».

И с кафедры, и со страниц статей ученый призывал к равноправию женщин и мужчин, запрету производства и продажи алкогольных напитков, ростовщичества, частных банков, проституции.

Католические иерархи Галиции активно выступили против преподавания Б. Дыбовским учения Ч. Дарвина. В местной печати правого направления было опубликовано восемь статей с обвинениями в пропаганде «безбожных взглядов». Идеальный противник ученого профессор догматики богословского факультета Львовского университета Юзеф Бильчевский в 1900 г. возглавил это учебное заведение и одновременно — львовскую епархию. Клерикалы пользовались поддержкой властей, на стороне Б. Дыбовского были только прогрессивные ученые. Под влиянием духовенства австрийское министерство просвещения (Львов тогда входил в состав Австро-Венгрии) предложило

Дыбовскому не касаться в лекциях теории Дарвина, в которой видело «символ безбожия, аморальности, революции и тому подобных вещей».

Ученый наотрез отказался отречься от своих взглядов и пообещал, если его будут принуждать к этому, покинуть университет и вернуться на Камчатку, где, по его выражению, «он будет иметь лучшие возможности распространения культуры и прогресса». Министерство испугалось политического скандала и сочло за лучшее отказаться от своей затеи. И все же епископ-митрополит Ю. Бильчевский добился ухода Дыбовского на пенсию в 1906 г. Перед этим ученый подвергся другим нападкам со стороны реакционеров за то, что во время острых политических споров в Львовской прессе по поводу революционных выступлений пролетариата в царской России в 1905 г., он высказался за справедливость требований рабочих.

Даже уйдя на пенсию, ученый мечтал вернуться на озеро своей молодости — на Байкал. После установления Советской власти в Сибири, когда Б. Дыбовский узнал о создании на озере исследовательской станции, послал туда свои работы о животном мире, переписывался с ее сотрудниками.

Советский народ не забыл самоотверженного исследователя сибирской природы. 14 января 1928 г. Академия наук СССР избрала Б. Дыбовского членом-корреспондентом. В ответном письме непременно секретарю Академии старый ученый писал: «Извещая Вас о получении диплома, прошу передать высокоценным членам Академии наук — искреннюю и сердечную благодарность за оказанную мне честь избрания на членакорреспондента столь славной по делам науки Академии русского народа. Весь мой труд, все деянья мои были всецело направлены к той, еще далекой от нас цели будущего, где люди найдут свое высокое счастье в возможности делать счастливыми ближних своих. Гордясь званьем коллеги вашего, остаюсь с глубочайшим почтением Др. Б. Дыбовский(й)».

31 января 1930 г. Б. Дыбовский умер. Его именем был назван катер Лимнологического института Академии наук СССР, который находится в Листвянке у истока Ангары из Байкала. В музее института помещен бюст ученого. На памятнике Б. Дыбовскому над его могилой на Лычаковском кладбище Львова выбита надпись: «Бенедикт Дыбовский,— ученый зоолог (1833-1930)». Это надгробие стоит на одном из холмов кладбища рядом с прекрасным памятником его друзьям по восстанию 1863-1864 гг.— Р. Траугутту и другим.

КОГДА И СМЕРТЬ НЕ ОСТАНАВЛИВАЕТ

В ряду бессмертных имен исследователей Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока — Пржевальского, Ливингстона, Амундсена, Скотта, стоит и имя Черского.

Иван Дементьевич (Ян Доминикович) Черский умер 25 июня 1892 г. во время экспедиции на руках у жены, на глазах у единственного сына. Но до конца жизни он оставался на носу карбаса (речного судна), наблюдал за рекой Колымой и днем и светлой полярной ночью. А жене он наказал продолжать путь вниз к Ледовитому океану даже после его смерти, чтобы завершить экспедицию и наблюдения за неизведанными местами.

Уже зная, что он обречен, Черский записал в дневнике: «Я сделал распоряжение, чтобы экспедиция не прерывалась, ...даже в том случае, когда настанут мои последние минуты, и чтобы меня все тащили вперед и даже в тот момент, когда я буду отходить»¹

Буря и волны держали лодку с телом покойного несколько суток. И только 28 июня вдова похоронила его на левом берегу Колымы — против устья реки Омолон.

Родился И. Д. Черский далеко от Сибири, на севере Белоруссии 3 мая 1845 г. в семье небогатого белорусского шляхтича² Его родной дом был в имении Сволья нынешнего Верхнедвинского района Витебской области.

Трудно найти другого отечественного путешественника, чья судьба была бы более тяжелой, чем у И. Д. Черского. Он рано потерял отца, принял участие в «бунте против государя» в рядах повстанцев 1863-1864 гг., служил рядовым линейного батальона в Омске, там, где десятью годами раньше в таком же батальоне служил Ф. М. Достоевский, — и все это в неполные двадцать четыре года. Нелегко приходилось молодому солдату на плацу, в казармах, караулах. Выручала только хорошая физическая подготовка. Самообразование заменило ему высшую школу. «При коптящей сальной свечке, в грязном помещении заброшенной бани часами просиживал молодой исследователь над анатомическими препаратами, доставая материал с большим трудом», — вспоминал позже о нем один из друзей — Б. И. Дыбовский. Юношу отказались принять в университет как политического преступника, его статьи отвергали научные журналы.

¹ АО ААН, ф. 47, оп. 2, д. 182, л. 2.

² ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 32, д. 2000, л. 3—4.

И все же ученые Сибири и центра вскоре узнали о молодом исследователе, о его пытливости и способностях.

Осенью 1871 г. новый научный центр Сибири — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества пригласил на должность писаря, библиотекаря и консерватора музея 25-летнего политического ссыльного И. Д. Черского.

Молодой человек двинулся через всю Сибирь из Омска в Иркутск, где размещался отдел. Б. Дыбовский вспоминал об этом: «Не имея средств на дорогу, Я. Черский продал все, что имел, и оставил самое необходимое из одежды: тулуп, меховую шапку и пимы. В таком сибирском наряде, в морозную сибирскую зиму, страдая от холода и часто голодая в пути, прибыл он в столицу Восточной Сибири».

Исследовательский талант И. Д. Черского развернулся на берегах самого глубокого в мире озера — Байкала. Ученый систематизировал и описал останки ископаемых животных, а в Нижнеудинской пещере на берегу Ангары нашел кости двадцати видов ископаемых животных.

Исследователь впервые обнаружил и правильно истолковал памятник каменного века на правом берегу притока Ангары — Ушаковки, но после этого полностью переключился на геологические и палеонтологические исследования, хотя его находки открывали новые страницы в археологии. Современные науковеды справедливо считают деятельность И. Д. Черского ярким примером скромности ученого, для которого важна суть открытия, а не то, признает ли научная общественность его новаторство, оценит ли его находки¹.

И. Д. Черский изучал природу Саян, Ирисаянья. Приангарья, геологическое строение берегов Байкала, бассейна рек Селенги и Нижней Тунгуски. Четыре года он исследовал геологическое строение «Славного моря» и его животный мир, взбирался на каменные скалы, отбивал от них куски пород. На твердых скалах ученый выдолбил засечки, чтобы в будущем его преемники могли определить, поднимаются или опускаются берега Байкала. На основании своих записей составил геологическую карту берегов, выявил наличие недавней вулканической деятельности вблизи озера, выдвинул идею эволюционного развития рельефа, предложил первую палеотектоническую схему

Сибири. За работы по геологии побережья Байкала И. Д. Черский получил золотую медаль Русского географического общества.

В 1882 г. Русское географическое общество создало метеорологическую станцию на Нижней Тунгуске — в селе Преображенском и

¹ Фролов Б. В. Первые исследователи сибирского палеолита.— *Вопр. истории*, 1973, № 5, с. 214-220. Динамика мотивации в биографии исследователя.— *В кн.: Человек науки*. М., 1974, с. 173-188.

поручило Черскому проводить там наблюдения за погодой. В начале июля 1882 г. вместе со своей женой иркутянкой Маврой Павловной и трехлетним сыном Сашей исследователь отправился туда. Вернулся в Иркутск осенью 1883 г., а весной 1885 г. Академия наук вызвала его в Петербург. По дороге он провел геологические исследования вдоль почтового тракта от Иркутска до Урала. И. Д. Черский остался работать в Географическом обществе в Петербурге. Только теперь он получил долгожданную амнистию.

Академия наук поручила И. Д. Черскому определить и описать кости древних животных, привезенных с берега моря Лаптевых. На основании их анализа исследователь пришел к выводу, что места, занятые теперь тундрой, были в свое время покрыты лесом, дававшим корм мамонтам и носорогам. Но только в самой Сибири И. Д. Черский смог бы решить вопрос, как жили там животные в послетретичное время. Он решил ехать туда. Вместе с ним ехали Мавра Павловна и сын.

Через Иркутск Черские и их спутники прибыли в село Качуг на Лене, по ней спустились в Якутск. В Якутске наняли опытного проводника казачьего урядника Степана Расторгуева — участника двух экспедиций по Колыме, Чукотке и Камчатке.

Б. Дыбовский писал: «Черский обладал особым даром располагать к себе всех. Но особенно его любили сибирские крестьяне и буряты. Каждый из них, как говорится, пошел бы за него в огонь и воду. У всех проводников, с которыми он странствовал во время многочисленных путешествий, не хватало слов, чтобы высказать восхищение и удивление его энергией, отвагой, неутомимостью и умом. Они называли его «наш Иван Дементьевич», потому что это отчество легче запоминалось сибиряками, чем «Доминикович», и так просил называть его сам Черский. Обращаясь с народом, он сумел освоить язык и стиль разговора местного населения, собрал большой материал, касающийся верований, предрассудков, народной медицины и т. д.»

...14 июня 1891 г. караван двинулся из Якутска в путь. Неподалеку от устья реки Амги пришлось переправляться через Алдан. За Алданом раскинулись болотистые берега реки Хандыги; долины рек, разбитых на десятки рукавов, «тарьны» (наledi в их руслах, сохранявшиеся до глубокой осени), предгорья Верхоянского хребта.

Наконец перевалили хребет и спустились к Оймякону. Здесь путешественников задержал на несколько дней разлив Индигирки. Между Индигиркой и рекой Нерой экспедиция пересекла хребет, который Черский нанес на карту под названием «Тас-Кыстабыт» (камень набросанный). На пути встретились и другой хребет —

«Улахан-Чистай» (большое безлесное пространство), и долина реки Борулах, и, наконец, южная часть хребта ТомусХая — Индигирско-Кольмский водораздел.

Караван спешил к Верхнеколымску, где предстояло перезимовать. Погода портилась, как-то даже повалил снег. Наш земляк красочно описывал непривычные его глазу ландшафты края: «Вообразите, например, желтоватоили зеленовато-белый покров из здешних прелестных сухих мхов, на фоне которых удачно разбросаны как темно-зеленые, как бы бархатные участки шикши (*Empetrum*), не скоро поддающиеся действию осени, так равно и кровяно-красные пятна мельчайшей тундренной березки, так и еще более ярких листьев одного растения, алеющего к осени».

28 августа путешественники прибыли в Верхнеколымск, поселились в небольшом домике со слюдяными окнами. К зиме в рамы вставили льдины и обморозили стены и плоские крыши смесью снега и воды. Все это надежно защищало от лютого холода.

В Верхнеколымске И. Д. Черский заболел. Недостаток продуктов, витаминов (дороговизна заставила членов экспедиции экономить на хлебе и сахаре и питаться преимущественно рыбой и икрой) ухудшил и без того слабое здоровье ученого. Несмотря на это, он вел систематические метеорологические наблюдения, изучал язык и обычаи местных жителей — якутов, юкагиров, эвенов (ламутов), подробно описал шаманство, верования, календарь, болезни и методы их лечения, записывал песни и сказки местных народов.

Ученый фиксировал поэтические названия явлений природы. О Полярном сиянии якуты говорили: «У юкагиров огонь горит». Якуты считали, что Полярное сияние возникает при возгорании серных гор от действия снега, и представляет собой испарения серы. Мигание звезд в ясную зимнюю ночь якуты называли «пляской и пением звезд». Мамонта якуты называли «водяным зверем», который якобы делал ходы под землей, ходы теперь обваливаются и так образуются овраги. Вероятно, это поверье происходило оттого, что кости мамонта находили в земле. Рога ископаемого носорога местные жители считали когтями гигантской птицы, которая будто бы могла поднять в воздух быка или всадника с лошастью.

Утро ученого начиналось с песни проезжающего якута. «При едва лишь пробуждающейся заре, после обычных моих наблюдений, я нередко с удовольствием слежу за таким певцом, мчащимся на четверке собак вдоль снежной пелены речного русла,— писал И. Д. Черский,— постепенно замирающая, заунывная трель эта всегда навевала на меня нечто томно-сентиментальное. Воспевал ли он

красоту зари при трескучем морозе или надежды на хороший улов налимов в заездке, к которому он направлял свою легкую нарту,— быть может в песне той фигурировал и я — житель неведомого им мира, стоявший тогда на высоте берегового склона его родной реки?»

Ученый осуждал тех западных исследователей, которые пренебрежительно относились к жителям Северной Азии. Он признавал, что народы эти самобытны и талантливы, в их среде много людей, отличающихся большими способностями, но для развития этих способностей необходимо создать условия и, в первую очередь, заняться просвещением этих народов. Он писал: «У меня, например, живет ныне молодой якут (Анисим Слепцов), умственными способностями которого и силе того интереса, какой предъясвляется им к науке и вообще отвлеченным вопросам, могут позавидовать и многие европейцы».

И. Д. Черский прекрасно видел причины крайней бедности якутов, отмечал их социальное расслоение. Любыми путями он хотел облегчить участь простых людей. Путешественник составил проект снабжения жителей товарами, чтобы избавить их от вымогательства кулаков, которые выманивали у местной бедноты меха за бесценнок, предлагал открыть запасные рыбные склады, давать людям казенный хлеб. Ученый пришел к выводу, что в верховьях Кольмы, Индигирки и Яны жестокие морозы не могут препятствовать развитию земледелия.

Приближалась весна. Путешественник чувствовал себя все хуже и хуже. Опасаясь близкого конца (в апреле в мокроте у него появилась кровь), 25 мая 1892 г. он составил завещание. Но, несмотря на плохое самочувствие, настоял на отплытии. 31 мая верхнеколымчане отправили И. Д. Черского в путешествие. Будучи сам близок к смерти наш земляк оставался все тем же защитником слабых. Политический ссыльный Ш. М. Шаргогордский посетил путешественника во время одной из последних его стоянок. Впоследствии он писал: «Вид покойного Ив(ана) Дем(ентьевича) произвел на меня тяжелое впечатление; его худое как щепка тело, желтый цвет лица с густым землистым оттенком и дрожащие руки так и говорили, что этот человек уже не жилец более на белом свете... Я был поражен спокойствием этого человека, уверенного в близкой смерти, и готовностью встретить ее, его способностью интересоваться на краю могилы жизнью людей, с которыми так или иначе сталкивался, живя в Верхне-Кольмске, интересоваться каждой мелочью, так или иначе относящуюся к предмету его исследований, его способностью переходить от разговора о близкой и неминуемой смерти к разговору о том, как несчастные

инородцы (мы говорили о якутах и ламутах) страдают от всевозможного рода и вида кулаков значительно больше, чем от суровых условий страны. Он не только говорил об этом, но и переживал каждое слово, что заставило меня прекратить этот разговор».

Смерть наступила через двадцать два дня после этой встречи.

В Восточной Сибири ученому стоят вечные памятники. Это горная система Черского в СевероВосточной Якутии, кряж Черского в Забайкалье, гора Черского под Иркутском, перевал Черского на реке Хорек, долина Черского в Саянах и город Черский в низовьях Колымы.

ДОБРЫЙ ДОКТОР НА ГАВАЙЯХ

Вначале нашего столетия в газетах Дальнего Востока и Сибири появлялись статьи о жизни русских эмигрантов на различных тихоокеанских островах: Гавайях, Филиппинах, в Японии. Эти статьи под заголовками: «Письма с Сандвичевых островов», «Русская колония на Гавайях», «Письма из-под тропиков», «Праздник цветов в Японии» выходили за подписью «Д-р И. Б.», «И. Б.», «Руссель» и привлекали внимание читателей показом быденной жизни в экзотических странах.

Автором статей был врач, революционер-народник Николай Константинович Судзиловский. Он был более известен под псевдонимом «Руссель», что по-румынски означает «русский». Почему у русского эмигранта на тихоокеанских островах был румынский псевдоним? Об этом стоит рассказать, потому что биография доктора Н. К. Судзиловского необычна даже для революционера, настолько она похожа на авантурный роман. Приключений, выпавших на его долю, хватало бы на несколько человек. Организатор и участник подпольных кружков в России, он «ходил в народ», в эмиграции стоял у колыбели румынского социалистического движения, работал в нескольких западноевропейских странах и США.

Представитель «блестящей плеяды революционеров 70-х годов» Н. К. Судзиловский находился в гуще битв вокруг проблем, волновавших участников движения народников. Половину своей творческой жизни он провел в странах Дальнего Востока и Тихоокеанского бассейна. Путь туда был долгим.

Родился Николай Константинович Судзиловский 3 (15) декабря 1850 г. в Могилеве в семье столоначальника местной палаты гражданского суда¹ После окончания гимназии в родном городе он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Спустя год перевелся на медицинский факультет Киевского университета, здесь создал студенческий народнический кружок, выезжал в Швейцарию, где познакомился с революционными эмигрантами П. А. Лавровым, М. А. Бакуниным; некоторыми деятелями I Интернационала. По возвращении Н. К. Судзиловский возглавил «Киевскую коммуну» студентов.

На первом этапе народническое движение носило стихийный характер. Не имея ясной программы и единой организации,

¹ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 29, д. 7699, л. 5. Биографические сведения о Н. К. Судзиловском см.: Грицкевич В. П. Врач-революционер Н. К. Руссель-Судзиловский (1850-1930).— Сов. здравоохранение, 1976, № 9, с. 71-74; История, преломленная в личности.— Неман, 1977, № 9, с. 182-183; Жизнь его похожа на роман...— Дальний Восток, 1983, № 3, с. 141-144.

отдельные народнические кружки и группы действовали на свой страх и риск. Так называемые «хождения в народ» выявили глубокое несоответствие народнической доктрины реальной действительности. Крестьяне не понимали народников. Абстрактные призывы к равенству и справедливости не встречали у них сочувствия и поддержки.

В феврале 1874 г. молодой революционер уезжал в Ананьевский уезд Херсонской губернии вести пропаганду среди крестьян, а оттуда в Николаевск Самарской губернии (ныне Пугачев Саратовской области). Местное земство направило его работать фельдшером в село Пестравку. Полиция выследила П. К. Судзиловского и нагрянула с обыском на квартиру. На счастье, его не было дома. Он смог бежать с Поволжья под видом плохо говорящего по-русски немецкого колониста. Хотя приметы беглеца были разосланы по всем жандармским управлениям, ему удалось переехать в Лондон.

Там Н. К. Судзиловский включился в работу эмигрантских организаций. Когда 23 января 1875 г. в Лондоне состоялся митинг в честь годовщины восстания в Польше, Белоруссии и Литве в 1863—1864 гг., на нем выступили активный участник восстания, а позже генерал Парижской коммуны, уроженец Белоруссии, Валерий Врублевский, а затем К. Маркс. Н. К. Судзиловский также взял слово и заявил, что «по его мнению, польская революция была революцией шляхты, а не народа, в этом причина его неудачи». Это утверждение оратор подкреплял своими наблюдениями: крестьяне Могилевщины нередко открыто шли против восставших, видя в них бунтующих панов. Он завершил свое выступление пожеланием: «Польские революционеры не должны забывать, что если польскому дворянству и буржуазии надоело московское иго, то не меньше надоело польскому народу иго шляхетское; что путь социальной революции есть единственный путь для польского народа».

Разгорелась полемика. Н. К. Судзиловскому возражал Ф. Энгельс, справедливо упрекая того в недооценке лозунга независимости страны. «Было бы смешно,— сказал он,— основываясь на существовании польской аристократической партии, считать польских революционеров аристократами, желающими восстановить аристократическую Польшу 1772 года. Польша 1772 г. погибла навеки. Никакая сила не в состоянии поднять ее из гроба. Новая Польша, которую поставит на ноги революция, в общественном и политическом отношении будет столь же коренным образом отличаться от Польши 1772 г., как новое общество, навстречу которому мы стремимся, от современного об-

щества». Ф. Энгельс добавил, что «восстановление Польши поистине в интересах революционной России...»¹

Ошибка Н. К. Судзиловского была в том, что он, как и другие русские народники, считал, что Россия стоит на пороге социалистической революции и не видел необходимости в буржуазно-демократическом этапе революции, а это лишало его возможности правильно оценить значение национальных движений в борьбе с царизмом.

Известно, что Н. К. Судзиловский встречался и беседовал с К. Марксом. В Лондоне, а затем в Швейцарии, куда Н. К. Судзиловский прибыл летом 1875 года, он продолжал сотрудничать с революционными эмигрантами, а осенью того же года отправился в Румынию. Страна встретила революционера негостеприимно, и спустя пару лет он с горечью писал об этом народнику Н. В. Чайковскому: «Два года этих жилось из рук вон плохо : нищета и нищета. Жена постоянно была больна, ребенок тоже — за невозможностью достать при нашей бедности кормилицу. Ребенок кончил, наконец тем, что умер от искусственного кормления. Наконец, угораздился я получить диплом и место и теперь, отправив жену домой на родину поправляться, отдуваюсь мало-по-малу от долгов, наделанных за два года».

Тем не менее Н. К. Судзиловский был удовлетворен революционной работой в Румынии, наладил пересылку эмигрантских газет и другой литературы через Прут в Россию. Здесь же в Румынии он завершил медицинское образование, в 1877 г. закончил Бухарестский университет. Н. К. Судзиловский был восприимчив к новым медицинским идеям: тезисы его докторской диссертации «Об антисептическом методе лечения в хирургии» (на румынском языке, Питешти, 1877) были посвящены новому в лечебной практике направлению.

С осени 1875 г. в Бухаресте работал революционный кружок во главе с молдавским народником Н. П. Зубку-Кодряну, Н. К. Судзиловским и болгарским революционером Христо Ботевым. Они изучали труды К. Маркса, русских революционных демократов, а также социалистов-утопистов

Ф. Лассаля, П. Прудона. Однако они не сумели воспринять теорию научного социализма. Сформировавшийся как политический борец в годы революционного народничества, Н. К. Судзиловский не пошел дальше народнических идей. Накануне Апрельского восстания 1876 г. болгар против османского ига Н. К. Судзиловский помогал своим болгарским друзьям связываться с революционерами других стран и получать от них оружие. Участники вооруженного выступ-

¹ Энгельс Ф. За Польшу.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 554-555.

ления и Х. Ботев звали его с собой в поход за Дунай. Однако печальный опыт «хождения в народ» на Родине заставили нашего земляка отказаться от этой затеи. Жизнь показала, что он был прав: герои во главе с Х. Ботевым погибли в неравном бою за освобождение народа, не получив поддержки крестьян.

Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. наш земляк работал врачом в военном госпитале и вел активную пропаганду среди русских солдат и офицеров, находившихся в Румынии. В 1879 г. он переехал в Яссы и стал во главе нового социалистического кружка. Кружок стремился распространить свое влияние на местных рабочих и ремесленников, издавал с сентября по декабрь 1879 г. газету «Басарабия». По настоянию царских чиновников издание газеты было прекращено. Но члены кружка продолжали пропагандистскую деятельность. В ответ на критику буржуазных газет Н. К. Судзиловский издал в Яссах в 1880 г. брошюру «Психиатрическое исследование с некоторыми комментариями по поводу здоровых идей». Ссылаясь на произведения К. Маркса и Н. Г. Чернышевского, революционер убедительно доказывал, что социалистический строй предполагает передачу земли, фабрик, железных дорог, капиталов из рук частных собственников в коллективную собственность рабочих. Это приведет к ликвидации конкуренции, экономических кризисов, завоевательных войн. Н. К. Судзиловский писал о неминувости утверждения социалистического строя в результате социальной революции.

Революционер принимал участие в подготовке создания в Румынии социалистической партии. Румынские власти заставили Судзиловского и других русских социалистов покинуть страну под предлогом того, что они подготавливали 18 марта 1881 г. банкет в честь 10-й годовщины Парижской коммуны. Эта дата совпала с убийством народниками в Петербурге Александра II. Доставленные насильно в Стамбул русские эмигранты едва избежали опасности попасть в руки царских ищек. Только в мае после долгих злоключений они смогли добраться до Западной Европы.

В Женеве и Париже Н. К. Судзиловский восстановил дружеские связи с группой близких ему по взглядам эмигрантов: Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, П. Б. Аксельродом, Л. Г. Дейчем, В. Н. Игнатовым. В следующем году он перебрался в болгарский город Пловдив, который был тогда центром автономной области Восточной Румелии Турецкой империи. Здесь он занялся врачебной практикой и время от времени посылал деньги своим товарищам в Женеву, которые к тому времени оформились как группа «Освобождение труда» — первая марксистская организация русских революционеров.

В 1885 г. наш земляк стал свидетелем и участником воссоединения Восточной Румелии с Болгарией. Австрофильско-руссофобские круги болгарских националистов принялись травить Н. К. Судзиловского, Г. В. Плеханов выступил в печати в его защиту¹. Но революционера все же вынудили покинуть Болгарию.

Он уехал в США, где обосновался его брат, и в 1887 г. поселился в Сан-Франциско. Как врач Н. К. Судзиловский завоевал популярность среди бедноты, опубликовал несколько медицинских статей. Но и тут ему пришлось принять участие в политической борьбе. Н. К. Судзиловский обличил в лихоимстве и преступлениях против нравственности местного православного Алеутского и Аляскинского епископа Владимира. Епископ подверг врача публичному проклятию с церковного амвона и призвал верующих отказываться от лечения у него.

Разразился скандал, так как Н. К. Судзиловский подал на епископа в суд в связи с нанесением ему церковной анафемой материального ущерба. Бывший профессор Петербургского университета, в котором Н. К. Судзиловский когда-то учился,— обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев вынужден был письменно просить врача отказаться от иска, обещав вызвать порочного епископа в Россию. Н. К. Судзиловский пошел навстречу главе отечественной реакции только потому, что гласный процесс против епископа мог нанести моральный ущерб русским, проживавшим в США. Духовного пастыря отозвали, но... назначили викарным епископом в Воронеже и наградили духовным орденом «За усердие».

После пятилетнего пребывания в Сан-Франциско Н. К. Судзиловский переехал на Гавайские острова, славившиеся своим чудесным климатом. Он работал врачом правительственной службы в сельском округе Вайанае (западное побережье центрального острова архипелага — Оаху). Известный русский ботаник А. И. Краснов, основатель ботанического сада в Батуми, который посетил Гавайи, называл Н. К. Судзиловского «любимейшим и популярнейшим из здешних докторов». Позже врач переехал в столицу архипелага — Гонолулу². Здесь в 1896 г. он издал две брошюры «Наша политика здравоохранения» и «Как жить на Гавайских островах. Очерк личной гигиены»³. В них Н. К. Судзиловский настаивал на улучшении условий жизни рабочих, приводил примеры того, как плантаторы снабжали рабочих загрязненной водой, что вызывало желудочно-кишечные заболевания. Он

¹ ГПБ АДП, ф. 1093 (Плеханова Г. В.), д. С. 16, л. 1-2.

² Письмо архивиста штаба Гавайи (США) мисс Агнес С. Конрад автору книги от 17 ноября 1969 г.

³ ЦГАОР СССР, ф. 5825, д. 98, с. 16.

добивался, чтобы правительственные врачи превратились из чиновников в санитарных врачей. В 1897 г. правительство Гавайских островов пригласило Н. К. Судзиловского работать врачом на землях, сдаваемых в аренду русским переселенцам, в округе Олаа на острове Оаху¹.

Н. К. Судзиловский занимался не только врачебной, но и публицистической работой. Он печатался в местных альманахах, посылал очерки об экзотических островах в русский журнал «Книжки недели», в газеты Иркутска, Владивостока, Никольска, Благовещенска.

В следующем году США захватили Гавайские острова и объявили их своей территорией. Будучи поборником независимости Н. К. Судзиловский включился в борьбу местного населения — полинезийцев-канаков в составе партии независимых против захватчиков. Во время выборов его избрали сенатором, а затем — президентом сената². Вскоре он отказался от этого поста, чтобы иметь право проводить свои законопроекты, направленные на улучшение быта коренного населения, поскольку по закону президенту сената запрещалось это делать. Законопроектом о санитарной службе от 2 апреля 1901 г. Н. К. Судзиловский предлагал реорганизовать медико-санитарную службу Гавайев. В этом законопроекте нетрудно увидеть отражение передовых идей земской медицины, опыт которой усвоил Н. К. Судзиловский со времени «хождения в народ».

Будучи вдали от России наш земляк не забывал о борьбе против царизма. В 1903 г. он побывал в Шанхае, где предлагал китайским разбойникам «хунхузам» напасть на место каторги в Забайкалье — Акатуй, чтобы освободить заключенных революционеров. Из этой идеи ничего не вышло. С началом русско-японской войны врач вернулся на Гавайские острова, но ненадолго. Вскоре он выехал в Японию.

Русско-японская война, по характеристике В. И. Ленина, играла великую «революционную роль». Царизм терпел поражение и шел к

¹ Письма миссис Н. Саттерфилд от 29 августа 1969 г. и мисс Агнес С. Конрад от 17 ноября 1969 г. автору книги. Автор приносит сердечную благодарность мисс Агнес С. Конрад и библиотекарю Департамента образования штата Гавайи миссис Нэнси Саттерфилд за присланные ими сведения о пребывании Н. К. Судзиловского на Гавайях и ксерокопии его работ.

² Не соответствует действительности версия, будто бы Н. К. Судзиловский в 1900-1901 гг. был «президентом» Гавайских островов. Наш земляк был президентом сената территории Гавайские острова, входившей с 1898 г. в состав США, а не президентом островов. [Судзиловский Н. К. (о нем). — Большая энциклопедия, т. 22 /Под ред. С. Н. Южакова, СПб., 1909, с. 556]

военному краху, с которым, по словам Владимира Ильича, было «неизбежно и удешевление недовольства, брожения и возмущения»¹.

Жертвами бездарности царских генералов и закостенелости военной доктрины царизма стали десятки тысяч солдат и матросов, попавших в плен в Японию. Заграничный отдел РСДРП по предложению соратника В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевича развернул среди пленных революционную пропаганду. В. Д. Бонч-Бруевичу поручили организовать снабжение их партийной литературой. Позже он вспоминал: «В этом помогали более всего русские, жившие в Нью-Йорке, и удавалось особенно хорошо и много сделать через известного русского эмигранта доктора Русселя, давно ставшего полноправным американским гражданином...» В Японии «Русселю было разрешено организовать комитет помощи русским пленным. Комитет этот снабжал их бельем, продуктами, письменными принадлежностями, газетами и книгами. Газеты и книги, в свою очередь, шли от нас к Русселю...»

В. Д. Бонч-Бруевич рассказал об этой работе Г. В. Плеханову, и тот сообщил, что «Русселя он лично знает и вполне рекомендует как очень энергичного и весьма преданного делу революции товарища и что эту нашу деятельность он вполне одобряет...»

Далее В. Д. Бонч-Бруевич продолжает: «Владимир Ильич, конечно, подробнейшим образом знал все, что делаем мы, его ближайшие помощники, и он всецело одобрял и эту нашу литературную деятельность среди русских военнопленных».

Н. К. Судзиловский с помощью православных японцев открыл в Осаке, Хамадере и других городах школы для неграмотных солдат, часто выступал на митингах. Православная семинария в Кобе издавала тогда на русском языке еженедельник «Япония и Россия». Судзиловский сумел превратить это «пахнущее ладаном» издание в революционное. Он распространял среди пленных революционные брошюры, создал несколько революционных кружков, издавал в Нагасаки газету «Воля» для пленных солдат.

Будучи врагом царизма, Н. К. Судзиловский всегда оставался русским патриотом. Он помешал предательской попытке одного авантюриста продать японским властям попавший к нему случайно план укреплений Русского острова вблизи Владивостока. Наш земляк настоял, чтобы план сожгли в его присутствии, причем подчеркнул, что «революционеры — враги царского правительства, но не своего

¹ Ленин В. И. Падение Порт-Артура.— Полн. собр. соч., т. 9, с. 156; Самодержавие и пролетариат.— Там же, с. 136. ЦГАОР СССР, ф. 5825, оп. 1, д. 126, л. 1-10б.; д. 106, л. 9-9 об.; д. 199, л. 44.

народа, и народных интересов ни за какие деньги никому не продадут».

Из швейцарской эмиграции В. И. Ленин призывал русских солдат подняться на вооруженную борьбу против царизма: «Самодержавие все сделало для подготовки этой борьбы. Оно годами толкало народ на вооруженную борьбу с войском и теперь оно пожинает то, что сеяло. Из самого войска выходят отряды революционной армии. Дело таких отрядов провозгласить восстание, дать массам военное руководство, необходимое для гражданской войны, как и для всякой войны, создать опорные пункты открытой всенародной войны, перебросить восстание в соседние местности...»¹

Да, не случайно Н. К. Судзиловский в Японии убеждал военнопленных выступить с оружием против самодержавия, как только те высадятся в России. Он пытался добиться у японских властей разрешения вернуть пленным оружие и переправить на азиатский материк, рассчитывая таким образом облегчить успех русской революции. Проект не был осуществлен не по вине Н. К. Судзиловского. И все же революционный порыв распропагандированных революционером пленных достиг материка. Об этом вспоминали привлеченные им к сотрудничеству в еженедельнике «Япония и Россия» пленные матросы Алексей Силыч Новиков (впоследствии советский писатель А. С. Новиков-Прибой) и его однофамилец Григорий Степанович Новиков (впоследствии дальневосточный краевед Новиков-Даурский).

В плену Г. С. Новиков стал пропагандистом, издавал журнал «Друг» в Хамадерском лагере для пленных. Н. К. Судзиловский присылал ему революционную литературу, свои материалы, бумагу для печатания издания.

Г. С. Новиков впоследствии вспоминал, что «Заграничный отдел ЦК РСДРП нашел в лице Русселя опытного и умелого агента для распространения среди пленных изданий партии».

По свидетельству Г. С. Новикова, возвращавшиеся домой пленные «распространяли революционную литературу, которой их в изрядном количестве снабдил перед отправкой Н. К. Руссель. Мне в дороге удалось раздать большое количество подпольных брошюр, взятых из Хамадерского лагеря».

Одна русская газета писала в 1906 году: «В настоящее время Россия обязана Николаю Константиновичу (Судзиловскому — В. Г.) тем, что по деревням и селам рассеяно несколько десятков тысяч

¹ Ленин В. И. Революционная армия и революционное правительство.— Полн. собр. соч., т. 10, с. 337.

сознательных голов». По возвращении домой солдаты несли в родные места дух протеста против самодержавия. Во Владивостоке происходили стычки солдат с оставшимися верными царизму жандармами и казаками. В январе 1906 г. в городе возникла революционная демонстрация. Во время расстрела демонстрантов погибла вернувшаяся в Россию соратница Н. К. Судзиловского по работе среди пленных Людмила Волкенштейн.

Г. С. Новиков вспоминал, что возвратившиеся вместе с ним на пароходе «Воронеж» пленные устроили митинг возле памятника жертвам этого расстрела во Владивостоке. «Солдаты и матросы, возвращались в родные места более сознательными, чем прежде. Большая часть их критически относилась к государственному строю. Многие нашли свое место в рядах борцов за свержение самодержавия».

Работу Н. К. Судзиловского в Японии подытожил соратник революционера в деле пропаганды среди пленных американский журналист Дж. Кеннан. Он подчеркивал, что из семидесяти тысяч русских пленных в Японии «по крайней мере пять-) десят тысяч возвратились с новыми понятиями о правительстве и более ясными представлениями о причине войны. Все превратилось в либералов, а три четверти — в революционеров».

После возвращения русских солдат и матросов в Россию Н. К. Судзиловский продолжал издавать газету «Воля» в Нагасаки, а затем газету «Восточное обозрение» в Токио. В 1906-1907 гг. он издал в Японии в виде нескольких брошюр свои статьи из журналов «Япония и Россия» и «Воля», а спустя десять лет — еще один сборник статей. В своих работах он постоянно призывал к свержению самодержавия в России и установлению демократического строя. Революционер вел переписку с М. Горьким и В. Г. Короленко, был знаком с китайским революционным вождем Сунь Ят-Сеном.

По просьбе китайских революционеров Н. К. Судзиловский добыл взрывчатку для покушения на маньчжурского принца-регента. Японская полиция установила, что взрывчатые вещества для этого террористического акта, совершенного китайскими революционерами, были изготовлены в Нагасаки русскими.

Через сотрудников газеты «Нагасаки симпо» Н. К. Судзиловский поддерживал связь с японским социалистическим центром в Токио и нагасакским отделением революционного общества «Хэйминся». В 1906 г. японские демократы договорились с Судзиловским о совместном издании журнала «Революционный вестник», однако после выхода в свет нескольких номеров японские власти запретили это издание.

По настоянию царских властей администрация США лишила его американского паспорта, прав гражданства и запретила возвращение в Гавайи. Тогда Н. К. Судзиловский переехал на Филиппинские острова. В начале 1912 г. он прибыл на самый южный остров архипелага — Минданао. Главному городу острова — Замбоанге была посвящена статья Н. К. Судзиловского в местной газете. По традиции он послал в дальневосточную печать расширенный вариант статьи на русском языке. В 1914 г. в газете «Уссурийский голос» появились два его «Письма из-под тропиков»: «Замбоанга» и «Холо», посвященные живописным островам Минданао и Холо.

Врач-революционер восхищался природными условиями Филиппин и особенно их юга. Он критиковал засилье ксендзов и монахов в стране и произвол американских войск, захвативших в конце XIX в. эти острова. Он писал: «...Массовое избиение тысячами при помощи пулеметов произведено было в кратере Баг-Сак амерканским губернатором генер(алом) Першйнг(ом) год тому назад... Печально видеть, что американцы не нашли лучших способов решить вопрос, чем японцы на Формозе...¹ Американцы, или японцы, или французы (в Марокко) — эти господа не понимают, что в основе социального и политического строя, который они разрушают, лежит вопрос о хлебе... Вместо того, чтобы помочь в экономической организации на новых началах, дать орудия и знания для борьбы с природой, они убивают. Это, конечно, удивительно просто и практично, но никак не мирится с фразами о призвании и роли белого человека среди отставших членов человеческой семьи».

С Филиппин Н. К. Судзиловский вернулся в Японию, а оттуда в конце 10-х гг. переехал в китайский город Тяньцзинь. Позже он написал обращение о необходимости поддержки советского правительства «левыми всего мира», организовал Комитет помощи голодающим в Поволжье. Общество политкаторжан выхлопотало для него в Наркомате социального обеспечения пенсию как ветерану революции. В то же время реакционная тяньцзиньская буржуазия травила врача, его дочери пришлось даже оставить местную школу.

На склоне лет наш земляк печатал статьи в московском научном историческом журнале «Каторга и ссылка», ходатайствовал перед Обществом политкаторжан о возвращении на Родину. Однако не успел: 30 апреля 1930 г. революционер умер от воспаления легких.

¹ Формоза — европейское название острова Тайвань, захваченного в 1895 г. японскими интервентами.

Жизнь Николая Судзиловского прошла в постоянной борьбе за революционные преобразования общества. О нем сохранилась благодарная память, свидетельством чему служат вышедшие в нашей стране работы, посвященные его жизни и революционной борьбе, издание в Японии двухтомной монографии о нем, написанной Вада Харуки, и статьи в печати Румынии, Болгарии и США.

СОСТАВИТЕЛЬ ЯКУТСКОГО СЛОВАРЯ

Когда в январе 1881 г. двадцатитрехлетнего народника Эдуарда Карловича Пекарского сослали в междуречье Татты и Аддана в Якутии, он еще не знал, что в этом краю он найдет свое призвание. «А средств к жизни нет,..— писал Э. К. Пекарский отцу 22 февраля 1883 г.— И если бы не якуты, я должен бы был пропасть с голоду».¹ Пришлось учиться хлебопашеству, разводить скот, строить юрту, запастись на зиму топливом и льдом для вытапливания воды.

Э. К. Пекарский родился 13 (25) октября 1858 г. в фольварке Петровичи (ныне Смолевичский район Минской области).² Его мать умерла рано. Ребенок сперва воспитывался в семье белорусского крестьянина. Затем жил у тетки в Минске, у двоюродного деда в полесском имении Барбаров. Жилось мальчику на правах «приживала» нелегко. В Мозырской гимназии, куда Эдуард вскоре поступил, он зарабатывал на жизнь репетиторством. Позже Э. К. Пекарский переехал учиться в Таганрогскую гимназию и там связал свою жизнь с революционно настроенной молодежью. Молодые люди вместе читали сочинения В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, И. А. Добролюбова, Д. И. Писарева.

Революционной деятельности Э. К. Пекарский не оставил и в Чернигове, куда переехал учиться. Здесь юноша вступил в подпольный кружок учащихся и вел революционную пропаганду среди местных ремесленников, распространял народнические газеты и запрещенные сочинения. Осенью 1877 г. он поступил в Харьковский ветеринарный институт. Когда начались студенческие волнения, а вслед за ними и аресты, Э. К. Пекарский укрылся от преследований. Заочно его приговорили к пяти годам ссылки на Север.

Спустя несколько месяцев в Княже-Богородское волостное управление Тамбовского уезда приехал принимать дела у пьянчуги писаря новый писарь Иван Кириллович Пекарский: так стал называть себя бывший студент, чтобы своим именем не выделяться среди русских крестьян. В конце 1878 г. он стал членом революционного общества «Земля и воля». На Тамбовщине в это время было немало таких революционеров, как он — «волостных писарей» и «фельдшеров». Полиция выследила подпольщиков. Когда у «Ивана Кирилловича» потребовали паспорт, он вынужден был скрыться. Накануне

¹ АО ААН, ф. 202 (Э. К. Пекарского), оп. 1, д. 113, л. 22об.

² Биографические сведения об Э. К. Пекарском см.: Оконешников Е. И. Э. К. Пекарский как лексикограф. Нов., 1982, с. 8-17; Грыцкевич В. Праз туманы Джугджура.— Маладосць, 1981, № 12, с. 178-181.

нового 1880 г. его арестовали в Москве. Местный военно-окружной суд приговорил «государственного преступника» Э. К. Пекарского к пятнадцати годам каторжных работ. Каторгу заменили ссылкой на поселение «в отдаленные места Сибири с лишением всех прав и состояний».

В ноябре 1881 г. Э. К. Пекарского привезли в 1-й Игидейский наслег¹ Ботурусского улуса, находившийся в 230 верстах к северо-востоку от Якутска. Здесь ему предстояло прожить долгие годы.

Местные жители помогли нашему земляку обработать небольшой участок, где он сеял зерновые и сажал картошку. Пекарский занялся и огородничеством, стал разводить скот, ловил рыбу, охотился.

«Я думал,— писал Пекарский,— что весь якутский народ — это есть часть российского народа, и я буду продолжать делать то, что я делал в России, то есть вести пропаганду».

Ссылный революционер помогал якутам составлять официальные прошения (этому он научился на Тамбовщине), вести судебные процессы, заступался за них перед наезжавшим начальством, добивался в судах решений запутанных вопросов в пользу бедняков. Э. К. Пекарский завоевал среди них большой авторитет.

Чтобы объясняться с якутами, пришлось изучать их язык, записывать якутские слова с русским переводом. Работать ему было нелегко, не хватало бумаги, не было пособий и словарей. Однако упорным трудом ссылный революционер добился многого.

В газете «Неделя» за 1885 г. он прочитал сообщение, будто бы в якутском языке имеется всего три тысячи слов. К 1887 г. Исследователь собрал и истолковал уже семь тысяч якутских слов, спустя одиннадцать лет — двадцать тысяч, а к 1930 г. — двадцать пять тысяч слов. Многие якуты помогли Э. К. Пекарскому. Среди них были священник Д. Д. Попов, олонсохут² М. Н. Андросова-Ионова, лингвист С. А. Новгородов, студенты Г. В. Байшев, А. Н. Никифоров.

Работой Э. К. Пекарского заинтересовался Восточно-Сибирский отдел Географического общества. Энтузиаст развития Сибири золотопромышленник А. М. Сибиряков предложил отделу деньги на печатание словаря. Когда подходил к концу срок ссылки Э. К. Пекарский писал отцу: «Ранее окончания печатания словаря, мне нечего и думать о возвращении на родину, если далее и будет получено на то разрешение, ибо нельзя бросать работу, на которую потрачено тринадцать лет лучшей поры жизни». Через пять лет в Якутске, куда ис-

¹ Наслег — сельское общество, улус — волость в тогдешней Якутской области.

² Олонсохут — сказитель якутского героического эпоса.

следователь смог переселиться к тому времени, вышел первый выпуск его словаря.

Опыт изучения быта якутов, накопленный Э. К. Пекарским, заинтересовал руководителей экспедиции в Приаянский край, они обратились к ученому с просьбой произвести подворную перепись эвенков Приаянского края, собрать сведения об их быте. Он дал согласие и отплыл из Якутска на пароходе 11 июня 1903 г. Через две недели плавания по рекам Алдан и Мая он прибыл в маленькое селение Нелькан, а отсюда отправился к Охотскому морю. Надо было преодолеть хребет Джугджур.

Приветливость Э. К. Пекарского располагала к нему жителей тайги. Эвенки рассказывали ученому об оленеводстве, охоте, рыбной ловле, передавали для музея вещи из своего обихода. Собрав материалы, Э. К. Пекарский возвратился назад.

И в ссылке, вдали от Родины, он продолжал бороться против реакционных сил. По его инициативе в 1899 г. в наслеге, где он жил, провели передел земли, которой до того пользовались только богатые. В результате бедняки получили земельные участки. Э. К. Пекарский обработал материалы съезда якутской интеллигенции — в виде инструкции по уравнительному перераспределению земель с учетом количества членов крестьянских семей. Несмотря на то, что богачи противодействовали ее введению, после революции 1905 г. инструкция увидела свет. Ее основные положения, по словам Пекарского, «малопомалу все же проникли в жизнь».

Ученый выступил в красноярской газете «Сибирские вести» со статьей «Значение якутского языка в школах», подверг критике губернатора и инспектора училищ Якутской области, которые, пользуясь наступлением реакции, противились открытию школ с обучением на якутском языке. Э. К. Пекарский писал: «Разве может человек, наблюдающий вокруг себя жизнь, живущий среди живого и способного народа, как якуты, сказать, что «якутский язык мертв, за ним нет прошлого и настоящего»? Понимает ли г(осподин) инспектор, что он позволяет себе утверждать в официальной бумаге? Называть мертвым язык, на котором говорит поголовно все свыше двухсоттысячное население Якутской области, который распространен за пределы последней...»

В своих статьях он говорил о трудностях, которые переживает якутский народ, требовал реорганизации судопроизводства в улусах, популяризировал олонхо¹, выступал за необходимость печатания

¹ Олонхо — якутский героический эпос.

газетных статей на якутском языке, помогал получать шрифты и оборудование для типографии газеты «Якутский край» в Якутске. Этим он способствовал развитию якутской культуры и привлекал к проблемам края внимание широкой русской общественности.

В 1905 г. Академия наук добилась перевода ученого в Петербург, чтобы он смог там продолжить работу над словарем. Тепло прощалась с Э. К. Пекарским якутская интеллигенция. В преподнесенном ему адресе выражалось смелое пожелание, «чтобы дальнейшая деятельность ученого, так удачно совпавшая с грядущим обновлением общественной и государственной жизни... освобождением от стальных цепей бюрократического произвола, была такою же плодотворною, как и раньше».

И находясь в столице, он не порывал связей со своей второй родиной — Якутией, издал три тома «Образцов народной литературы якутов» на якутском языке, отдельными выпусками выходил капитальный «Словарь якутского языка» с богатыми параллелями из родственных языков и подробным объяснением устаревших слов и явлений быта. За эти труды ученый был награжден золотыми медалями Академии наук и Русского географического общества.

После революции ученый продолжал свою неустанную работу по исследованию якутского языка, разыскивал для комиссии по изучению Якутской АССР материалы дореволюционных почвенных экспедиций в Якутии.

В конце 1926 г. общественность Ленинграда и Якутии отметила окончание составления основной части «Словаря якутского языка». 29 ноября 1926 г. Э. К. Пекарский писал этнографу В. И. Йохельсону: «29 октября закончил «нескончаемый словарь» и подписал: «конец».

В адрес Пекарского приходили нескончаемым потоком поздравительные телеграммы и письма из Якутии. А правление якутского землячества в Ленинграде преподнесло исследователю поэтически составленный адрес на якутском языке. В адресе говорилось: «Одубар Хаарылабыс (Эдуард Карлович)!... Вы прибыли, считаясь преступником, в нашу отдаленную и несчастную страну, что было несчастьем для Вас и счастьем для нас... Возможно, что Ваше славное имя в те отдаленные будущие времена, превратится в родной для «сахаларов» (якутов.— В. Г.) светлый миф, как миф о покровителе «сахаларского языка», и будет упоминаться юношами в языке избранного олонхо и воспеваться в песнях девушек».

Выступавшие на торжественном вечере отмечали, что Э. К. Пекарский создал настоящую энциклопедию всего уклада жизни якутского народа, его материальной и духовной культуры.

ЦИК и Совет Народных Комиссаров Якутской АССР назвал именем Э. К. Пекарского школу в Игидейцах — месте его первоначальной ссылки. По инициативе ученого Академия наук СССР взяла шефство над школой, он передал школе свою библиотеку. Его избрали почетным членом Якутского исследовательского общества «Саха-Кескиле» и Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, членом-корреспондентом Академии наук СССР и ее почетным членом. Э. К. Пекарский продолжал работу над словарем, собрал материалы для дополнительного тома, которые, однако, не увидели свет и хранятся теперь в архиве одного из ленинградских институтов.

29 июня 1934 г. ученый умер. Правительство Якутской АССР увековечило его память двумя стипендиями имени Пекарского.

Главный труд Э. К. Пекарского — «Словарь якутского языка» — по достоинству оценили и в стране и за рубежом. Один из основоположников якутской литературы Алексей Елисеевич Кулаковский писал Э. К. Пекарскому 18 ноября 1912 г.: «У нас не было литературы, а ваш словарь должен послужить краеугольным камнем для ее создания... Вы поистине заслуживаете названия «отца якутской литературы». Без вас не нашлось бы лица, у которого хватило бы дерзости принять на себя такой колоссальный труд, как ваш словарь».

Другой якутский писатель Серафим Романович Кулачиков-Элляй заканчивал свою статью «Мысли о якутской литературе», опубликованную в 1925 г. на страницах республиканской газеты, словами: «В деле изучения якутского языка огромную пользу принесет «Словарь якутского языка», составленный Э. К. Пекарским. Этот словарь должен служить настольной книгой каждого литератора».

Научный мир высоко отозвался о «Словаре». Исследователь тюркских языков академик В. В. Радлов писал еще по поводу первого его выпуска: «Я не знаю ни одного языка, не имеющего письменности, который может сравниться по полноте своей и тщательности обработки с этим истинным сокровищем якутского словаря, да и для многих литературных языков подобный словарь, к сожалению, остается еще надолго желаемой недоступностью».

Признанием заслуг Э. К. Пекарского явилось издание части его «Словаря» в турецком переводе в 1945 г. (редкий случай в словарной практике!), и особенно стереотипное переиздание «Словаря» в 1959 г. Эта книга действительно стала настольной для всех тех, кто изучает духовное богатство якутского народа, его культуру и литературу и работает в его среде.

В свою очередь, в становлении Э. К. Пекарского как ученого-тюрколога мирового масштаба великая заслуга принадлежит широкой общественности Якутии, ее лучшим сыновьям и дочерям, принявшим самое непосредственное участие в создании «Словаря якутского языка». Это еще одно свидетельство того, что животворные родники народного таланта питают большие реки науки, что каждый, даже самый малый народ вносит свой вклад в общественный прогресс, что он способен стоять в одном ряду с наиболее развитыми народами.

ЗА РОЗОВОЙ ЧАЙКОЙ

Впервые розовую чайку открыли полтора века тому назад в Арктике, но с тех пор видели очень редко.

Эта красивая птица отличается розовой окраской и черным ожерельем на шее. Как только птенцы розовой чайки подрастают, птицы улетают с якутского побережья не на юг, как все другие, а на север, к океанским польньям, и зимуют там.

Интерес к этой экзотической красавице Севера был огромен. Ученые пытались изучить и описать ее жизнь, установить место зимовки и с этой целью изыскивали всякую возможность, чтобы попасть в Арктику.

Летом 1902 г. на острове Новая Сибирь к северу от Якутии эту необычную птицу, внешний вид и повадки, изучал зоолог А. А. Бялыницкий-Бируля, участник первой русской Полярной экспедиции Академии наук.

Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля родился в селе Бобков Оршанского уезда 30 октября 1864 года¹ в семье естествоиспытателя Андрея Симплициановича Бялыницкого-Бирули (1825-1916), организовавшего в своем имении метеорологическую станцию.² Далеким предком его был витебский казак Семен Бируля, прославившийся тем, что принимал участие в защите родного города от войска Ивана Грозного. Один из Бялыницких-Бирулей пал под знаменем Т. Костюшко, другой был ранен в бою против наполеоновских войск под Кобрином. Дед зоолога служил на флоте Ф. Ф. Ушакова, брал крепость Корфу в Ионическом море. Ученый был правнуком известного русского юриста А. Я. Поленова, резко критиковавшего крепостничество еще при Екатерине II. Среди родственников А. А. Бялыницкого-Бирули были два известных художника — В. Д. Поленов и В. К. Бялыницкий-Бируля,³ а также нейрохирург А. Л. Поленов.

А. А. Бялыницкий-Бируля закончил гимназию в Вязьме, а затем естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Сорок четыре года — с 1893 г. и до конца жизни он работал в Зоологическом музее на Васильевском острове Петербурга. Со студенческих лет Алексей Андреевич собирал растения, членистоногих, морских животных.

¹ АО ААН, ф. 291 (А. А. Бялыницкого-Бирули), оп. 1, д. 27, л. 1.

² АГО, разряд 110, оп. 1, д. 211, л. 4—13; АО ААН, ф. 291, оп. 1, д. 27, л. 29; д. 33, л. 7.

³ В. К. Бялыницкий-Бируля тоже правнук А. Я. Поленова.

Самая яркая страница жизни исследователя связана с участием в Полярной экспедиции на судне «Заря». Возглавлял экспедицию геолог и географ Эдуард Васильевич Толль, который до этого дважды изучал Новосибирские острова к северу от Якутии. С побережья островов Э. В. Толль видел таинственную землю, замеченную в свое время промышленником Я. Санниковым. Э. В. Толль связывал перелеты птиц с Землей Санникова и стремился разгадать эту тайну Арктики.

Плавание «Зари» началось 8 июля 1900 г. Льды не пропустили судно на восток, и ему пришлось зазимовать в Таймырском заливе. Вокруг расстилалась бесконечная тундра. Северные олени стадами потянулись к югу. Начиналась полярная ночь.

Зимовка не прошла бесследно для А. А. Бялыницкого-Бирули : он заболел цингой. Тем не менее ученый разбирал гербарий, собранный на голых сланцах полуострова Челюскина — самой крайней северной точке Азии. Наш земляк впервые описал скудный растительный покров этой местности.

Миновало одиннадцать месяцев ледового плена. «Заря» двинулась дальше на восток. Поиски Земли Санникова не увенчались успехом. Вновь пришлось зимовать у острова Котельного из группы Новосибирских островов. Для А. А. Бялыницкого-Бирули утешением было то, что во время плавания 1900-1901 гг. было сделано 76 исследований моря на наличие планктона — мелких животных организмов, в результате этого были открыты новые их виды.

11 мая 1902 г. А. А. Бялыницкий-Бируля отправился исследовать животный мир самого восточного Новосибирского острова Новой Сибири. Ученого сопровождали трое охотопромышленников. Собаки были сильными, дорога хорошей, и за две недели исследователь достиг цели. Он составил описание растительности тундры Новосибирских островов, а в его гербарии появилось немало новых видов растений. Здесь же посчастливилось ему наблюдать и описать розовую чайку. Одним словом, успех этой экспедиции превзошел все ожидания. Хуже обстояли дела с устройством жизни и быта в этом суровом краю.

Ученый ожидал, что «Заря» возьмет его с острова, однако льды у побережья помешали этому. Только 26 августа он увидел издали судно. Оно вскоре ушло на юг. Пришлось строить жилье и запастись на зиму припасами. Для этого зимовщики принялись охотиться на оленей.

К декабрю море замерзло. Исследователь использовал возможность переезда через Фадеевский и Большой Ляховский острова к

мысу Святой Нос, а оттуда в село Казачье, зимовщики прибыли туда 28 декабря 1902 г. Тут они узнали печальную весть об исчезновении начальника экспедиции.¹ 5 июня 1902 г. Э. В. Толль выехал на собаках к острову Беннета. Его сопровождали астроном Фридрих Зееберг и двое местных проводников. От острова Беннета они собирались двинуться на поиски Земли Санникова. Было решено, что «Заря» подойдет к острову и снимет их.

Льды дважды мешали кораблю пробиться к острову. В начале 1903 г. Императорская Академия наук организовала две спасательные партии. Одна из них достигла острова Беннета. Там нашли письма Э. В. Толля. Это был последний след полярного исследователя. Из письма узнали, что он и его товарищи отправились 8 октября 1902 г. на юг. Стало ясно, что Э. В. Толль и члены его группы погибли, пробираясь по тонкому льду к Новосибирским островам.

Смелому руководителю экспедиции так и не удалось ступить ногой на Землю Санникова. Самолеты и корабли, исследовавшие впоследствии район предполагаемой Земли Санникова, не нашли ее. Птицы, летящие на север, как оказалось позже, направлялись не на Землю Санникова, а в Северную Америку и возвращались этим путем назад. Теперь полагают, что, вероятно, этот остров был сложен в значительной степени из ископаемого льда и впоследствии был разрушен морем. Но самоотверженный подвиг Э. В. Толля и его товарищей открыл еще одну героическую станицу в удивительной истории изучения и освоения края.

А. А. Бялыницкий-Бируля вернулся в Петербург в начале 1903 г. Он обрабатывал богатые материалы экспедиции. Заслуги исследователя оценил ученый мир. Бялыницкого-Бирулю избрали действительным членом пяти научных обществ, а в 1923 г. Российская Академия наук выбрала ученого своим членом-корреспондентом. К этому времени у А. А. Бялыницкого-Бирули было 115 научных работ.

Умер ученый в Ленинграде 18 июня 1937 г. Его имя носят залив и гора на берегу Таймырского полуострова.

¹ АО ААН, ф. 291, оп. 2, д. 104, л. 2об.-3; оп. 1, д. 27, л. 17.

ПО СЛЕДАМ МАМОНТОВ

Судно «Заря» с участниками Русской Полярной экспедиции Э. В. Толля 3 сентября 1901 г. подошло к одной из бухт острова Котельного, на южном мысу у входа в бухту капитан увидел мачту с российским флагом. Невдалеке от мачты на берегу бухты Нерпалах стояло деревянное строение. Из него навстречу судну вышли люди. Вскоре на борт поднялся возглавлявший их высокий мужчина в меховой одежде. Это был начальник санной вспомогательной группы экспедиции Э. В. Толля геолог Константин Адамович Воллосович. Санная группа организовывала продовольственные базы по возможному пути экспедиции на юг на тот случай, если бы полярникам пришлось оставить судно во льдах океана.

К. А. Воллосович выехал из столицы осенью 1900 г. уже после отхода «Зари» в плавание. Через Иркутск, Якутск и Верхоянск он проследовал в селение Казачье на севере Якутии. Здесь он укомплектовал вспомогательную группу рабочими из числа уроженцев этого края и организовал транспорт из собачьих упряжек для перевозки продовольствия.

Рассчитывая укрепить состав экспедиции опытными исследователями для метеорологических наблюдений и сбора зоологических и ботанических коллекций, К. А. Воллосович привлек к работе двух политических ссыльных: варшавского студента О. Ф. Ционглинского и инженера М. И. Бруснева — организатора одной из первых российских социал-демократических групп в Петербурге.

Эти люди были духовно близки К. А. Воллосовичу. За участие в революционной деятельности в 1894 г. сам Константин Адамович был арестован, сидел в Петропавловской крепости и в Варшавской цитадели, а в 1896-1899 гг. отбывал ссылку в Архангелогородской губернии, где работал на заводе по выработке скипидара, а затем изучал геологическое строение берегов Северной Двины под руководством университетского профессора геологии В. П. Амалицкого. По поручению Зоологического музея Академии наук в 1897 г. К. А. Воллосович изучал животный мир Белого моря.¹

В поисках сведений о Константине Адамовиче Воллосовиче мы связались с ухтинским журналистом В. В. Булычевым, и тот направил нас в семью сына ученого — Константина Константиновича Воллосо-

¹ Биографические сведения о К. А. Воллосовиче получены нами из рукописной биографии этого исследователя, составленной его сыном геологом Константином Константиновичем Воллосовичем (1909—1973), хранящейся у внука исследователя Вячеслава Константиновича Воллосовича в Ленинграде.

вича (1909-1973), также работавшего геологом на Европейском Севере. Вдова К. К. Воллосовича, заслуженный геолог РСФСР Эрна Артуровна Кальберг, и его сын, внук полярного исследователя, Вячеслав Константинович, любезно предоставили в наше распоряжение фотографии и биографию нашего героя, составленную его сыном.

Из этой биографии можно узнать, что Константин Адамович Воллосович был белорусом и родился в 1869 г. в селении Иодчицы Слуцкого уезда Минской губернии в семье православного священника (по сведениям А. В. Мельникова — автора статьи о нашем герое в «Беларускай Савецкай Энцыклапедыі», К. А. Воллосович родился 21 мая 1869 г. в селении Старчицы Старобинской волости Слуцкого уезда). Мать будущего полярника происходила из шляхетской фамилии Лисовских. В семье Воллосовича помнили и о другом написании своей фамилии — Волосевич.

Константин Адамович учился в Минской духовной семинарии, не закончил там курса обучения, сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил на факультет естественных наук Варшавского университета, где преподавание в это время велось на русском языке.

Принимал активное участие в подпольной революционной деятельности, помогал передавать и распространять нелегальную литературу из-за границы. Он окончил университет в 1892 г. со степенью кандидата естественных наук за работу по химии. После этого переехал в Петербург и работал здесь в химической лаборатории Академии наук, а затем в Лесном институте. Чтобы обеспечить себя, К. А. Воллосович стал учителем в доме графа А. В. Стенбок-Фермора, который впоследствии помог организовать экспедицию для перевозки останков мамонта с Новосибирских островов в Петербург. Ученик К. А. Воллосовича А. В. Стенбок-Фермор был фантастически богатым человеком: по свидетельству известного мемуариста генерала А. А. Игнатьева, граф был воспитанником Пажеского корпуса, камерпажом царя, лихим спортсменом в гусарском полку. Ему принадлежала почти половина Урала. Но граф был круглым сиротой, поэтому граф Воронцов-Дашков и барон Мейндорф добились от царя наложения опеки на эксцентричного графа и отправили его на русско-японский фронт, в Маньчжурию. Позже граф оказался в эмиграции в Париже. Несмотря на свое сумасбродство, А. В. Стенбок-Фермор оказывал какую-то помощь научным предприятиям К. А. Воллосовича.

Однако вернемся к событиям осени 1901 г. К. А. Воллосович устраивал продовольственные базы в тундре и занимался геологическими исследованиями. На острове Новая Сибирь он собрал коллекцию ископаемых морских моллюсков. Э. В. Толль высоко

оценил эту работу К. А. Воллосовича, выделив ее из числа других результатов экспедиции, и сообщил телеграммой председателю комиссии для снаряжения экспедиции академику Ф. Б. Шмидту, что геолог «при трудных условиях очень удачно исполнил свою сложную задачу; результаты его геологических исследований богаты». Директору Геологического института, будущему президенту Академии наук А. П. Карпинскому Э. В. Толль также телеграфировал: «Результаты наблюдений Воллосовича замечательны, коллекции богаты». В своем отчете тогдашнему президенту Академии наук Константину Константиновичу Романову Толль писал о «замечательно интересных и важных геологических открытиях К. А. Воллосовича».

Когда вспомогательная группа встретила «Зарю», она присоединилась к экспедиции Э. В. Толля. С 24 сентября 1901 г. по 14 июля 1902 г. «Заря» зимовала в лагуне Нерпалах. Исследователи выполняли программные работы. С приездом К. А. Воллосовича в кают-компания «Зари» оживились беседы на научные темы. По свидетельству ученого-полярника П. В. Виттенбурга, наш земляк был темпераментным человеком и увлекательным рассказчиком, умел интересно ставить и разрешать научные проблемы. Много времени занимали споры о жизни мамонта и других животных, останки которых находили в четвертичных отложениях Новосибирских островов. Обсуждали и проблемы физической географии. К. А. Воллосович считал, что причиной образования большого незамерзающего участка океана к северу от Новосибирских островов — Великой Сибирской Польшны — является разрушительная сила ветров, которые, несмотря на сильную стужу, разрушали цепенение поверхности моря льдом. Кроме того, образованию Польшны способствовало мелководье этой части океана — всего лишь тридцать метров. Польшны была покрыта движущимся льдом, который создавал непреодолимое препятствие тем, кто хотел пробраться с Новосибирских островов на север — к гипотетической Земле Санникова.

Э. В. Толль настолько сблизился с К. А. Воллосовичем, что выбрал его спутником для поездок по Новосибирским островам и на материк. В октябре 1901 г. оба исследователя поехали на реку Бальктах. Для этого им пришлось пересечь остров Котельный и проделать по заснеженной тундре на запряженных собаками нартах более ста верст. Зимовщики изучали геологическое строение острова.¹

¹ Геккер Р. Ф. Введение к ст.: Воллосович К. А. Геологические наблюдения в тундре между нижними течениями р. Лены и Кольмы (по материалам СангаЮрхской экспедиции 1908 г. и Ленско-Кольмской экспедиции 1909 г.).— В кн.: Ленско-Кольмская экспедиция 1909 г. под начальством К. А. Воллосовича. Труды Комиссии по изучению Якутской АССР. А., 1930, т. 15, с. 299.

15 января 1902 г. Э. В. Толль и К. А. Воллосович выбрались на материк за почтой для экспедиции. Они проделали немалый путь по льду океана через Малый и Большой Ляховские острова к ЧайПоварне у Святого Носа — мыса на крайнем севере Якутии на берегу пролива Дмитрия Лаптева. Путь туда занял четыре недели.

В пути К. А. Воллосович заболел, и поэтому Э. В. Толль поручил ему поехать в Якутск — договориться с владельцами парохода «Лена», чтобы те помогли довести до Якутска участников экспедиции и научные материалы в случае, если придется покинуть «Зарю». 25 февраля полярники расстались, не зная, что им больше не суждено будет встретиться.

Вскоре К. А. Воллосович вернулся в Петербург, где женился на врачех Александре Матвеевне Лавровой. Для лечения легочной болезни вынужден был уехать вместе с женой в Цюрих. В Швейцарии в 1903 г. он присутствовал на беседе В. И. Ленина с группой эмигрантов. По возвращении в Россию царские власти вновь арестовали ученого.

После выхода на свободу он обрабатывал геологические коллекции, собранные Русской Полярной экспедицией. В 1906 г. составил геологическую карту Новосибирских островов.

Спустя два года исследователь возглавил экспедицию Петербургской Академии наук на реку Санга-Юрях в северной Якутии для раскопок останков мамонта, в 1909 г. он изучал геологическое строение острова Большой Ляховский и Хараулахских гор и других возвышенностей на севере Якутии, а также руководил съемкой берега Ледовитого океана между устьями рек Яна и Индигирка в связи с подготовкой морского рейса из Берингова пролива к устью реки Лены.

Свою экспедицию 1908 г. он описал довольно подробно. Из сообщения эвенка Дьяконова (Джергели) как раз стало известно о находке останков мамонта на берегу Санга-Юряха. К. А. Воллосовичу было поручено исследовать место нахождения останков и провести геологическое изучение южных, более близких к материку берегов Ляховских островов Новосибирского архипелага, а также тундры между Леной и Индигиркой.

Базой экспедиции стало селение Казачье в низовьях реки Яны. Путь из Якутска в это селение К. А. Воллосович описал так: «До Алдана дорога шла вдоль Лены, поворачивающей здесь на северо-запад, по холмистому предгорью Верхоянских гор. Мягкие очертания холмов, покрытых таежным лесом, преимущественно из лиственницы, сосны и березы, разнообразие долин, прорезанных бесчисленными ручейками, и пышный рост в этих долинах лиственных пород, образующих густые чащи, придают этой местности даже зимой красивый вид. С

ожного склона широкой долины Алдана пред нами открылась панорама альпийских пиков Верхоянского хребта, террасами поднимающихся на север».

Чтобы избежать малодоступного крутого подъема на хребте через Тукуланский перевал, где Воллосович, по его же воспоминаниям, чуть было не замерз во время экспедиции 1901 г., он поднялся по новоустроенной дороге в долине реки Тунгари к небольшому перевалу, который вел к верховьям реки Неры. Затем пересек хребет, спустился по долине притока реки Яны Дулгалах и через Верхоянск проследовал к Казачьему.

Не доезжая до Казачьего, исследователь встретил знакомого ему по первой поездке на Новосибирские острова якута Николая Гулимова — по характеристике К. А. Воллосовича «лучшего из островных промышленников и очень опытного каюра». Н. Гулимов согласился сопровождать путешественника и стал подбирать участников новой поездки на острова.

В Казачье исследователь прибыл 22 марта. Здесь он застал немало якутских охотопромышленников, которые съехались из прибрежной тундры. Они уточнили особенности местонахождения останков мамонта, что облегчило снаряжение экспедиции: не пришлось с собой брать лишних вещей, которые затруднили бы переезд.

1 апреля К. А. Воллосович вместе с зоологом Е. В. Пфиценмайером и участником всех экспедиций Э. В. Толля на Север казаком И. Расторгуевым выехал к местонахождению останков мамонта, Четыреста верст до Санга-Юряхской тундры путешественники преодолели за шесть суток. Ночевать они останавливались в юртах местных жителей, встречавшихся им на побережье Селяхской губы моря Лаптевых.

Наконец исследователи доехали до Санга-Юряха, где уже три недели посланные вперед Джержели и казак Турунтаев охраняли от зверей труп мамонта. На этой реке в другом месте еще в 1893 г. Э. В. Толль изучал найденные охотопромышленниками остатки скелета мамонта.

К. А. Воллосович так описал начало работы экспедиции на Санга-Юряхе: «Расчистив снег над этими остатками (трупа мамонта — В. Г.) и на соседнем обрыве, мы увидели на покато́й поверхности дна выступы частей небольшого мамонта, расположенные полукругом... На склоне реки передней частью к обрыву лежал опрокинутый череп с обнажившимися коренными зубами и выдающимися лунками бивней, которых уже не было; под ними из мерзлой земли выступали

обрывки ткани и кожи с шерстью, как выяснилось впоследствии хобота».

В течение недели путешественники раскапывали в прибрежной глине останки ископаемого животного. К. А. Волосович объяснил своим спутникам, как оно погибло несколько десятков тысяч лет тому назад в этом месте.

Берега постоянно размывала вода. При этом обнажался ископаемый лед, служивший основанием для почвенного слоя тундры. Лед таял под солнечными лучами. Возникали грязевые потоки. Колоссальные животные — мамонты и шерстистые носороги — в теплую межледниковую эпоху, когда льды выходили на земную поверхность и истаявали, проваливались в подобные мощные потоки липкой глины и погибали в них. Животные помельче, олени, лошади и бизоны, имели больше шансов высвободиться из грязи. Поэтому их кости в разливах рек обнаруживались гораздо реже.

Межледниковая глина служила естественным кладбищем. В глине можно было подобрать последовательный ряд останков животных, который свидетельствовал о постепенном мельчании и вымирании мамонтов. Останки, которые обнаруживались в верхних слоях глины, принадлежали более поздним и меньшим по размерам животным.

В борьбе с надвигавшимся с севера ледником мамонты и носороги погибли. Один лишь северный олень сумел выжить — он приспособился к питанию вместо травы сухим лишайником.

Тот мамонт, останки которого раскапывали Волосович и его спутники, в свое время неосторожно подошел в летнюю пору к берегу реки. Береговые наносы как раз разрушались от таяния льдов, и грязевые потоки становились мощными. Мамонт завяз в их грязи и, пытаясь освободить ногу, упал на бок. Глина все больше и больше размывалась водой, и животное погибло. Вечная мерзлота сохранила труп мамонта до двадцатого столетия, когда промысловики и обнаружили его.

По окончании работ экспедиция разделилась. Зоолог Е. В. Пфиценмайер повез препарированные части останков мамонта на Лену, а К. А. Волосович поехал на остров Большой Ляховский и после изучения его геологического строения исследовал горные породы побережья приморской тундры.

На следующий год К. А. Волосович вновь вернулся в Якутию. Вместе с ним ехали топограф Н. А. Июдин и астроном Е. Ф. Скворцов. До Иркутска следовали железной дорогой, а из Иркутска на север знакомым уже путем — через Якутск и Верхоянск.

До Алдана добрались в кибитках, запряженных лошадьми, а затем оленями. После Верхоянска началась тундра, о которой спутник К. А. Воллосовича Е. Ф. Скворцов написал в дневнике: «Так вот и великая полярная тундра! Куда не взглянешь, везде белая, слегка волнистая снежная равнина; ни одного деревца, ни одного кустика — везде идеально белый чистый снег! Въехали мы в тундру не сразу: сначала еще попадались лиственницы, все более чахлые, все более корявые, покрытые темным мхом... Чрезвычайно интересны эти последние лиственницы на границе лесов — почти лишенные сучьев, черные, точно обугленные, стволы. За ними, за деревьями, открывается уже безлесная снежная равнина тундры».

Министерство торговли и промышленности, которое готовило морское сообщение между Леной и Беринговым проливом, планировало проводить работу экспедиции между Леной и Колымой. Однако поздний выезд членов экспедиции из Петербурга привел к тому, что к устью Яны, в Казачье, удалось прибыть через Иркутск, Якутск и Верхоянск лишь к 20 апреля 1909 г.

По всему пути, начиная от Якутска, К. А. Воллосович производил геологические наблюдения. В Казачьем на его плечи легла вся тяжесть подготовки экспедиции в пустынной тундре. К этому времени давала себя чувствовать весна. На горных склонах Хараулахской возвышенности к востоку от дельты Лены реки вскрывались раньше, чем в ровной тундре, и на пути между Казачьим и Леной зимнее сообщение по снегу прекратилось.

Трудности при переправах во время половодья через горные речки и их многочисленность на пути к Лене заставили К. А. Воллосовича изменить план работ. Он решил сперва делать съемку Яны и близлежащего морского побережья, затем переехать зимней дорогой по снегу на восток в дельту Индигирки и летом снимать береговую линию между Индигиркой и Яной, а также к западу от Яны к устью Лены. Таким образом, во время половодья можно было работать в междуречьях.

Астроном Е. Ф. Скворцов отмечал, что начальству экспедиции в эти апрельские дни доводилось особенно тяжело: «Весь день К. А. Воллосович ведет переговоры по поводу организации перевозочных средств для движения экспедиции по берегу океана, объясняясь главным образом попятски со старшинами Устьянского улуса».

Вскоре путешественники отправились в путь. Приближалась весна. Стало ясно, что использовать собачьи упряжки для передвижения нарт не удастся. По таявшему снегу экспедиции удалось

добраться лишь до селения Русское Устье в низовьях Индигирки. Здесь предстояло нанять для дальнейших поездок оленей.

В Русском Устье стояло девять домов, в которых жили потомки русских первоселов, сохранившие язык своих предков. Это было редкостью для здешних мест, поскольку русские поселенцы в Якутии обычно подвергались объякучиванию. Одежду жители селения носили такую же, как и их соседи по тундре — эвенки и юкагиры, ездили на нартах, запряженных собаками и оленями. Они даже переняли у коренных жителей Севера обычай платить калым за невесту, но знание языка предков не утратили.

Как и другие местные жители, русскоустыинцы страдали от отсутствия врачебной помощи. Один врач, приходившийся на Верхоянский округ, бывал на его обширной территории наездами и не имел возможности уделить больным достаточно внимания. Особенно страдали жители Севера от эпидемий оспы, уничтожавшей население отдельных поселков целиком.

Вся жизнь русскоустыинцев зависела от улова рыбы. Та рыба, которую они ловили весной, употреблялась летом в слегка подгнившем виде — поскольку ее хранили в ямах, доходивших до слоя вечной мерзлоты: сохранить доброкачественной такую рыбу в теплую пору не удавалось. А на зиму заготавливали в таких же ямах рыбу осеннего улова. Однако для бедняков рыбы не хватало, и весну они проводили впроголодь. Летом, во время линьки гусей, когда те не могли высоко взлетать, местные жители окружали сетями многочисленные тундренные озера «лайды» и, вспугивая гусей и загоняя их в сети, били. Битую птицу тоже хранили в ямах. Муки для лепешек у русскоустыинцев было мало: ведь ее привозили с юга, и стоила она дорого. Поэтому пекли лепешки из рыбы.

Участники экспедиции впоследствии подали в соответствующее ведомство докладную записку с ходатайством об оказании регулярной материальной и медицинской помощи местным жителям.

К. А. Волосовичу и здесь удалось организовать дальнейшую работу экспедиции при содействии местных жителей. 7 июня экспедиция на сорока оленях вышла из Русского Устья. Низкая тундра была местами залита водой от стаявшего снега, и олени брели почти по колено в воде. В эту пору олени линяли и были слабее, чем в другое время года. Уже на второй день большинство оленей от лямок натерли плечи до крови. Не встречались хорошие пастбища. Нужно было добавить оленей для упряжки, и К. А. Волосовичу пришлось купить у кочевавших неподалеку юкагиров новых оленей.

Передвигаться по тундре было нелегко. Летом в ней роились тучи мошки, которые не давали покоя людям и ездовым оленям. Приходилось разводить дымящий костер. Но и это не помогало. Люди укрывались в задымленной урасе — походной конической палатке из замши эвенкийского типа, где было полно дыму от костра. Спасала от комаров только смена направления ветра, которым относило насекомых в другую сторону.

Тяготы экспедиционной работы не мешали ее участникам любоваться красотами Севера. Один из них записал как-то в своем дневнике: «Такая великолепная ночь, что жаль и спать ложиться... Вся тундра отликает золотистым блеском; кругом далекие булгунняки (холмы — В. Г.), как золотые купола, блестят на синеве неба... а над берегом ровно сияет совершенно правильный диск солнца. Тишина поразительная, все спит, ветерка ни малейшего, и величаво спокоен в северной стороне блестящий на солнце океан!».

В ходе изысканий между реками Индигиркой и Алазеей К. А. Волосович обнаружил и впервые сфотографировал любопытные геологические образования в хребте Улахансис — кекуры, то есть гранитные скалы-останцы, выходящие на поверхность разнообразными причудливыми фигурами высотой до десяти — двадцати метров. Выветривание вулканических пород превратило гранитный массив в каменный лес посреди тундры. Якуты называли кекуры — «кисиях» (на их языке — люди) за то, что эти столбы напоминали человеческие фигуры в различных позах.

Надвигалась полярная ночь. Работа экспедиции подходила к концу. После странствий в пустынной тундре путешественники наконец повстречали первые якутские балаганы, стоявшие один от другого на расстоянии нескольких десятков верст. Е. Ф. Скворцов вспоминал, как на восточном побережье океанской губы Сиэлях 1(14) сентября они остановились в юрте якута Конона: «Не можете представить себе чувства, с каким вошел я, наконец, в человеческое жилище и уселся на скамье у стола у пылающего камелька. Почти три месяца прошло с тех пор, как мы начали скитания по безлюдной пустыне, в течение которой только на Оёгосе встретили промышленников, живших в таких урасах, как наши. Вот когда по достоинству оценишь эту маленькую комнату, маленькие окошечки, покрытые оленьей брюшиной, потому непрозрачные, деревянные скамьи вдоль стен и... камелек, главное, камелек и весело потрескивающий на нем животворный огонь, а на нем несколько кипящих чайников! Нет, карандаш тут абсолютно бессилён! Он не передаст испытываемых ощущений, когда здесь отогреваешь замерзшие в

сапогах ноги и снимаешь, наконец, бобриковую куртку. Дьячков (казак экспедиции — В. Г.) наливает стакан горячего чая. Не нужно больше закутываться в одеяло, можешь вытянуть ноги под столом, как угодно, и можешь пить чай, не согнувшись в три погибели, а даже облокотясь на стол! Да, только после трехмесячного скитания понимаешь, как все это ценно и как приятно, хоть не надолго, отдохнуть в юрте! А писать — что уж об этом и говорить — как ни располагайся, то и дело ноги сводит судорогой от продолжительного их изгиба в неподвижном состоянии».

Вскоре работа экспедиции была завершена, и К. А. Волосович со своими спутниками покинул Якутию. Он поселился в пригороде Петербурга Лахте, работал некоторое время в Академии наук. Весной 1910 г. по поручению ученого промышленники отправились на Большой Ляховский остров, чтобы откопать обнаруженные там еще летом 1906 г. останки мамонта. Они выкопали скелет и мягкие части трупа этого животного, доставили их на Лену и через Иркутск отправили по железной дороге в Петербург. Здесь останки мамонта перевезли в Лахту в имение А. В. Стенбок-Фермора в специальный ледник. Ученый препарировал эти останки, которые под его присмотром были отправлены в Палеонтологическую галерею в Париж.

Позже исследователь принял участие в инженерно-геологических работах для реконструкции Архангельского морского порта, работал над проблемами четвертичной геологии Поволжья и Кубани. В 1917 г. К. А. Волосович переехал в Ессентуки, где его жена работала врачом. Он погиб 25 сентября 1919 г. во время железнодорожной катастрофы под станцией Беспаловка под Харьковом.

Именем ученого названы: мыс на северо-восточном побережье острова Октябрьской революции в архипелаге Северная Земля, некоторые ископаемые растения и животные. Работы К. А. Волосовича положили начало регулярному геологическому исследованию северной Якутии и выявлению ее неистощимых природных богатств.

МАРШРУТ АМ И ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

Когда в июле 1913 г. ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач», до того уже трижды бросавшие вызов Северному Ледовитому океану, отправились в свое четвертое плавание из Владивостока, их экипажи не могли и предположить, что находятся на пороге крупнейшего в XX столетии географического открытия. Намечали не только описать берега к западу от устья Лены, но и совершить, если удастся, дерзкое сквозное плавание к Архангельску. Вскоре в пути заболел и умер начальник гидрографов Н. С. Сергеев. Руководство экспедицией принял на себя старший лейтенант Б. А. Вилькицкий¹ сын одного из инициаторов экспедиции — известного полярного плователя, начальника Главного гидрографического управления А. И. Вилькицкого.

Б. А. Вилькицкий принял экспедицию под свое командование только после смерти отца, скончавшегося 26 февраля 1913 г.

В августе к северу от Новосибирских островов открыли неизвестный остров, названный именем А. И. Вилькицкого.

21 августа 1913 г. у Таймыра участники плавания попытались обойти мощные паковые льды и вдруг увидели на севере вершины заснеженных гор. Прошли около сотни миль вдоль неведомой земли, конца ее так и не обнаружили. Соорудили на берегу астрономический гурий из камней и водрузили русский флаг. Открытие произвело сенсацию в мире, на известие о нем откликнулась пресса всех стран.

Так была открыта Земля Николая II или, как ее позже переименовали, Северная Земля. Найдено было, как оказалось, семейство островов, почти не уступающих по площади территории нынешних Нидерландов.

Только спустя 19 лет советская экспедиция Г. А. Ушакова и Н. Н. Урванцева смогла составить подробное описание и картину островов — Октябрьской революции, Большевика, Комсомольца, Пионера и других.

Один из инициаторов экспедиции «Таймыра» и «Вайгача» Андрей Ипполитович Вилькицкий был выходцем из шляхетской семьи родом из Борисовского уезда Минской губернии², окончил Морскую академию в Петербурге и прошел специальный курс астрономии и геоде-

¹ АГО СССР, ф. 19 (Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана), д. 1-163, 5606 л.; Каневский З. «Пропавшая» экспедиция. — Знание — сила, 1981, № 5, с. 36-38.

² ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 18, д. 2260, 1867 г., л. 122, 147, 156, 177—178.

зии в Пулковской обсерватории¹. Затем занимался научно-исследовательской работой в Главном гидрографическом управлении и преподавал в Морской академии. Научную работу он начал с изучения Балтийского моря и Онежского озера. Там А. И. Вилькицкий исследовал ускорение силы земной тяжести, за что был награжден малой золотой медалью и медалью имени Литке Русского географического общества. В 1887 г. он возглавил научную экспедицию на судне «Бакан» на Новую Землю.

В связи с постройкой Сибирской железной дороги в конце XIX в. роль Енисея и Оби как подъездных путей к ней усилилась. Поэтому Главное гидрографическое управление Морского министерства направило в мае 1894 г. гидрографическую экспедицию во главе с А. И. Вилькицким для исследования Карского моря.² Сохранились ценные воспоминания об этом плавании. 9 июля 1894 г. экспедиция вышла из Енисейска вниз по реке. Ее начальник писал: «Население редело, редел и лес... постепенно исчезало хлебопашество, скотоводство, огородничество и другие культурные занятия человека и соответственно вступала в свои права дикая угрюмая тундра...» А. И. Вилькицкий отмечал, что «населенность берегов незначительная, на всем пространстве от Енисейска до взморья не более 7000 жителей, расселившихся погуще около берегов, ближайших к Енисейску; у Туруханска же наиболее населенные деревни имеют не более 70 душ, а затем идут уже селения большей частью в одну или две семьи. Жители отличаются поразительной прикованностью к месту... Севернее Гольчихи мы не только не встретили ни одного человека, но и из развалин наши остатки лишь одного зимовья, именно на Крестовском мысе».

Причины местного запустения моряк определял следующим образом: «В Гольчиже мне удалось встретить одного крестьянина, который в детстве жил в Крестовском зимовье. На мой вопрос, отчего оно было покинуто, он мне рассказал довольно незамысловатую историю:

— Ходила, говорит, сильная болезнь, и пришла бумага, чтобы начальство имело надзор за смертностью; сообщения неудобные, долгие; как наблюдать издали? Нам и велено было выселиться из всех зимовий под бок к начальству.

Занятия жителей, главным образом, составляет рыбная ловля. Рыбный промысел доставляет жителям все необходимые средства к жизни».

¹ ЦГА ВМФ, ф. 406, оп. 9, д. 607, л. 1-3.

² ЦГИА СССР, ф. 1273, оп. 1, д. 210, 1893 г. (Краткий обзор работ Гидрографической экспедиции под начальством подполковника Вилькицкого. Реки Енисей и Обь); д. 210, 1893-1898 гг., 144 л.

Участники экспедиции обращали внимание на природу, хозяйство и быт жителей Енисея. Принимавший участие в экспедиции лейтенант А. Боткин описал тяжелое экономическое положение местных рыбаков.

О коренных жителях А. И. Вилькицкий писал: «Духов у них много: одни, по их мнению, имеют власть над поветриями, болезнью и смертью, другие предохраняют оленей от падежа, третьи — одарены предвидением и прочим. Призыванием духов занимаются так называемые шаманы... Предвидения свои они получают после продолжительного пения и ударов в бубны, сопровождаемых сильными движениями тела».

О взаимоотношениях среди ненцев путешественник заметил: «Следует сказать, что у самоедов (ненцев — В. Г.) жена пользуется большой любовью и уважением, и любят они своих жен нежно и благообразно... Все эти племена отличаются большой любовью к своим детям».

Местные купцы наживались на торговле с коренными жителями. А. И. Вилькицкий писал об этом: «Торговля имеет здесь особый характер и дает громадные барыши; деньги же от инородцев совершенно не принимаются, ровно как и ничто от них не покупается за наличные, а всегда на товар, и если случается инородцу просить расплаты деньгами, то на это слышится в ответ: «у меня не казначейство», и дерзнувший на эту просьбу или назначивший сам цену своей добыче уже не может больше явиться к купцу (или «благодетелю») — ни с предложением, ни со спросом; обвес и обмер процветают».

В первый год работы экспедиция сделала промеры в устье Енисея и установила, что крупные морские суда могут заходить в реку на 350 верст от океана, где их можно перегружать в спокойных условиях. Уже при Советской власти был создан там порт Игарка. Экспедиция уточнила положение мыса Матте-Сале, островов Диксон и Сибирякова и описала берег Енисея от Гольчихи до острова Диксона и от Туруханска до Енисейска.

В 1895-1896 гг. экспедиция описывала Обскую губу и низовья Оби. Переход морем из Енисея в Обь экспедиция проделала впервые после плаваний Великой Северной экспедиции 1730-х годов, уточнила положение низовий Оби и Обской губы. Уже первые обмеры и обнаружили «что губа далеко не так широка, как это показано на прежних картах, и прямого направления с севера на юг не имеет, а под широтой 72° восточный берег круто поворачивает на запад и, отойдя от положения его, показанного на существующих картах миль на 45, снова на параллели 71° уклоняется к востоку, а затем уже идет

на юг в расстоянии 30-35 миль от положения своего по прежним описям. Тазовская губа... открылась только к вечеру того дня., оказалось, что положение входного мыса в Тазовскую губу неверно на 55 миль, и тогда стали понятны причины, по которым у этих берегов Обской губы потерпели крушение пароход «Луиза», шедший в Тазовскую губу... и шхуна «Москва», шедшая в Тазовскую губу».

Условия работы экспедиции были тяжелыми. А. И. Вилькицкий писал, что волна в Обской губе очень крутая и короткая и настолько неправильная, что бороться с нею гораздо труднее, чем в Енисейском заливе. Когда суда экспедиции у Тазовской губы были застигнуты крепким зюйдом (южным ветром — В. Г.) и пароход «Лейтенант Овцын» сорвало с якорей и он держался под парами, крен на каждую сторону превышал 40 градусов. Исследователь отмечал, что вода в губе и Оби пресная и в противоположность воде Енисейского залива и Енисея очень мутная. Моряки не встретили следов человека на всем побережье Обской губы. Первыми населенными пунктами, которые они увидели здесь, были рыболовный стан, а затем хантыйские юрты в Хаманельской Оби.

Вскоре экспедиция прибыла в Обдорск, в котором тогда насчитывалось восемьсот жителей. На путешественника этот торговый центр тундры произвел «крайне благоприятное впечатление». А. И. Вилькицкий писал, что «на Обдорскую ярмарку стекаются самоеды с самых далеких окраин, даже из Туруханского края, так как на ярмарке они могут выгоднее сбывать свою добычу и выгоднее запастись хлебом и прочим товаром, и не едут сюда только те, которые по бедности или старости попали в долг к местным торговцам; выбиться из долга уже не придется ни им, ни их потомству».

Экспедиция была успешной. Она отыскала бухту Находка, которую впоследствии использовали для перевалки грузов с морских на речные суда.

Работы экспедиции обеспечили безопасность дальнейших плаваний и устранили затруднения в развитии судоходства в южной части Карского моря. Была создана новая карта побережья Карского моря, Обской губы, Енисея и Енисейского залива, установлено, что вход в Обь крупных океанских судов невозможен из-за мелководности бара.

Историк исследования Северного морского пути Д. М. Пинженсон так оценивает итоги экспедиции А. И. Вилькицкого: «Создание основ лоции и новой карты было серьезным шагом вперед в научно-гидрографическом обеспечении плавания в устье Оби и Енисея».

Работа экспедиции положила начало новому этапу подробного гидрографического изучения морского побережья Сибири, послужила

толчком к изучению и разработке богатых недр севера Сибири. В 1894 г. в районе Норильска, где теперь вырос крупный промышленный город за Полярным кругом, и было добыто и доставлено по зимнему пути небольшое количество угля для нужд экспедиции.

А. И. Вилькицкий был поборником использования морского пути в устьях сибирских рек. Он писал, что этот путь «можно считать не только свободным, но и определенным относительно времени».

В 1901 г. мореход успешно проплыл с караваном в двадцать два корабля из Европейской России через Карское море в Енисей, тем самым показал возможность морских сношений между Европой и устьями великих сибирских рек.

С 1907 г. ученый возглавил Главное гидрографическое управление. В следующем году он поддержал намерение Министерства промышленности и торговли провести обзорную экспедицию вдоль побережья Ледовитого океана между устьем Лены и Беринговым проливом. Экспедиция состоялась в 1909 г. и провела маршрутную съемку побережья.

Наш земляк был последовательным сторонником отечественных интересов в полярных исследованиях. В 1912 г. он поддержал выдающегося полярного исследователя Г. Я. Седова, готовившего экспедицию к Северному полюсу. А. И. Вилькицкий всегда отстаивал идею развития Северного морского пути, претворенную в жизнь только после Октябрьской революции.

31 августа 1910 г. решено было «учредить Гидрографическую экспедицию для исследования Северного Ледовитого океана от Берингова пролива до устьев реки Леть», для которой были построены ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», зачисленные в состав русского флота. Экспедицию возглавил, как было указано выше, полковник Н. С. Сергеев, а после его смерти Борис Андреевич Вилькицкий — сын Андрея Ипполитовича. А. И. Вилькицкий препятствовал назначению сына по соображениям этики.

Борис Андреевич Вилькицкий был питомцем Морского корпуса, затем Военно-морской академии, участвовал в русско-японской войне, оборонял Порт-Артур, был ранен, награжден боевыми орденами¹.

Второй раз в истории человечества (после шведа Н. Норденшельда) был пройден насквозь Великий Северный морской путь. Суда преодолели тяжести ледового плавания и наметили сквозную трассу

¹ ЦГА ВМФ, ф. 406, оп. 9, д. 606, 18 л.

через арктические моря. Участники экспедиции описали побережье Сибири между мысами Дежнева и Челюскина.

Результаты экспедиции были расценены как выдающиеся достижения. Все нижние чины были награждены медалями, а офицеры — орденами. Б. А. Вилькицкий был удостоен золотых медалей Русского и Французского географических обществ и Шведского общества антропологии и этнографии.

Имена отца и сына А. И. и Б. А. Вилькицких прочно вошли в историю арктических исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая ретроспективное путешествие по различным частям Сибири и побережья Тихого океана, хочется подчеркнуть, что приведенные сведения преимущественно являются первыми известиями об этих краях и их жителях и принадлежат они перу уроженцев Белоруссии.

Эти люди чаще всего были активными участниками бурных событий в родных местах — войн, восстаний. Это были представители интеллигенции, передовой ее части, они становились в оппозицию к самодержавию, вели с ним непримиримую войну.

подавляющему большинству персонажей книги характерны патриотизм, гуманизм и любознательность. Они вели неутомимую работу по развитию Приуралья, Казахстана, Сибири, старались помочь местному населению, принимали активное участие в политической и культурной жизни этих народов.

Авторы путевых дневников и мемуаров были пионерами этнографического и географического изучения различных частей Северной и Восточной Азии. Поэтому столь пристально наше внимание к их жизненному и творческому пути.

© OCR: Камунікат.org, 2012

© Інтэрнэт-версія: Камунікат.org, 2012

© PDF: Камунікат.org, 2012

ПРИМЕЧАНИЯ

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Названия архивов, рукописных отделов библиотек и изданий

АВ ЛО ИВАН — Архив востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР

АГО — Архив Географического общества СССР (Ленинград)

ГАОмО — Государственный архив Омской области

ГАОрО — Государственный архив Оренбургской области

ГАТО — Государственный архив Тамбовской области

ГПБ АДП — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Архив «Дом Плеханова»

ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив

ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР

МС — Морской сборник

ОР БВГУ — Отдел рукописей Библиотеки Вильнюсского государственного университета им. В. Мицкявичюса-Капсукаса
ОР БАГУ — Отдел рукописей Библиотеки Ленинградского государственного университета

ОРК ГПБ — Отдел рукописей редкой книги Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. СалтыковаЩедрина (Ленинград)

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи, 1-е изд. СПб.: 1830. тт. 1—45

ЦГАВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (Ленинград)

ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (Москва)

ЦГА БАССР — Центральный государственный архив Башкирской АССР (Уфа)

ЦГА ТАССР — Центральный государственный архив Татарской АССР (Казань)

ЦГА ЯАССР — Центральный государственный архив Якутской АССР (Якутск)

ЦГИА КазССР — Центральный государственный архив Казахской ССР (Алма-Ата)

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград)

ЦГИА УССР — Центральный государственный исторический архив УССР (Киев)

ЦГИА ЭССР — Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР (Тарту)

Названия научных учреждений и обществ

АН — Академия наук

ВГО — Всесоюзное географическое общество

РГО — Русское географическое общество

Названия городов

Ирк.— Иркутск

Каз.— Казань

Мн.— Минск

Мол.— Молодечно

Нов.— Новосибирск

Ор.— Оренбург

Хаб.— Хабаровск

Яр.— Ярославль

В.— Berlin

Kat.— Katowice

Kr.— Kraków

L.— London

Lw.— Lwów

P.— Paris

Warsz. — Warszawa

Wil.— Wilno

Wr.— Wrocław

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе и книге
Знать прошлое — предвидеть будущее
Через всю Сибирь
Сибирские воины из Белоруссии
Посольство к ойратам
В далекую Монголию
Край малой ночи
Острова за проливами
По Чукотке
Путь сквозь льды
В стране вулканов
Даурская ссылка
Ташкараган ищет золото
В степи за Илеком
Друг степных жителей
По Казахстану
На краю тайги
Беловолосый консул
Собиратель гербариев
Исследователь сибирской фауны
Когда и смерть не останавливает
Добрый доктор на Гавайях
Составитель якутского словаря
За розовой чайкой
По следам мамонтов
Маршрутами первопроходцев
Заключение
Примечания

Валентин Петрович Грицкевич

ОТ НЕМАНА К БЕРЕГАМ ТИХОГО ОКЕАНА

Заведующий редакцией В. А. Санько
Редактор С. П. Тиванова
Художник А. Ф. Корчагин
Художественный редактор К. В. Хотяноеский
Технический редактор Н. З. Асташонок
Корректоры Я. В. Алейникова, Т. Е. Медведева
ИБ № 324

Сдано в набор 28.03.85. Подписано в печать 15.02.86. АТ 13563.
Формат 84X907з2. Бумага для глубокой печати. Гарнитура школьная.
Высокая печать. Усл. печ. л. 13,30. Усл. кр.-отг. 30,45. Уч.-изд. л.
16,33. Тираж 20 000 экз. Изд. № 4638. Зак. 1325. Цена 1 руб.

Издательство «Польмя» Госкомиздата БССР.

220600. Минск, пр. Машерова, 11. Минский ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005,
Минск, Красная, 23.